

ГАМЛЕТЪ,
ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ
ВИЛІАМА ШЕКСПИРА.

Переводъ въ прозѣ съ Нѣмецкаго по А. В. Шлегелю
А. М. ДАНИЛЕВСКАГО.

ВИТЕБСКЪ.
1878.

[OCR Бычков М.Н.](#)

Дозволено цензурою. С.Петербургъ, 23 Сентября 1878 года.

Типографія Наслѣдниковъ М. Б. Неймана, Запковая ул., д. Цытрынко.

ПОСВЯЩАЮ РОДНОМУ БРАТУ МОЕМУ ВИКТОРУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почти всѣ переводы Шекспира, существующіе въ нашей литературѣ, написаны бѣлыми стихами и доступны только для людей посвященныхъ въ область спеціально шекспировской, такъ сказать, литературы.

Предпринимая перевести съ нѣмецкаго на русскій языкъ въ прозѣ трагедію Шекспира „Гамлетъ, Принцъ Датскій," я имѣлъ единственно въ виду передать эту пьесу въ такомъ видѣ, чтобы она была какъ можно болѣе доступна большинству читающей публики. Съ этой цѣлью я позволилъ себѣ, въ крайнихъ случаяхъ, излагать нѣкоторыя слова и фразы въ болѣе простой и краткой формѣ, какъ они изложены у Шлегеля; но, по возможности, слѣдовалъ буквально этому гениальному переводчику Шекспира, и льщу себя надеждой, что такой переводъ, какъ настоящій, если хотя отчасти передаетъ красоты одного только Шлегеля, будетъ для меня лучшей похвалой и наградой.

Излишне было-бы писать родъ трактата о твореніяхъ Шекспира — цѣлый отдѣлъ литературы созданъ по поводу твореній этого гиганта между поэтами. Я нахожу возможнымъ высказать нѣсколько только впечатленій, которыя на меня производятъ главныя лица этой лучшей, по моему мнѣнію и чувству, изъ шекспировскихъ трагедій.

Всѣ лица созданы необыкновенно естественно, хотя говорятъ часто весьма искусственнымъ языкомъ; но это дань, которую и самъ Шекспиръ долженъ былъ заплатить своему вѣку.

Полоній — это старая придворная лиса; но ни въ какомъ случаѣ его нельзя представлять себѣ шуткомъ.

Король — злодѣй въ полномъ смыслѣ слова, пользуется ловко своимъ положеніемъ, низкій въ душѣ человекъ; но отлично разыгрываетъ роль свою и, въ этомъ отношеніи, не уступаетъ даже Людовику XIV.

Королева — женщина характера деспотическаго, тщеславная, была бы чудовищемъ въ женскомъ родѣ, если бы не любовь къ сыну, которая придаетъ ей гуманность и даже прелесть, какая отражается въ ея материнскихъ чувствахъ къ Гамлету. Это львица, которая становится опасной, когда задѣваютъ ея первенца.

Офелія, которой роль не въ полнѣ обрисована поэтомъ — это прелестная роза, сорванная съ роднаго куста, которой первый шагъ на сценѣ говоритъ, что счастье ея не на землѣ и что ее ждетъ преждевременная гибель, такъ поэтично описанная въ пьесѣ королевой.

Наконецъ **Гамлетъ** добрая, честная и благородная въ высшей степени душа, окруженъ такими условіями и людьми, отъ которыхъ и болѣе сильная натура содрогнулась и падала бы духомъ, какъ и онъ. Кромѣ нерѣшительнаго характера, поэтъ не поскупился подарить своему герою и много другихъ слабыхъ сторонъ: Гамлетъ крайнѣ самолюбивъ и раздражителенъ, что свойственно всѣмъ слабымъ

натурамъ; его поступокъ съ бумагами на кораблѣ совсѣмъ уже не рыцарскій. Но за то миѳическая фигура Гамлета изливается отъ времени до времени такими думами, за которыя этотъ типъ сдѣлался образцомъ героевъ всѣхъ трагедій въ мірѣ, любимцемъ самыхъ тонкихъ умовъ и вкусовъ; онъ озарилъ безсмертное чело Шекспира — которымъ такъ давно и справедливо гордится Англія — такими яркими лучами, которые исчезнутъ только тогда, когда исчезнетъ все высокое и изящное, присущее нашему духу.

А. Д.

ЛИЦА къ ГАМЛЕТУ, принцу Датскому.

Клавдій, король датскій.

Гамлетъ, сынъ прежняго и племянникъ настоящаго короля.

Полоній, оберъ-камергеръ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Вольтимандъ, |

Корнелій, |

Розенкранцъ, } придворные.

Гильденштернъ, |

Осрикъ, |

Дворянинъ.

Священникъ.

Марцелло |

} офицеры.

Бернардо |

Франциско, солдатъ.

Рейнгольдъ, слуга Полонія,

Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.

Духъ отца Гамлета, бывшій король Гамлетъ.

Капитанъ.

Посланникъ.

Трупа актеровъ.

Слуга.

Гертруда, королева датская и мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Придворные мушкетеры и дамы, офицеры, солдаты, матросы, могильщики, посланцы и прочая прислуга.

Мѣсто дѣйствія въ Гельзингерѣ; въ 4-й только сценѣ 4-го дѣйствія равнина въ Даніи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Гельзингеръ. — Терраса передъ замкомъ.

Франциско на часахъ; **Бернардо** входитъ.

Бернардо. Кто здѣсь?

Франциско. Отвѣчайте мнѣ, остановитесь и скажите: кто вы!

Бернардо. Многая лѣта королю!

Франциско. Бернардо?

Бернардо. Онъ самъ.

Франциско. Вы приходите минута въ минуту на свои часы.

Бернардо. Только-что пробило двѣнадцать; ступай спать, Франциско.

Франциско. Спасибо за смѣну! Холодъ страшный, мнѣ что-то нездоровится.

Бернардо. Все-ли было тихо?

Франциско. Мертвая тишина.

Бернардо. Ну, спокойной ночи! Если встрѣтишь моихъ товарищей, Гораціо и Марцелло, скажи имъ пусть идутъ скорѣе!

Франциско. Мнѣ кажется, они идутъ. Стой! Кто идетъ?

Гораціо и Марцелло входятъ.

Гораціо. Другъ здѣшной страны,

Марцелло. Вассаль датскаго короля.

Франциско. Спокойной вамъ ночи!

Марцелло. Будь здоровъ, храбрый солдатъ! Кто тебя смѣнилъ?

Франциско. Теперь на часахъ Бернардо. Спокойной ночи! (*Уходитъ.*)

Марцелло. Эй, Бернардо!

Бернардо. Не вамъ спрашивать, вы отвѣчайте. А, и Гораціо здѣсь?

Гораціо. Отчасти — какъ постороннее лицо.

Бернардо. Здравствуйте! здравствуйте, другъ Марцелло!

Гораціо. Ну что, сегодня оно опять являлось?

Бернардо. Я ничего не видѣлъ.

Марцелло. Гораціо говоритъ, что это одно только воображеніе и не-хочетъ вѣрить въ привидѣніе, которое мы видѣли два раза. А потому я пригласилъ его сюда, чтобы онъ былъ съ нами сегодня на часахъ съ тѣмъ, что, если снова прійдетъ явленіе, пусть убѣдится самъ и заговоритъ съ нимъ.

Гораціо. Пустяки, пустяки! Оно не прійдетъ.

Бернардо. Садитесь же и мы расскажемъ вамъ снова то, что видѣли двѣ ночи сряду, во что вы такъ упорно не хотите вѣрить.

Гораціо. Хорошо, сядемъ, пусть Бернардо рассказываетъ.

Бернардо. Прошлой ночи, когда таже самая звѣзда свѣтила, на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперъ горитъ, мы видѣли, Марцелло и я, въ то время пробило уже часъ —
Марцелло. Тише! Стой! Оно идетъ опять!

Духъ входитъ въ латахъ.

Бернардо. Точь въ точь образъ покойнаго короля.

Марцелло. (*къ Гораціо.*) Ты ученый, поговори съ нимъ, Гораціо.

Бернардо. Развѣ оно не похоже на короля? Взгляни на него, Гораціо!

Гораціо. Совершенно похоже; я цѣпенѣю отъ ужаса и изумленія.

Бернардо. Оно, какъ будто, хочетъ, чтобы къ нему заговорили..

Марцелло. Гораціо, говори!

Гораціо. (*къ духу.*) Кто ты, дерзающій являться по ночамъ, въ той благородной и воинственной одеждѣ, которую обыкновенно носилъ король покойный? Заклинаю тебя небомъ: говори!

Марцелло. Оно оскорбилось.

Бернардо. Смотрите, оно уходитъ.

Гораціо. Остановись и говори! Говори, я заклинаю тебя, говори! (*Духъ уходитъ.*)

Марцелло. Оно скрылось и говорить не хочетъ.

Бернардо. Ну, что скажете теперъ Гораціо? Вы дрожите, поблѣднѣли: это немного побольше воображенія? Что вы думаете объ этомъ?

Гораціо. Какъ Богъ святъ, я никогда-бы не повѣрилъ, если-бы не видѣлъ ясно собственными глазами.

Марцелло. Развѣ не похоже оно на короля?

Гораціо. Какъ ты на самага себя. Точно такой-же панцырь былъ на немъ, когда онъ боролся съ гордымъ Норвежцемъ; такой-же видъ имѣлъ онъ тогда, когда въ пылу борьбы ударилъ тяжелой сѣкирой объ ледъ. Это что-то необыкновенное.

Марцелло. Вотъ уже два раза такой воинственной походкой, въ это-же глухое ночное время, оно проходитъ мимо насъ.

Гораціо. Навѣрно сказать, какое значеніе этого явленія я не могу, но, судя по всему, оно предвѣщаетъ нашему государству необыкновенное смятеніе.

Марцелло. Садитесь-же, друзья; скажите мнѣ, кто знаетъ зачѣмъ такая грозная стража по ночамъ? Зачѣмъ день въ день льютъ пушки и закупаютъ военные снаряды въ чужихъ краяхъ? Зачѣмъ кипитъ работа на верфяхъ и народу не даютъ покоя ни по праздникамъ, ни днемъ, ни ночью. Кто объяснить мнѣ это?

Гораціо. Я могу; покрайней мѣрѣ, какъ говорятъ. Послѣдній король, тотъ, котораго образъ только-что являлся намъ, былъ, какъ вы знаете, вызванъ на бой честолюбивымъ Фортинбрасомъ, королемъ Норвежскимъ; нашъ храбрый Гамлетъ (такимъ его весь свѣтъ считалъ) побѣдилъ Фортинбраса, который, въ силу заключеннаго договора, утвержденнаго закономъ и рыцарскимъ обычаемъ, съ жизнью потерялъ всѣ земли, перешедшія въ собственность побѣдителя. Нашъ-же король обязался, съ своей стороны, соотвѣтственную часть своихъ земель уступить Фортинбрасу, если-бы послѣдній остался побѣдителемъ. Такимъ образомъ земли Фортинбраса достались Гамлету. И вотъ теперъ юный Фортинбрасъ, нося въ груди

неукротимый пылъ и злобу, набралъ по всѣмъ угламъ Норвегіи толпу отчаянныхъ головъ, на все готовыхъ за хлѣбъ и воду и вздумалъ (что не безъ извѣстно и нашему государству) силою оружія отнять у насъ, утраченныя отцомъ его, земли. И вотъ чѣмъ можно объяснить наши вооруженія, вотъ причина усиленной стражи, необыкновеннаго движенія и тревоги въ государствѣ.

Бернардо. Иначе нельзя и думать; вотъ почему, какъ разъ теперь и посѣщаетъ нашъ постъ это страшное видѣніе въ оружіи, похожее такъ на короля, виновника этой войны.

Гораціо. Это всталъ прахъ, чтобы смутить глаза нашего духа. Когда Римъ, какъ пальма, гордо поднимался, передъ самымъ убійствомъ великаго Юлія, пустѣли гробницы, мертвецы въ саванахъ кричали и бродили по улицамъ цѣлыми толпами, Тогда являлись кометы съ огненными хвостами, выступала кровавая роса, солнце покрылось пятнами, влажная звѣзда, управляющая царствомъ Нептуна, затмилась, какъ будто въ день страшнаго суда. И вотъ, точно такія-же явленія грозныхъ событій (обыкновенно предвѣстники роковыхъ переворотовъ,) высланы теперь небомъ и землей противъ страны и нашего народа.

Духъ снова входитъ.

Гораціо. Но тише! Оно опять идетъ. Я загорожу ему дорогу, хотя-бы пришлось погибнуть. Стой, привидѣніе! Владѣешь-ли ты языкомъ или только одними звуками: говори ко мнѣ! Нужно-ли совершить честное дѣло, которое можетъ тебя успокоить: говори ко мнѣ! Посвященъ-ли ты въ тайну судьбы страны, которую, можетъ быть, слѣдуетъ предупредить: о, говори! Зарылъ-ли ты въ нѣдрахъ земли награбленныя при жизни сокровища, вокругъ которыхъ вы, духи, какъ говорятъ, бродите послѣ смерти: скажи объ этомъ! Остановись и говори! (*Пѣтухъ поетъ.*) Останови его, Марцелло!

Марцелло. Можно ли его ударить аллебардой?

Гораціо. Руби, если не захочетъ остановиться!

Бернардо. Оно здѣсь.

Гораціо. Оно здѣсь.

Марцелло. Оно ушло.

(Духъ уходитъ.)

Мы оскорбили величественное видѣніе, рассчитывая покорить его, съ помощью грубой силы. Оно неуязвимо, какъ воздухъ, и наши удары для него не болѣе, какъ оскорбительная шутка.

Бернардо. Оно хотѣло уже говорить, но пѣтухъ, какъ разъ въ это время запѣлъ.

Гораціо. И тогда оно исчезло, какъ грѣшное существо, испуганное для него ненавистнымъ звукомъ. Я слыхалъ, что пѣтухъ, подобно утренней трубѣ, пробуждаетъ своимъ громкимъ и яснымъ крикомъ бога дня; въ это-же время отовсюду: изъ моря, огня, земли и воздуха спѣшитъ блуждающій духъ и кроется въ свою обитель. Что это вѣрно, доказало намъ явленіе.

Марцелло. Оно поблѣднѣло и исчезло при крикѣ пѣтуха. Говорятъ, что передъ праздникомъ Рождества Христова, ранніе эти птицы поютъ цѣлую ночь: тогда будто-бы ни одинъ духъ бродить не смѣетъ, ночи здоровы, не падаютъ зловѣщія свѣтала, русалки не поютъ и вѣдьмы не колдуютъ — такое блаженное и святое это время.

Горацио. И я такъ слышалъ и отчасти этому вѣрю. Но смотрите: утро, одѣтое въ пурпуръ, уже занимается надъ росой високаго холма. Оставимъ стражу, и я совѣтую рассказать все, что видѣли мы ночью, молодому Гамлету. Можно поклясться жизнью, что духъ, съ нами нѣмой, съ нимъ навѣрно будетъ говорить. Согласны-ли вы сказать ему объ этомъ, какъ требуютъ этого любовь и долгъ нашъ?

Марцелло. Непремѣнно нужно сказать. Я знаю гдѣ мы его, навѣрно, найдемъ сегодня.

СЦЕНА II.

Государственная зала въ замкѣ.

Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ, Вольтимандъ, Корнелій,
придворные чины и свита входятъ.

Король. Хотя память о смерти Гамлета достойнаго брата нашего еще свѣжа, хотя сердце наше должно-бы скорбѣть еще и государство носить глубокой трауръ, но разсудокъ побѣдилъ на столько чувства, что мы среди глубокой о покойномъ скорби не позабыли и сами о себѣ. И такъ, мы, съ бывшей намъ сестрой, съ теперешней королевой и царственной вдовой, съ наслѣдницей воинственной страны, вступили въ бракъ. Съ притупленной радостью, соединили мы ясные глаза съ глазами влажными отъ слезъ, похоронное торжество со свадебнымъ пиромъ; мы положили, такъ сказать, на вѣсы по равной долѣ и счастья и горя; мы не противурѣчили и мудрымъ совѣтамъ вашимъ, которыми вы надѣяете насъ такъ щедро. Благодаримъ за все! Теперь, вы знаете уже, что юный Фортинбрасъ, пренебрегая достоинствомъ и силой нашей, рассчитываетъ, что, со смертью нашего блаженной памяти брата, государство разстроено и пришло въ упадокъ, Увлекаемый этой надеждой и корыстью, онъ шлетъ настойчиво къ намъ пословъ, и требуетъ возврата тѣхъ земель, которыя уступлены на законномъ основаніи его отцомъ нашему храброму брату. Вотъ что знаемъ мы объ немъ. Скажу теперь объ нашихъ планахъ и о цѣли настоящаго собранія. Дѣло вотъ въ чемъ: мы шлемъ письмо къ Норвежцу, къ дядѣ юнаго Фортинбраса, слабому, больному, едва-ли знающему о планахъ племянника, чтобы онъ остановилъ дальнѣйшее его движеніе, тѣмъ болѣе, что наборъ людей и содержаніе войска производятся въ его земляхъ. А потому посылаемъ васъ, храбрый Вольтимандъ, и васъ, Корнелій, съ поклономъ къ старому Норвежцу; уполномочиваемъ васъ вести переговоры съ королемъ, но не далѣе тѣхъ предѣловъ, которые изложены здѣсь въ этомъ документѣ. Прощайте, поспѣшите, какъ можно скорѣе.

Корнелій и Вольтимандъ. Теперь, какъ и всегда, мы поспѣшимъ на сколько это будетъ возможно.

Король. Въ этомъ мы не сомнѣваемся. Всего хорошаго въ пути сердечно вамъ желаемъ.

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.)

Ну, Лаэртъ, что скажете вы теперь? Вы, кажется, о чемъ-то просили: что это такое было, Лаэртъ? Дѣльно вы все можете сказать Датчанину и не будете даромъ словъ терять. Просите. Развѣ я вамъ отказывалъ когда нибудь, не ожидая даже просьбы? Не столько голова родная сердцу, рука не можетъ быть болѣе услужлива устамъ, сколько датскій престолъ благосклоненъ къ твоему отцу. Чего желаешь ты, Лаэртъ?

Лаэртъ. Ваше Величество, позволенія возвратиться во Францію, откуда я, хотя охотно, явился въ Данію исполнить долгъ при торжествѣ; коронаванія, но теперь мои чувства и мечты снова стремятся къ Франціи и ожидаютъ только вашего милостиваго разрѣшенія.

Король. Позволяетъ-ли вамъ отецъ? Что скажетъ Полоній?

Полоній. Государь, настойчивыми просьбами онъ вынудилъ у меня позволеніе, и я, наконецъ, къ своему почти противу воли данному, согласію, приложилъ печать. И я прошу, позвольте, Ваше Величество, пусть ѣдетъ.

Король. Пользуйся-же благопріятной минутой: время твое и наслаждайся твоими дарованіями въ волю. А теперь, мой племянникъ Гамлетъ и мой сынъ —

Гамлетъ. *(въ сторону)* Больше, чѣмъ родственникъ, но менѣе всего другъ.

Король. Какъ, еще до сихъ поръ висятъ надъ вами тучи?

Гамлетъ. Нисколько; но, какъ сыну, мнѣ кажется солнце блещетъ слишкомъ ярко.

Королева. Брось уже, добрый Гамлетъ, мрачный цвѣтъ и посмотри на Данію веселымъ глазомъ. Не ищи постоянно съ опущенными рѣсницами благороднаго отца твоего. Ты знаешь, что это общій законъ для всѣхъ: что живетъ, должно умирать и стремиться отъ временнаго къ вѣчному.

Гамлетъ. Да, королева, это общій законъ.

Королева. Хорошо; почему же онъ кажется для тебя такимъ страннымъ?

Гамлетъ. Кажется, королева? Нѣтъ: есть; для меня «кажется» не имѣетъ никакого значенія. Ни мрачное покрывало, добрая матушка, ни общепринятая траурная одежда, ни глубокій вздохъ стѣсненнаго дыханія, ни потоки слезъ въ глазахъ, ни лице, поникнувшее долу, ни какая тоска и грусть, ничто не можетъ дать понятія обо мнѣ; все это только кажется: все это можно и съ играть. Но то, что больше всего, что кажется — ношу въ груди; остальное все — одно только украшеніе и нарядъ печали.

Король. Это прекрасно и дѣлаетъ честь твоему сердцу, Гамлетъ, что ты объ отцѣ такъ жалѣешь. Но ты знаешь, что и у отца твоего умеръ отецъ, у того тоже умеръ отецъ и, оставшійся въ живыхъ наслѣдникъ, долженъ, изъ дѣтскаго почтенія, надѣтъ на нѣкоторое время трауръ. Но упорно предаваться печали, это дѣло безбожнаго упрямства, скорбь не свойственная человѣку; указываетъ на волю непокорную небу, закоренѣлое сердце и мятежный духъ; показываетъ слабый и не совсѣмъ еще развитый умъ. О чемъ мы знаемъ, что оно не избѣжно, что оно

обыкновенно, какъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ, осязаемыхъ чувствами, вещей: зачѣмъ-же такъ близко принимать ихъ къ сердцу? Полно-же! Это преступленіе противу неба, преступленіе противу мертвыхъ, преступленіе противу законовъ природы; противурѣчить въ высшей степени разсудку, котораго коренное ученіе — смерть отцевъ, и который вѣчно взываетъ отъ первой смерти до послѣдней: «это должно быть такъ». Мы просимъ, бросьте бесполезное горе и считайте насъ своимъ отцомъ; пусть знаетъ свѣтъ, что вы всѣхъ ближе къ нашему престолу и что болѣе сильной любви къ сыну никакой отецъ имѣть не можетъ. Что-же касается того, что вы хотите отправиться обратно въ Виттенбергъ, въ университетъ, это въ высшей степени противно нашимъ желаніямъ. Мы убѣдительно васъ просимъ остаться здѣсь подъ кроткимъ блескомъ очей нашихъ, какъ первый нашъ придворный, племянникъ, сынъ.

Королева. Я надѣюсь, Гамлетъ, что ты не откажешь въ просьбѣ матери: пожалуста, останься съ нами, не уѣзжай въ Виттенбергъ.

Гамлетъ. Охотно повинуюсь вамъ, королева.

Король. Отлично; вотъ любезный и прекрасный отвѣтъ! Будьте, какъ мы сами въ Даніи! Пойдемъ, супруга! Эта добровольное и дружеское согласіе Гамлета развеселило сердце мое; и въ честь этого пусть сегодня громъ орудій возвѣщаетъ облакамъ о каждомъ веселомъ тостѣ, который провозглашаетъ Данія; когда-же король будетъ пить заздравный кубокъ, пусть загремятъ вмѣстѣ и небо и земля. — Пойдемъ.

(Король, королева, Лаэртъ и свита уходятъ).

Гамлетъ. О растопись, наконецъ, ты, слишкомъ крѣпкое мясо, исчезни и испарись, какъ роса! Или, если-бы Предвѣчный не установилъ законъ противъ самоубійства! О Боже, Боже! какимъ пошлымъ, ничтожнымъ и не пригоднымъ кажется мнѣ весь строй этого міра! Съ отвращеніемъ гляжу я на него! Это заглохшій садъ, въ которомъ вырастаютъ сѣмена однѣхъ только сорныхъ и ядовитыхъ травъ. Нужно-же, чтобы случилось такъ? Два мѣсяца, какъ умеръ! — Нѣтъ, это много; и двухъ мѣсяцевъ нѣтъ еще; такой превосходный монархъ! въ сравненіи съ которымъ этотъ — все равно, что Сатиръ подлѣ Апполона; любившій мою мать такъ нѣжно, что кажется зефиръ небесный не смѣлъ-бы прикоснуться къ ея лицу. Небо и земля! Можно ли было думать? Она была такъ предана ему, что ея любви, казалось, и предѣла нѣтъ. Но въ одинъ лишь мѣсяць — я не въ состояніи представить себѣ этого! Слабость — имя твое, женщина! Въ какойнибудь короткій мѣсяць; прежде чѣмъ башмаки износились, въ которыхъ она шла за гробомъ моего отца, какъ Ніоба, вся въ слезахъ — она, да она; о небо! Звѣрь безчувственный скорбѣль-бы болѣе — обвѣнчена уже съ дядей; съ братомъ моего отца, который на него однако-же такъ похожъ, какъ я на Геркулеса: въ одинъ лишь мѣсяць! Прежде чѣмъ соль коварныхъ слезъ сбѣжала съ заплаканныхъ очей, она уже была женой другого! — О, какая подлая поспѣшность броситься такъ скоро на ложе, оскверненное кровосмѣшеніемъ! Это ничтожно, изъ этого добра не можетъ быть. Сердце чуть не разорвется! потому что языкъ говоритъ несмѣть.

Гораціо, Бернардо и Марцелло входятъ.

Гораціо. Да здравствуетъ Ваше Высочество!

Гамлетъ. (къ *Гораціо*) Я радъ, что васъ здѣсь вижу: Гораціо — если память мнѣ еще не измѣнила?

Гораціо. Онъ самый, принцъ, и всегда вашъ бѣдный и покорнѣйшій слуга.

Гамлетъ. Называйте меня своимъ добрымъ другомъ, замѣните первое названіе послѣднимъ. Что дѣлаете вы съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали изъ Виттенберга, Гораціо? (къ *Марцелло*) Марцелло?

Марцелло. Ваше Высочество —

Гамлетъ. Я очень радъ васъ видѣть. (къ *Бернардо*) Здравствуйте? (къ *Гораціо*) Серьезно, что привело васъ сюда изъ Виттенберга?

Гораціо. Праздношатательство, мой принцъ.

Гамлетъ. Пусть и врагъ этого объ васъ не скажетъ, вы никогда не въ состояніи убѣдить меня въ этомъ. Я знаю, что вы не любите жить праздно, Чѣмъ, однако-же, вы занимаетесь въ Гельзингерѣ? Вы еще здѣсь научитесь пьянствовать, пока уѣдете.

Гораціо. Я пріѣхалъ на погребеніе вашего отца.

Гамлетъ. Пожалуста, коллега, не издѣвайся надо мной; ты вѣрно пріѣхалъ на свадьбу моей матери.

Гораціо. Дѣйствительно, мой принцъ, она что-то скоро послѣ того случилась.

Гамлетъ. Экономія, Гораціо! Экономія! Печеніе погребальнаго пира пригодилось на закуску къ свадебному столу. Лучше-бы мнѣ на небесахъ встрѣтить злѣйшаго врага, чѣмъ пережить тотъ день, Гораціо! Мой отецъ — мнѣ представляется, что я какъ будто вижу моего отца.

Гораціо. Гдѣ, принцъ?

Гамлетъ. Въ глазахъ моего духа, Гораціо.

Гораціо. Я его когда-то видѣлъ, это былъ храбрый король

Гамлетъ. Это былъ настоящій мужъ, въ полномъ значеніи этого слова: подобнаго ему никогда не увижу.

Гораціо. Мой принцъ, я думаю, что я его видѣлъ прошлой ночи.

Гамлетъ. Видѣлъ, кого?

Гораціо. Мой принцъ, короля, вашего отца.

Гамлетъ. Короля, моего отца?

Гораціо. Успокойтесь и выслушайте внимательно, что я вамъ расскажу объ этомъ чудѣ, чему свидѣтелями были вотъ и они.

Гамлетъ. Ради самого Создателя, рассказывай!

Гораціо. Двѣ ночи сряду оба, Марцелло и Бернардо, стоя на часахъ, среди гробовой тишины, въ полночь, вотъ что видѣли: тѣнь, совершенно какъ вашъ отецъ, въ панцырѣ, вооруженная съ головы до ногъ, является передъ ними, идетъ мимо, медленно и величественно, трижды проходитъ передъ ихъ оцѣпенѣлыми отъ ужаса глазами и такъ близко, что чуть не задѣваетъ ихъ жезломъ; они-же, какъ-бы превратившись въ студень отъ страха, онѣмѣли и ничего не могли сказать. Съ ужасомъ, въ глубокой тайнѣ, они объ этомъ сообщили мнѣ. На третью ночь я былъ съ ними на стражѣ и тамъ, какъ они рассказывали, въ то же время, въ томъ-же видѣ,

буквально вѣрно, явилось привидѣніе. Я зналъ вашего отца, вотъ двѣ руки — онѣ не такъ похожи другъ на друга.

Гамлетъ. Гдѣ-же это было?

Марцелло. На террасѣ, гдѣ мы стояли на часахъ.

Гамлетъ. Вы ничего не говорили съ нимъ?

Гораціо. Напротивъ, принцъ; но оно не отвѣчало; въ одно время, казалось, оно подняло голову и сдѣлало движеніе, какъ будто-бы хотѣло говорить: какъ вдругъ запѣлъ пѣтухъ и, при этомъ крикѣ, оно быстро ускользнуло и исчезло изъ нашихъ глазъ.

Гамлетъ. Очень странно.

Гораціо. Клянусь жизнью, благородный принцъ, это правда; мы считали долгомъ нашимъ объ этомъ сообщить вамъ.

Гамлетъ. Это серьезное, серьезное дѣло, господа; оно начинаетъ меня тревожить. Вы сегодня на часахъ?

Всѣ. Да, Ваше Высочество.

Гамлетъ. Въ панцырѣ, говорите вы?

Всѣ. Въ панцырѣ, Ваше Высочество.

Гамлетъ. Съ головы до ногъ?

Всѣ. Съ головы до ногъ.

Гамлетъ. Не видѣли вы лица его?

Гораціо. Напротивъ, шлемъ былъ поднятъ.

Гамлетъ. Какъ-же выглядѣлъ онъ, мрачнымъ?

Гораціо. Его лице выражало скорѣе страданіе, чѣмъ гнѣвъ.

Гамлетъ. Блѣдный или красный?

Гораціо. Чрезвычайно блѣдный.

Гамлетъ. Глаза его смотрѣли на васъ?

Гораціо. Очень пристально.

Гамлетъ. Какъ жаль, что я при этомъ не былъ.

Гораціо. Вы бы навѣрно пришли въ ужасъ.

Гамлетъ. Очень можетъ быть, очень можетъ быть. И долго оно оставалось?

Гораціо. Сотню можно насчитать, не торопясь.

Марцелло и Бернардо. Дольше, долъше.

Гораціо. Когда я видѣлъ, это продолжалось не болѣе,

Гамлетъ. Съ сѣдою бородой, не такъ-ли?

Гораціо. Какую онъ носилъ при жизни — черная съ просѣдью.

Гамлетъ. Сегодня я буду самъ на часахъ; можетъ быть оно снова придетъ,

Гораціо. По всей вѣроятности.

Гамлетъ. Если оно явится въ образѣ моего благороднаго отца, я буду говорить къ нему, хотя бы самъ адъ поднялся и заставилъ меня молчать. Я прошу васъ всѣхъ: если вы до сихъ поръ ни кому не говорили объ явленіи, то и впредь сохраните эту тайну крѣпко; и, чтобы ни случилось ночью, знайте все про себя, но никому ни слова. За вашу любовь я не останусь у васъ въ долгу. Затѣмъ, прощайте! Между одиннадцатю и двѣнадцатю я прійду къ вамъ на террасу.

Всѣ. Къ слугамъ Вашего Высочества.

Гамлетъ. Въмѣсто услугъ, любите меня такъ, какъ я васъ люблю. И такъ, прощайте!

(Гораціо, Марцелло и Бернардо уходятъ).

Гамлетъ. *(одинъ)* Духъ моего отца въ оружіи? Это не даромъ: я предчувствую какую нибудь гнусную продѣлку. Какъ-бы скорѣе ночь! А пока, будь покойна, душа моя! Поддья дѣла, прикрой ихъ хоть шаръ земной, сами собой всплывутъ на верхъ. *(уходитъ).*

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полонія.

Лаэртъ и Офелія входятъ.

Лаэртъ. Мои вещи уже на кораблѣ. Прощай! И, когда будетъ благопріятный случай, не спи, сестра, и напиши объ себѣ.

Офелія. Можешь-ли ты въ этомъ сомнѣваться?

Лаэртъ. Что-же касается Гамлета и его любовныхъ пустячковъ, считай это мимолетнымъ настроеніемъ духа, броженіемъ крови, это фіялка еще въ цвѣтущей порѣ молодости, рано созрѣвшая, не постоянная, мила, но не прочна, аромат и удовольствіе одной минуты — не болѣе.

Офелія. Не болѣе?

Лаэртъ. Иначе и не смотри на это! Природа стремится къ развитію не только величія и страстныхъ желаній нашего тѣла, но, вмѣстѣ съ этимъ храмомъ, быстро растутъ и внутреннія стремленія души и духа. Онъ, можетъ быть, тебя и любитъ: до сихъ поръ обманъ и коварство не оскверняютъ чистоты его намѣреній, но опасность въ томъ, что онъ не можетъ располагать собой. Онъ болѣе, чѣмъ кто другой, долженъ подчиняться судьбѣ своего рожденія. Онъ не можетъ, какъ обыкновенные люди, сдѣлать по волѣ своей выборъ потому, что отъ его выбора зависитъ безопасность и счастье цѣлаго государства. Онъ самъ находится въ зависимости отъ согласія того политическаго тѣла, въ главѣ котораго стоитъ. Если онъ, какъ говоритъ теперь, и любитъ тебя, разсуди сама хорошенько, на сколько этому можно вѣрить, и можетъ ли онъ располагать словомъ и дѣломъ, въ виду основныхъ законовъ, которые требуютъ для браковъ царственныхъ особъ согласія Даніи. Подумай, какъ можетъ пострадать честь твоя, если ты будешь внимать слишкомъ довѣрчиво его пѣснямъ — потеряешь сердце и невинность. Страшись этого, Офелія! страшись этого, дорогая сестра, скрой свои чувства далеко отъ соблазна страстей: самая цѣломудренная дѣвица нескромна тогда даже, когда передъ луной обнажаетъ прелести свои. Сама добродѣтель не властна противу козней! Червь подтачиваетъ внешнее дитя прежде, чѣмъ распустится цвѣтокъ и для самой ранней и свѣжей, какъ роса, юности, ядовитое дыханіе самое опасное. Будь же осторожна! Страхъ — это безопасность наша. И, безъ врага, наша юность полна внутреннихъ волненій.

Офелія. Достоинство такого прекраснаго наставленія я сохраню, какъ стража, въ груди моей; однако-же, любезный братъ, не поступай и ты подобно лицемѣру-проповѣднику, который указываетъ другимъ тернистый путь къ спасенію, а самъ,

какъ наглый и пошлый сластолюбецъ, идетъ по цвѣтистой дорогѣ порока и издѣвается надъ собственнымъ своимъ совѣтомъ.

Лаэртъ. О, этого не бойся! Однако мнѣ уже давно пора, — но вотъ отецъ идетъ.

Полоній *входитъ.*

Лаэртъ. Еще разъ благословеніе и еще разъ благополучіе мнѣ въ пути: случай предстоить удобный, еще разъ сказать: прости.

Полоній. Еще здѣсь, Лаэртъ? Ай, ай! На бортъ, на бортъ! уже попутный вѣтеръ надуваетъ парусъ и тамъ тебя зовутъ. Вотъ тебѣ мое благословеніе —

(кладетъ руку на голову Лаэрта).

и эти правила твердо помни: не говори все, что знаешь; ничего не дѣлай, необсудивши, какъ слѣдуетъ. Будь веселъ, но никогда не пошль. Испытаннаго друга прижми къ сердцу желѣзными цѣпями. Не позволяй себѣ жать руку первому встрѣчному. Берегись заводить ссору; когда-же это необходимо, поступи такъ, чтобы врагъ тебя боялся, Выслушивай всякаго, но не всякому рассказывай; принимай отъ всѣхъ совѣты, но сохраняй свое мнѣніе. Носи одежду дорогую, какую позволяетъ тебѣ карманъ, но не вычурную, богатую, но не пеструю: одежда часто объясняетъ человѣка. Ты ѣдешь во Францію, гдѣ любятъ щеголять одеждой и люди высшаго класса, отличаются изящными манерами и знаютъ въ этомъ толкъ. Не дѣлай долговъ, но не давай и въ займы; себя или друга погубить этимъ легко: долги ведутъ къ разоренію. Но прежде всего, будь вѣренъ самому себѣ, изъ этого вытекаетъ, какъ день изъ ночи, то, что никто въ тебѣ никогда не ошибется. Прощай! мое благословеніе да содѣйствуетъ тебѣ во всемъ!

Лаэртъ. Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ къ вамъ, батюшка.

Полоній. Тебѣ нужно спѣшить; иди, тебя ожидаютъ слуги твои.

Лаэртъ. Прощай, Офелія, и помни то, что я тебѣ сказалъ!

Офелія. Это останется въ памяти моей подъ крѣпкимъ замкомъ, а ты самъ возьми ключъ отъ него.

Лаэртъ. *(къ отцу и сестрѣ).* Прощайте! *(уходитъ).*

Полоній. Что это такое, Офелія; о чемъ онъ тебѣ говорилъ?

Офелія. Если позволите, о принцѣ Гамлетѣ рѣчь была.

Полоній. Да, легокъ на поминъ! Я слышу, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ очень часто проводитъ съ тобою время и что ты сама въ обращеніи съ нимъ свободна и даже слишкомъ, можетъ быть, любезна. Если это такъ — какъ говорятъ, хотя только для того, чтобы меня предостеречь — я долженъ тебѣ сказать, что ты хорошо не понимаешь сама себя, какъ прилично это моей дочери и твоей дѣвичьей чести. Что такое между вами? скажи мнѣ правду!

Офелія. Не такъ давно и не разъ онъ сдѣлалъ мнѣ признаніе въ склонности своей.

Полоній. Вотъ какъ, склонность! Ты говоришь, какъ ребенокъ, неопытный въ такихъ щекотливыхъ дѣлахъ. И ты вѣришь этимъ признаніямъ, какъ ты ихъ называешь?

Офелія. Я не знаю, батюшка, что я должна думать?

Полоній. Такъ слушай-же: думай, что ты дурочка, что ты приняла его признанія за чистую монету, которая не имѣетъ никакой цѣны. Нѣтъ, веди себя умнѣе, въ противномъ случаѣ твоя глупость (чтобы не говорить по пустому) можетъ кончиться твоимъ позоромъ.

Офелія. Онъ настойчиво увѣрялъ меня въ своей любви, какъ того требуетъ приличіе и честь.

Полоній. Да, мало чего, что ты называешь это приличіемъ: вотъ выдумала что!

Офелія. И въ словахъ своихъ клялся небомъ и всѣми святыми, мой милый батюшка.

Полоній. Да, силки на куропатокъ! Я уже знаю, когда кровь кипитъ, какъ легко языкъ расточаетъ клятвы. Этотъ пламень, дочь моя — болѣе блестящій, чѣмъ согрѣвающій и гаснущій уже въ самомъ обѣщаніи — не принимай за огонь. Съ этой минуты, будь поспѣе на эти невинныя свиданія; цѣни себя по больше и не будь готова являться на всякое востребованіе. Что-же касается лично къ принцу Гамлету, вѣрь ему такъ: онъ еще молодъ и что позволено ему, то не можетъ быть позволено тебѣ. Однимъ словомъ, Офелія, не вѣрь его клятвамъ: ибо они обманъ, не то, чѣмъ кажутся по наружности; это не больше, какъ заступники порочныхъ покушеній, которые поддѣлываются подъ благочестивые и священные обѣты для того, чтобы лучше оболъстить. Разъ на всегда: ты должна тотчасъ распорядиться такъ, чтобы не убивать, по обыкновенію, время на разговоры съ принцемъ Гамлетомъ. Берегись, я тебѣ говорю; теперь ступай своей дорогой!

Офелія. Слушаю, батюшка. *(оба уходятъ).*

Сцена IV.

Терраса.

Гамлетъ, Гораціо и Марцелло входятъ.

Гамлетъ. Какой рѣзкій вѣтеръ и холодъ не стерпимый.

Гораціо. Да, вѣтеръ пронзительный.

Гамлетъ. Который часъ?

Гораціо. Я думаю, скоро двѣнадцать.

Марцелло. Двѣнадцать уже пробило.

Гораціо. Въ самомъ дѣлѣ? Я не слышалъ; наступаетъ, значить время, когда обыкновенно проходитъ духъ.

(Трубы и залпы изъ орудій слышны за сценой).

Что это значить, принцъ?

Гамлетъ. Король кутитъ всю ночь, напившись до пьяна, какъ бѣшеный пляшетъ, и когда наливаетъ онъ рейнвейнъ и поднимаетъ тостъ, трубы и литавры торжественно гремятъ.

Гораціо. Это такой обычай?

Гамлетъ. Ну да; но по моему мнѣнію (хотя я здѣсь родился и воспитанъ такъ) этотъ обычай нужно-бы скорѣе бросить, чѣмъ слѣдовать ему. Наши оргіи прославили насъ во всѣхъ странахъ свѣта, насъ бранятъ и обзываютъ пьяницами; и

дѣйствительно, эта страсть кладетъ позоръ на всѣ наши славныя и блестящія дѣла. Такая участь постигаетъ часто и отдѣльныхъ людей. Вслѣдствіе-ли врожденныхъ недостатковъ, которые ихъ позорятъ (хотя безвинно, потому что въ рожденіи своемъ никто не виноватъ), вслѣдствіе-ли слишкомъ горячей крови, которая переступаетъ предѣлы разсудка, или вслѣдствіе пороковъ, пріобрѣтенныхъ привычкой, которая часто покрываетъ ржавчиной блескъ благородныхъ нравовъ — людей этихъ, говорю, заклеянныхъ самой какъ-бы природой, пусть будутъ добродѣтели ихъ чисты, какъ милосердіе неба и такъ много, сколько человѣкъ только можетъ ихъ имѣть — молва не пощадитъ и одинъ порокъ покроетъ все заразой; такъ, грань дурного увлекаетъ вѣсь всѣхъ благородныхъ достоинствъ въ собственный свой позоръ.

Духъ входитъ вооруженный.

Гораціо. Смотрите, принцъ; оно идетъ.

Гамлетъ. О, ангелы и духи безсмертнаго Бога, помогите!

(онъ стоитъ минуту, онѣмѣвши отъ ужаса).

Духъ-ли ты блаженный, или дѣволъ; приносишь-ли эфиръ небесный, иль адскій паръ; коварны, или добры замыслы твои: приходишь ты въ такомъ непостижимомъ видѣ, но я буду говорить къ тебѣ; зову тебя Гамлетомъ, государемъ, отцемъ, королемъ Даніи: о, дай отвѣтъ! Пусть не погибну я въ слѣпомъ не знаніи! Напротивъ, скажи: зачѣмъ твои благочестивыя кости, принятыя въ царство смерти, расторгли саванъ гробовой? Зачѣмъ могила, въ которую ты опущенъ съ миромъ, раскрывши мраморную челюсть, выбрасываетъ теперь тебя? Чѣмъ объяснить себѣ, что ты, мертвецъ, закованный въ броню, вновь посѣщаешь лунное сіяніе и наполняешь тревогой ночи; зачѣмъ приводишь насъ, слѣпцовъ природы, въ такой невыразимый ужасъ, что набѣгаютъ мысли, которыхъ душа постичь не можетъ? Зачѣмъ? Скажи! Что должны мы дѣлать?

(Духъ зоветъ рукой Гамлета).

Гораціо. Оно зоветъ васъ идти за нимъ, какъ будто хочетъ наединѣ сообщить вамъ что-то.

Марцелло. Смотрите, какъ дружески оно зоветъ васъ куда-то въ даль, но не ходите съ нимъ!

Гораціо. Не ходите, ни въ какомъ случаѣ.

Гамлетъ. Оно не хочетъ говорить: такъ я пойду за нимъ.

Гораціо. Не дѣлайте этого, принцъ!

Гамлетъ. Чего-же тутъ бояться? Жизнь свою цѣню я менѣе булавки, а душѣ что можетъ оно сдѣлать, когда она такая-же безсмертная, какъ оно само? Оно опять зоветъ, я пойду за нимъ.

Гораціо. А если оно васъ манитъ въ морскую бездну, принцъ, можетъ быть на грозную вершину той скалы, что виситъ надъ морской пучиной? И тамъ, принявши какой нибудь ужасный образъ, лишитъ разсудокъ силы и повергнетъ васъ въ безуміе? Подумайте! Мѣсто само собой наводитъ призраки отчаянія, когда глядишь оттуда въ морскую пропасть и слышишь ревъ бушующей волны.

Гамлетъ. Оно все машетъ рукой. *(къ Духу)* Иди! я за тобой.

Марцелло. *(удерживая Гамлета)* Не ходите, принцъ!

Гамлетъ. Прочь руки!

Гораціо. Послушайте насъ, не ходите.

Гамлетъ. Судьба моя зоветъ и напрягаетъ малѣйшій нервъ, какъ жилы немейскаго льва.

(Духъ машетъ.)

Оно машетъ снова: пустите, Ради Бога! *(вырывается.)* Я въ духа превращу того, кто вздумаетъ меня держать! Прочь, говорю! *(къ духу.)* Иди же впередъ! я слѣдую за тобой.

(Духъ и Гамлетъ уходятъ.)

Гораціо. Онъ совсѣмъ ума лишился.

Марцелло. Пойдемъ за нимъ! Намъ не слѣдовало-бы его слушать.

Гораціо. Пойдемъ! Какой будетъ этому конецъ?

Марцелло. Что-то не ладно въ королевствѣ Даніи.

Гораціо. Можетъ быть Господь еще помилуетъ.

Марцелло. Пойдемъ за нимъ.

(Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА V.

Отдаленное мѣсто на террасѣ.

Духъ и Гамлетъ входятъ.

Гамлетъ. Куда ведешь меня? Говори, я дальше не иду!

Духъ. Слушай!

Гамлетъ. Я готовъ.

Духъ. Близится уже время когда мнѣ снова нужно погрузиться въ сѣрный и дымный пламень,

Гамлетъ. О, бѣдный духъ!

Духъ. Обо мнѣ не жалѣй, но внимательно слушай то, о чемъ я буду говорить.

Гамлетъ. Говори! Долгъ мой — слушать тебя.

Духъ. И отомстить, какъ только ты услышишь.

Гамлетъ. Что такое?

Духъ. Я духъ твоего отца: осужденный на нѣкоторое время скитаться по ночамъ, а днемъ быть въ безднѣ вѣчнаго огня, пока не будутъ очищены грѣхи мои земные. Если-бы не запрещено было мнѣ открыть внутреннюю тайну моей темницы, я сорвалъ-бы завѣсу изъ такихъ вещей, самая малѣйшая изъ которыхъ сокрушила-бы душу твою, молодая кровь твоя оцѣпенѣла-бы въ жилахъ, глаза-бы выступили изъ черепа на выкатъ, растрепались-бы локоны твои и каждый волосъ сталь-бы дыбомъ, какъ иглы у разъяреннаго ежа; но этого предвѣчнаго откровенія не постигнуть смертнымъ людямъ. — Слушай, слушай, слушай! Если ты любилъ когда нибудь своего дорогаго отца —

Гамлетъ. О, Боже!

Духъ. Отомсти подлое и небывалое еще убійство его!

Гамлетъ. Убійство?

Духъ. Да, подлое какъ всякое убійство, но это злодѣйство — неслыханное и противуестественное.

Гамлетъ. Скорѣе расскажи объ немъ: на крыльяхъ, быстрѣе мысли, быстрѣе, какъ мечты влюбленныхъ, я полечу на мщение.

Духъ. Ты кажешься душой готовъ: но развѣ-бы ты не содрогнулся и тогда, когда-бы ты былъ болѣе вялъ, чѣмъ жирная трава, гниющая на берегахъ рѣки Леты! И такъ, Гамлетъ, слушай: сказали, что будто-бы, когда я спалъ въ саду, меня ужалила змѣя; такимъ придуманнымъ рассказомъ о моей кончинѣ обмануто все царство; но знай, мой благородный юноша: змѣя, ужалившая и лишившая жизни твоего отца, носить теперь его корону.

Гамлетъ. О, ты, мое пророческое предчувствіе! Мой дядя!

Духъ. Да; онъ, развратный любодѣй, разрушилъ бракъ, волшебнымъ словомъ и коварствомъ (проклятое умѣнье соблазнять) увлекъ на грѣхъ наружно добродѣтельную королеву. О, Гамлетъ, какая это ужасная измѣна! Она измѣнила искренней любви моей, измѣнила клятвѣ, которую мы оба дали подъ вѣнцомъ и, безъ стыда, бросилась въ объятія преступника природой обиженного въ сравненіи со мной! Но какъ добродѣтель ничто прельстить не можетъ, предстань предъ ней порокъ, хоть въ ризѣ духовъ небесныхъ, такъ страсть, соединенная хотя-бы съ ангеломъ чистѣйшимъ, пресыщается наконецъ небеснымъ ложемъ и падаетъ въ развратъ. Но стой! Мнѣ кажется, я слышу, какъ утренній вѣтерокъ струитъ и сокращу рассказъ. Когда я спалъ въ саду, обыкновенно послѣ обѣда, подкрался дядя твой съ бутылкой бѣлены и влилъ мнѣ въ ухо ядъ: сокъ этой проклятой травы бѣжитъ, какъ ртуть, въ сосудахъ тѣла и претворяетъ въ воду кровь. Такъ было и со мной. И я, въ одно мгновение, какъ Лазарь, покрылся весь корой смертельныхъ струпьевъ. Такимъ образомъ во снѣ, убитый рукою брата, я вдругъ лишился жизни, короны и жены; безъ причащенія, исповѣди и соборованія, обремененный тяжкими грѣхами, предсталъ на страшный судъ.

Гамлетъ. Это ужасно, ужасно! ничего не можетъ быть ужаснѣе!

Духъ. Не потерпи, если въ тебѣ есть хоть капля здоровой крови, чтобы королевское ложе Даніи было-бы мѣстомъ кровосмѣшенія и сладострастія. Но какъ-бы ты ни вздумалъ приняться за это дѣло, не погуби души своей; не замышляй ничего противу матери; пусть судитъ ее небо — въ груди ея и безъ того колючій тернь. Прощай: мнѣ пора! Свѣтлякъ предсказываетъ, что близко утро: его мерцающій свѣтъ уже блѣднѣетъ. Прощай, прощай, прощай и помни обо мнѣ! (*уходитъ*).

Гамлетъ. О, вы, всѣ силы небесныя! Земля! И что еще? Не вызвать-ли и адъ? — Ну, полно! Стой, стой, сердце! Вы, жилы мои, не падайте тотчасъ, держите меня крѣпко и прямо! — Помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ, я буду помнить, пока память будетъ здѣсь въ несчастномъ черепѣ моемъ. Помнить о тебѣ? Да, я вычеркну изъ листовъ воспоминанія всѣ мелкія исторіи, всѣ выраженія и всѣ образы, замѣченныя въ книгахъ, слѣды прошедшаго, пріобрѣтенныя въ юности и наблюдениемъ; и твое велѣніе одно только безъ всякой недостойной его примѣси, должно жить въ мозгу моемъ: да, клянусь Богомъ! — О, въ высшей степени недостойная и коварная женщина! О, злодѣй! презрѣнный, проклятый злодѣй! — Памятную книжку сюда! Я

долженъ это записать: что можно смѣяться, хохотать и быть однако-же злодѣемъ, по крайней мѣрѣ навѣрно знаю, что въ Даніи это возможно. (*пишетъ*) Тутъ стоите, вы, дядя! Теперь пароль мой слова: «Прощай, прощай и помни обо мнѣ!» Я поклялся въ томъ.

Гораціо. (*за сценой*) Принцъ! принцъ!

Марцелло. (*за сценой*) Принцъ Гамлетъ!

Гораціо. (*за сценой*) Да сохранить его Господь Богъ

Гамлетъ. (*Рѣшительно про себя*) Такъ пусть и будетъ!

Марцелло. (*за сценой*) Го, го! Принцъ!

Гамлетъ. Га, сюда ребята! сюда, соколы, сюда!

Гораціо и Марцелло входятъ.

Марцелло. Каковы дѣла, Ваше Высочество?

Гораціо. Что случилось, принцъ!

Гамлетъ. О, чудеса!

Гораціо. Сообщите намъ, дорогой принцъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, вы откроете тайну.

Гораціо. Я никогда, клянусь небомъ, принцъ!

Марцелло. Я тоже не скажу.

Гамлетъ. Что вы скажете? Въ силахъ-ли душа человѣческая думать объ этомъ? — Однакоже вы намѣрены молчать? —

Гораціо и Марцелло. Да, клянемся небомъ, принцъ!

Гамлетъ. Нѣтъ въ цѣлой Даніи злодѣя, который не былъ-бы въ то-же время и отъявленный негодяй.

Гораціо. Не для чего было являться духу, что-бы сказать намъ только это.

Гамлетъ. Дѣйствительно, вы правы. И такъ, безъ лишнихъ формальностей, я полагаю, пожмемъ другъ другу руки и разойдемся; дѣлайте, что хотите — у всякаго есть къ чему нибудь призваніе и охота — что касается меня, несчастнаго, я, если хотите знать, пойду молиться.

Гораціо. Это одни извороты, слова безъ опредѣленнаго значенія, принцъ.

Гамлетъ. Мнѣ сердечно больно, что вы обижаетесь. Да, мой дорогой, сердечно.

Гораціо. Нѣтъ никакой обиды, принцъ.

Гамлетъ. Но, клянусь св. Патрикомъ, есть обида, Гораціо, горькая обида. Что-же касается явленія, то я вамъ доложу, что это вполне достойный уваженія призракъ. Любопытство узнать, что у меня съ нимъ за дѣло, преодолѣйте, какъ сами знаете. А теперь, мои дорогіе, насколько вы друзья, школьные товарищи, военные люди, не откажите мнѣ въ маленькой услугѣ.

Гораціо. Въ чемъ дѣло, принцъ? Мы готовы.

Гамлетъ. Ни въ какомъ случаѣ не говорите никому, что вы видѣли ночью.

Гораціо и Марцелло. Никогда, принцъ!

Гамлетъ. Хорошо, но поклянитесь.

Гораціо. Честное слово, принцъ, я никогда не скажу.

Марцелло. Я тоже даю честное слово.

Гамлетъ. На мечѣ моемъ клянитесь!

Марцелло. Мы уже клялись, принцъ.

Гамлетъ. Не шутя, на мечѣ моемъ, не шутя!

Духъ. (*подъ землю*) Клянитесь!

Гамлетъ. Ага, мой другъ! и ты это говоришь? Ты тамъ, честнѣйшее существо? Такъ и быть — послушайте товарища изъ подземелья — и приготовьтесь исполнить клятву!

Гораціо. Скажите клятву!

Гамлетъ. Никогда не говорить того, что вы видѣли: клянитесь на мечѣ моемъ!

Духъ. (*подъ землю*) Клянитесь!

Гамлетъ. Здѣсь и тамъ? Перемѣнимъ мѣсто! — Сюда, господа, идите и кладите снова руки на мечѣ моемъ: никогда не говорить того, что вы слышали, клянитесь на моемъ мечѣ!

Духъ. (*подъ землю*) Клянитесь!

Гамлетъ. Молодецъ, старый кротъ! Неужели такъ шибко роешь? О, превосходный минеръ! — Еще разъ перемѣнимъ мѣсто, друзья!

Гораціо. Клянусь солнцемъ, это необыкновенно странно.

Гамлетъ. Такъ нужно и встрѣчать его, какъ встрѣчаютъ странника, пришедшаго издалека! На небесахъ и на землѣ есть болѣе такихъ вещей, о которыхъ вашей школьной мудрости и не снится, Гораціо. Но, будемъ продолжать! Здѣсь, какъ и передъ тѣмъ, клянитесь: (въ чемъ да поможетъ вамъ Господь) какъ бы странно я ни вель себя, какимъ бы чудачкомъ я ни притворялся на будущее время: если будете въ то время видѣть меня, ни сложеніемъ рукъ, ни качаніемъ головы, ни двусмысленнымъ словомъ, какъ напримѣръ: «да, да, мы знаемъ.» — Или: «мы могли-бы, если-бы хотѣли» — Или: «да; если-бы мы могли сказать» — Или: «между вами есть такіе, если-бы они только смѣли» — и тому подобными темными намеками не откроете тайны, что вы знаете обо мнѣ что нибудь, что вы ничего подобного не сдѣлаете, въ чемъ да поможетъ вамъ Господь и милосердіе Его въ часъ скорби; вотъ въ чемъ клянитесь!

Духъ. (*подъ землю*) Клянитесь!

Всѣ. Клянемся!

Гамлетъ. Миръ, миръ съ тобой, встревоженный духъ! И такъ, любезные друзья, прощайте, и на сколько можетъ такой бѣдный человѣкъ, какъ Гамлетъ, доказать вамъ свою любовь и дружбу, за этимъ, съ Божіей помощью, дѣло не станетъ. Пойдемъ; и объ одномъ только прошу — никому ни слова! Насталъ хаосъ времени: о, горе мнѣ, когда подумаю, что я рожденъ установить въ немъ порядокъ! Пора, пойдемъ всѣ вмѣстѣ!

(*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Полоній и Рейнгольдъ *входятъ*,

Полоній. Отдай ему эти деньги и бумаги, Рейнгольдъ!

Рейнгольдъ. Слушаю.

Полоній. Но поступишь. ты весьма недурно, добрый Рейнгольдъ, если прежде, чѣмъ его увидишь, соберешь свѣдѣнія объ его поведеніи,

Рейнгольдъ. Я тоже самое думалъ сдѣлать.

Полоній. Вотъ это хорошо сказано! отлично сказано! Видишь-ли, прежде всего спроси ты мнѣ: кто есть изъ Датчанъ въ Парижѣ, кто, какимъ образомъ и какъ живетъ, съ кѣмъ и сколько проживаетъ; если ты такими окольными путями замѣтишь, что они знаютъ моего сына, то приступи поближе, пока не попадешь вопросами прямо въ цѣль. «Я то-же его знаю, хотя издалика; или такъ напримѣръ: «я знаю его отца, его друзей, отчасти и его самага.» Понимаешь-ли, Рейнгольдъ?

Рейнгольдъ. Отлично понимаю.

Полоній. «Отчасти и его;» но, можешь сказать, «что знаешь его мало и если это дѣйствительно тотъ самый, то онъ буянъ занимается тѣмъ и тѣмъ» — послѣ того выдумай какой хочешь грѣшокъ, который будто-бы за нимъ водится; только не какойнибудь гадкій, который могъ-бы задѣть честь его; этого берегись; нѣтъ, такъ, какіянибудь буйныя, разгульныя выходки, свойственныя юности и свободѣ.

Рейнгольдъ. Напримѣръ: играть.

Полоній. Да; или-же, что онъ любитъ выпить, драться, буйнить, вздорить, навѣщать гризетокъ — это еще можешь сказать.

Рейнгольдъ. Но это можетъ его позорить, баринъ мой.

Полоній. Нисколько, душа моя, если ты съумѣешь дать дѣлу надлежащій видъ. Ты не долженъ представлять его такъ, какъ будто-бы онъ находится подъ вліяніемъ непобѣдимой страсти: не то я думаю; покажи его недостатки въ приличномъ свѣтѣ, что-бы они казались только недостатками свободы, взрывами пылкой природы, волненіемъ неукротимой крови, которая властна всякаго вводить въ соблазнъ.

Рейнгольдъ. Но, любезный баринъ —

Полоній. Съ какою цѣлью ты долженъ это дѣлать?

Рейнгольдъ. Именно, я-бы желалъ это знать.

Полоній. Ахъ, какой-же ты! Мой планъ состоитъ вотъ въ чемъ и, какъ я думаю, это будетъ дудочка, на которую манять птицу: бросишь ты на личность сына небольшую тѣнь, какъ будто-бы онъ не безупреченъ — замѣть хорошо! Если твой собесѣдникъ, котораго ты выпытываешь, будетъ знать чтонибудь подобное о молодомъ человѣкѣ, будь увѣренъ, онъ такъ начнетъ: «любезный господинъ,» или «другъ,» или «мой почтеннѣйшій,» какъ принято въ той странѣ называть и обращаться къ другимъ.

Рейнгольдъ. Отлично!

Полоній. Послѣ того, какъ онъ это сдѣлаеть: — онъ сдѣлаеть — да, что-же я хотѣлъ сказать? Ахъ, чортъ возьми, я что-то хотѣлъ сказать. На чемъ я остановился?

Рейнгольдъ. На словѣ: онъ такъ начнетъ.

Полоній. На словѣ: онъ такъ начнетъ. — Да, онъ начнетъ такъ: «я этого господина знаю хорошо, я видѣлъ его вчера, или очень недавно, или когда-бы тамъ ни было; съ тѣмъ и тѣмъ; и, какъ вы говорите, онъ велъ игру большую, тамъ видѣли его кутящимъ, тамъ подрался онъ за игрой въ мячъ; или-же: «я видѣлъ, какъ онъ отправился въ веселый домъ» (желая сказать о домѣ терпимости) и тому подобное. — Видишь-ли, какимъ образомъ, на ложную приманку, можешь поймать настоящую правду—рыбу; вотъ какъ мы, тонкій и просвѣщенный народъ, умѣемъ окольными путями, подкопомъ, съ помощью ворота, достигнуть прямо цѣли; такимъ образомъ, какъ я тебѣ совѣтую и учу, ты можешь узнать о сынѣ все. Я думаю ты понялъ, не такъ-ли?

Рейгольдъ. Понялъ.

Полоній. Ну, ступай съ Богомъ! Прощай!

Рейнгольдъ. Мой добрѣйшій баринъ —

Полоній. Самъ слѣди за его направлениемъ.

Рейнгольдъ. Это я вѣрно сдѣлаю.

Полоній. Да, чтобы онъ прилежно занимался музыкой!

Рейнгольдъ. Слушаю.

Полоній. Прощай!

(Рейнгольдъ уходитъ.)

Офелія *входитъ.*

Полоній. Ну что, Офелія, что слышно?

Офелія. Ахъ, любезный батюшка, я такъ испугалась!

Полоній. Чего? Скажи, ради Бога!

Офелія. Когда я шла въ своей комнатѣ, вдругъ принцъ Гамлетъ — въ разорванномъ плащѣ, безъ шапки, въ грязныхъ и опустившихся чулкахъ; блѣдный, какъ рубаха, съ дрожащими колѣнями; съ лицомъ, полнымъ такой невыразимой скорби, какъ будто-бы онъ вырвался изъ ада для того, чтобы рассказать объ его ужасахъ, — въ такомъ видѣ онъ вошелъ во мнѣ.

Полоній. Съ ума сошелъ отъ любви?

Офелія. Я не знаю; но боюсь, дѣйствительно, не отъ любви-ли?

Полоній. Что-же онъ говоритъ?

Офелія. Онъ схватилъ меня за руку и сжалъ крѣпко, послѣ того отклонился назадъ не болѣе, какъ на разстояніе руки. Другую же руку, приложивши вотъ такъ надъ глазомъ, столь пристально мнѣ смотрѣлъ въ лице, какъ будто-бы хотѣлъ писать съ меня портретъ. Долго стоялъ онъ такъ; наконецъ, пожавши слегка мнѣ руку, и, трижды покачавъ головой то въ одну, то въ другую сторону, такъ страшно и глубоко вздохнулъ, какъ будто-бы съ этимъ вздохомъ самъ онъ погибалъ. Послѣ того, онъ пустилъ меня и, обвернувши голову назадъ, не смотря куда идетъ, ушелъ и до послѣдней минуты глазъ не спускалъ съ меня.

Полоній. Ступай со мной, ступай; я хочу вдѣтъ короля. Это вѣрное помѣшательство отъ неукротимой любви, которое приводитъ къ отчаянному рѣшенію, какъ и всякая другая страсть, которыя здѣсь подѣ луной насъ мучать. Мнѣ жаль — признайся, можетъ быть ты сказала ему передъ тѣмъ что нибудь слишкомъ непріятное?

Офелія. Нѣтъ, добрѣйшій отецъ; я только, какъ вы приказали, отослала письма и запретила ему приходить.

Полоній. Отъ этого онъ и помѣшался. Мнѣ жаль, что я его такъ плохо понималъ. Я боялся, что онъ только шутить и хочетъ тебя увлечь; ахъ, проклятая моя подозрительность! Намъ старымъ людямъ, повидимому, такъ свойственно съ нашими понятіями переступать за предѣлы, какъ часто случается молодымъ людямъ быть опрометчивыми. Нужно идти къ королю, пойдёмъ! Скрыть передъ нимъ эту любовь гораздо опаснѣе для насъ, чѣмъ рассказать объ ней. Пойдёмъ!

(оба уходятъ.)

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и свита входятъ.

Король. Здравствуйте, Розенкранцъ и Гильденштернъ! Мы не только желали очень видѣть васъ, но, нуждаясь въ вашихъ услугахъ, мы торопились пригласить васъ пріѣхать сюда, какъ можно скорѣе. Вы слышали уже о радикальной перемѣнѣ, какая случилась съ Гамлетомъ; я выражаюсь такъ потому, что онъ ни по наружности, ни по духу не похожъ на то, что былъ. Что-бы это могло быть, если не смерть отца, отъ чего онъ такъ забывается, я не могу понять. Я прошу васъ обоихъ — такъ какъ вы съ дѣтскихъ лѣтъ съ нимъ воспитывались и близко знаете его характеръ — останьтесь на нѣкоторое время при дворѣ, устройте разнаго рода развлеченія и при этомъ старайтесь разузнать и попасть на слѣдъ того, что-бы такое было, намъ неизвѣстное, отъ чего страдаетъ онъ и чему мы, безъ сомнѣнія, желали-бы помочь.

Королева. Объ васъ, Господа, онъ часто говорилъ. Я навѣрно знаю, что никого онъ такъ, какъ васъ, не любитъ. Если вы хотите сдѣлать намъ большое одолженіе: пожалуста, не откажите остаться у насъ на нѣкоторое время — на васъ вся наша надежда; награда-же за труды ваши будетъ вполнѣ достойна короля.

Розенкранцъ. Вашему Величеству принадлежитъ власть и право скорѣе повелѣвать намъ, чѣмъ просить.

Гильденштернъ. Повинуемся и готовы всѣ силы наши и услуги повергнуть къ стопамъ вашимъ — располагайте ими, какъ угодно.

Король. Спасибо, Розенкранцъ и любезный Гильденштернъ!

Королева. Спасибо, Гильденштернъ и любезный Розенкранцъ! Немедленно навѣстите моего сына, онъ ужасно измѣнился. Проведите ихъ кто нибудь и укажите, гдѣ теперь Гамлетъ!

Гильденштернъ. Дай Богъ, чтобы наше общество и наши старанія были ему пріятны и полезны!

Королева. Даль-бы Богъ, аминь!

(Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣкоторые изъ свиты уходятъ).

Полоній *входитъ.*

Полоній. Ваше Величество, послы возвратились изъ Норвегіи, очень довольные.

Король. Ты всегда былъ отцомъ пріятныхъ извѣстій.

Полоній. Не правда-ли? Будьте увѣрены, Ваше Величество, что я посвящаю всѣ силы мои и душу сперва Богу, а потомъ Божьею милостію моему королю. А теперь-то, я думаю, (не ужъ-то этотъ мозгъ не попадаетъ уже такъ вѣрно на настоящій слѣдъ дичи, какъ бывало прежде) что отыскалъ настоящую причину сумасшествія Гамлета.

Король. О, скажите пожалуста скорѣе: это меня очень занимаетъ.

Полоній. Сперва выслушайте пословъ; мой докладъ будетъ заключеніемъ, какъ десертъ на большихъ обѣдахъ.

Король. Вы сами сдѣлайте имъ честь и представьте ихъ.

(Полоній уходитъ).

Онъ говоритъ, любезная Гертруда, что будто-бы открылъ источникъ болѣзни вашего сына.

Королева. Я боюсь, что единственная причина этого — одна: смерть отца его и наше скорое вступленіе въ бракъ.

Король. Хорошо, мы испытаемъ его.

Полоній *возвращается съ Вольтимандомъ и Корнелиемъ.*

Король. Здравствуйте, любезные друзья! — Вольтимандъ, скажите, что привозите вы отъ нашего брата, короля норвежскаго.

Вольтимандъ. Взаимный отвѣтъ на вашъ дружелюбный поклонъ и чувства. По первому нашему слову, послалъ онъ за племянникомъ и остановилъ наборъ солдатъ, который онъ считалъ приготовленіемъ къ войнѣ съ Поляками; но, узнавши обстоятельнѣе, онъ нашель, что затѣввалась экспедиція противъ Вашего Величества. Огорченный, что по болѣзни и по старости такъ обмануть, онъ арестовалъ Фортинбраса, сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ и заставилъ его дать клятву — ни въ какомъ случаѣ не поднимать оружія противъ Вашего Величества. Обрадованный этимъ, старый король норвежскій назначилъ ему три тысячи червонцевъ содержанія въ годъ и уполномочилъ набранныя войска употребить въ дѣло противъ Поляковъ. *(подаетъ грамоту)* Здѣсь вотъ обстоятельная его просьба къ Вашему Величеству, чтобы вы соизволили разрѣшить переходъ черезъ ваши предѣлы на такихъ условіяхъ и гарантіяхъ, какія здѣсь изложены.

Король. Мы на это согласны; въ свободное время прочтемъ, обсудимъ и отвѣтъ дадимъ. При этомъ благодаримъ васъ за успѣшныя труды, отдохните и приходите обѣдать вмѣстѣ. Мы всегда рады васъ видѣть у себя!

(Вольтимандъ и Корнелий уходятъ).

Полоній. И такъ, кажется, это дѣло благополучно кончилось. Государь и милостивѣйшая Государыня, разбирать здѣсь, что такое царское величество, что

такое преданность, почему день — днемъ, ночь — ночью, время — временемъ: это-бы значило и ночь, и день, и время терять напрасно. Такъ какъ сжатость есть душа остроумія, многорѣчивость — тѣло и наружная прикраса, я постараюсь быть, какъ можно кратче. Вашъ благородный сынъ — умопомѣшанный; умопомѣшаннымъ я называю его: ибо въ чемъ и состоитъ умопомѣшательство, какъ ни въ томъ, что человѣкъ дѣлается точь въ точь, какъ, умопомѣшанный? Но пусть будетъ такъ.

Королева. Говорите больше толкомъ, поменьше вычурности!

Полоній. Какъ честный человѣкъ, я нисколько не люблю вычурности. Умопомѣшанный онъ, это истина; что это истина, это жаль; и жаль что это истина. Однако, это безтолковая фигура; ну ее, я хочу безъ вычурности приступить къ дѣлу, и такъ, мы считаемъ его сумасшедшимъ; остается намъ изслѣдовать причину эффекта, или, правильнѣе сказать, причину дефекта, потому-что этому дефектъ-эффекту должна быть причина. И такъ, теперь дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: судите сами! *(вынимаетъ изъ кармана бумагу)* У меня есть дочь; я имѣю ее, потому-что она моя; которая мнѣ, видите, по долгу послушанія, вотъ это передала; рѣшите и посовѣтуйте теперь. *(онъ читаетъ)*.

«Божественной, идолу души моей, прелестной Офеліи.»

Это некрасивая рѣчь и грубое выраженіе; прелестный — это выраженіе свойственное только необразованному классу людей. Но послушайте дальше: «Ея прекрасному и нѣжному сердцу эти строки» и т. д.

Королева. Это Гамлетъ къ ней прислалъ?

Полоній. Потерпите, милостивѣйшая государыня, я вамъ все доложу. *(читаетъ)* «Сомнѣвайся въ чистотѣ солнечнаго свѣта, сомнѣвайся въ блескѣ звѣздъ, сомнѣвайся можетъ-ли обманывать правда, но въ любви моей — никогда. О, милая Офелія, я не умѣю писать стихами, я не владѣю искусствомъ размѣрять стопами мои страданія, но, что я тебя больше всего люблю, о, лучшая изъ всѣхъ, этому ты вѣрь. Прощай! На вѣки твой, дражайшая, пока эта машина-тѣло во власти моей.

Гамлетъ.»

По долгу послушанія, мнѣ это показала дочь и рассказала о его настойчивомъ ухаживаніи, въ какое время, какимъ образомъ и въ какомъ мѣстѣ это случилось.

Король. Какъ, однако, она приняла его любовь?

Полоній. Какого же вы мнѣнія обо мнѣ?

Король. Что вы человѣкъ преданный и честный.

Полоній. Я съ удовольствіемъ готовъ доказать это. Однако-же что-бы вы подумали, если бы я, видя начало этой горячей любви, (я ее замѣтилъ, нужно вамъ сказать, до того еще, когда мнѣ дочь сказала) что-бы вы подумали, или моя дорогая королева, Вашего Величества супруга, если-бы я при этомъ случаѣ игралъ роль мѣшка для писемъ или письменнаго стола, спокойный и тихій закрылъ глаза и хладнокровно смотрѣлъ-бы на эту любовь? Чтобы вы подумали? Нѣтъ, я поступилъ открыто и прямо сказалъ моей молодой красавицѣ: «Принцъ Гамлетъ, владѣтельнаго дома князь, слишкомъ для тебя высокая чета; этого не должно быть» и тогда-же, я приказалъ ей, чтобы она прекратила съ нимъ всякія отношенія, не принимала ни посланныхъ, ни подарковъ. Она воспользовалась и послѣдовала

моимъ совѣтамъ и онъ, отвергнутый, (какъ-бы это сказать покороче), впалъ въ тоску, потомъ началъ поститься, затѣмъ не спать, потомъ впалъ въ ослабленіе, потомъ въ разсѣянность, и такимъ образомъ, постепенно, дошелъ до сумасшествія, которымъ онъ теперь страдаетъ и всѣхъ смущаетъ насъ.

Король. *(къ королеви)* Какъ вы думаете, можетъ быть и такъ?

Королева. Очень можетъ быть; все возможно.

Полоній. *(къ королю)* Хотѣлъ-бы я знать: замѣтили-ли вы когданибудь, чтобы я, сказавши навѣрно: «это такъ», впослѣдствіи это было-бы не такъ?

Король. Никогда, сколько я знаю.

Полоній. *(Указывая на свою голову и плечи).* Голову отрубите мнѣ, если это не будетъ такъ. Когда я разъ напалъ на слѣдъ, непременно добыюсь гдѣ правда, скройсь она, хоть въ самомъ центрѣ,

Король. Нельзя-ли какънибудь въ этомъ точнѣе убѣдиться?

Полоній. Вамъ извѣстно, что онъ цѣлые часы ходитъ то назадъ, то впередъ по галлерей.

Король. Дѣйствительно такъ.

Полоній. Я хочу послать дочь мою туда къ нему; станьте вы въ это время со мною за ковромъ и замѣчайте: если онъ ее не любитъ и не отъ того сошелъ съ ума, то пусть я не буду болѣе статсъ-секретаремъ, велите мнѣ тогда поле пахать и ходить за лошадьми.

Король. Увидимъ.

Гамлетъ *входитъ, читая.*

Королева. Смотрите, несчастный идетъ, скучный и читаетъ.

Полоній. Не угодно-ли вамъ обоимъ будетъ уйдти отсюда, убѣдительно васъ прошу! Я тотчасъ къ нему подъѣду. Пожалуста позвольте!

(Король, королева и свита уходятъ).

(къ Гамлету). Какъ поживаете, мой дорогой принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Слава Богу, хорошо!

Полоній. Знаете ли вы меня, принцъ!

Гамлетъ. Отлично. Вы рыбакъ?

Полоній. Ну, нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Я-бы желалъ, чтобы вы были такимъ честнымъ человѣкомъ»

Полоній. Честнымъ, мой принцъ?

Гамлетъ. Да, милостивый государь, честнымъ быть въ этомъ мірѣ, это значитъ, быть выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній. Это суцая правда, принцъ.

Гамлетъ. Потому что если солнце зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ, божество цѣлуетъ падаль — есть у васъ дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Не пускайте ее на солнце. Быть способнымъ къ роженію считается благословеніемъ, но, чтобы такая благодать не досталась въ удѣлъ вашей дочери — берегитесь, другъ.

Полоній. Что вы хотите этимъ сказать? (*въ сторону*) Такъ и намекаетъ все на дочь мою. А меня сначала и не узналъ; онъ сказалъ, что я рыбакъ. Далеко зашелъ, очень далеко! Правду сказать, и меня точно также мучила въ молодости любовь, какъ и его. Поговорю съ нимъ еще. (*громко*) Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова.

Полоній. Но о чемъ это толкуютъ?

Гамлетъ. Кто толкуетъ?

Полоній. Я хочу сказать какого содержания книга, принцъ.

Гамлетъ. Клеветы, милостивый государь: тамъ какой-то плуть-сатирикъ утверждаетъ, что будто у старыхъ людей сѣдая борода; лицо ихъ покрывается морщинами, что изъ глазъ у нихъ течетъ клейкая амбра и смола, что у нихъ большой недостатокъ остроумія, а при этомъ у нихъ очень слабыя ребра. И, хотя я самъ въ этомъ искренно и твердо убѣжденъ; но я не нахожу удобнымъ выражать это на бумагѣ; вотъ и вы сами, милостивый государь, могли-бы сдѣлаться такимъ же старикомъ, какъ я, если-бы могли пятиться назадъ, какъ ракъ.

Полоній. (*въ сторону*) Это уже сумасшествіе и даже систематическое. (*громко*) Не хотите-ли уже уйти отъ вѣтра, принцъ?

Гамлетъ. Въ мой гробъ?

Полоній. Да, это значило-бы дѣйствительно уйти отъ вѣтра. (*въ сторону*) Какіе меткіе иногда его отвѣты! Удивительно, что сумасшедшимъ случается часто понимать то, что не доступно здравому смыслу и уму. Я его брошу и тотчасъ постараюсь устроить свиданіе его съ дочерью моей. — (*громко*) Ваше Высочество, извините, я покорнѣйше прошу разрѣшить мнѣ уйти.

Гамлетъ. Вы не можете ничего болѣе пріятнаго попросить у меня — исключая жизни, исключая жизни.

Полоній. Прощайте, принцъ!

Гамлетъ. Скучные старые дураки!

Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.

Полоній. (*Проходя мимо*) Вы ищите принца Гамлета? онъ тамъ.

Розенкранцъ. (*къ Полонію*) Да пошлетъ вамъ Господь Богъ всякое благополучіе, милостивый государь!

(*Полоній уходитъ*).

Гильденштернъ. Многоуважаемый принцъ —

Розенкранцъ. Дорогой мой принцъ —

Гамлетъ. Любезные и дорогіе друзья мои! Что подѣлываешь, ты, Гильденштернъ? — А, Розенкранцъ! — Каково поживаете, товарищи?

Розенкранцъ. Какъ маленькіе люди на этой землѣ.

Гильденштернъ. Счастливы, потому что мы не черезъ мѣру счастливы; мы не баловни, не сидимъ на макушкѣ фортуны.

Гамлетъ. Но однако-же вы и не подошвы сапогъ ея?

Розенкранцъ. Нельзя сказать этого, принцъ.

Гамлетъ. Такимъ образомъ вы пребываете тамъ, гдѣ ея поясъ, или же въ центрѣ ея щедротъ.

Гильденштернь. Говоря правду, мы съ нею въ близкихъ отношеніяхъ,

Гамлетъ. На лонѣ богини счастья? О, какая удивительная правда — она вѣтренная и легкаго поведенія женщина! Что слышно новаго?

Розенкранць. Ничего, принць, развѣ то только, что свѣтъ сталъ честнымъ.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ наступаетъ день страшнаго суда; но ваша новость — несправедлива. Позвольте васъ однако-же спросить: чѣмъ провинились вы, друзья, противъ фортуны, что она шлетъ васъ сюда въ темницу?

Гильденштернь. Въ темницу, принць?

Гамлетъ. Данія и есть темница.

Розенкранць. Такимъ образомъ и цѣлый свѣтъ тоже темница.

Гамлетъ. Великолѣпная, въ которой много перегородокъ, норъ и карцеровъ. Данія — одна изъ самыхъ гадкихъ.

Розенкранць. Мы такъ не думаемъ объ ней, принць.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ для васъ нѣтъ темницы, такъ какъ все само по себѣ не бываетъ ни доброе ни злое, а зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на что. Для меня Данія — темница.

Розенкранць. Это зависитъ отъ того, что ваше честолюбіе превращаетъ ее въ темницу, она слишкомъ мала для вашего духа.

Гамлетъ. Боже, меня можно-бы заключить въ шелуху орѣховую и я-бы считалъ себя королемъ обширнѣйшей области, если-бы меня не преслѣдовали несчастные мечты.

Гильденштернь. Эти-то мечты, на самомъ дѣлѣ, и есть честолюбіе, такъ какъ сущность честолюбія есть только тѣнь мечты.

Гамлетъ. Мечта сама ни что иное, какъ тѣнь.

Розенкранць. Безъ сомнѣнія, и мнѣ кажется, что честолюбіе чувство такого прозрачнаго и не уловимаго свойства, что оно само не болѣе, какъ тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Такимъ образомъ, наши нищіе — тѣла, и наши монархи и прославленные герои — тѣни нищихъ. Не пора ли намъ во дворець? Клянусь душой, я не въ силахъ резонировать.

Розенкранць и Гильденштернь. Мы оба къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Ничего подобнаго не говорите, я не причислю васъ къ остальнымъ моимъ слугамъ; ибо скажу вамъ, какъ честный человекъ, моя свита отвратительна. Но, какъ друзей, равныхъ мнѣ, спрашиваю, что подѣлываете вы въ Гельзингерѣ?

Розенкранць. Мы хотѣли только навѣститъ васъ, ничего болѣе.

Гамлетъ. Нищій, какъ я, я даже бѣденъ чувствомъ благодарности. Но я благодарю васъ и навѣрно, милые мои друзья, за мою благодарность не стоитъ дать и мѣднаго гроша. Развѣ за вами не посылали? Собственное-ли было ваше желаніе? Добровольный визитъ? Пожалуста, поступайте со мною честно. Такъ и быть! Ну, скажите-же!

Гильденштернь. Что мы должны сказать, принць?

Гамлетъ. Что хотите — исключая правду. За вами послали, сознание уже замѣтно въ вашихъ глазахъ, которые недостаточно лукавы, чтобы притворяться. Я знаю, что добрый король и королева за вами послали.

Розенкранць. Съ какою цѣлью, принць?

Гамлетъ. Это я долженъ узнать отъ васъ. Но заклинаю васъ именемъ нашей школьной дружбы, союзомъ нашей юности, нашей испытанной любовью и всѣмъ дорогимъ, чѣмъ могъ-бы болѣе искусный ораторъ, сильнѣе тронуть ваше сердце, скажите сами прямо: послали-ли за вами, или нѣтъ.

Розенкранцъ. (*къ Гильденштерну*) Что скажете вы?

Гамлетъ. (*въ сторону*) Такъ, я уже понимаю васъ. (*громко*) Если вы меня любите, признайтесь.

Гильденштернъ. Принцъ, дѣйствительно за нами послали.

Гамлетъ. Я вамъ скажу для чего; угадываю и предупрежу вашу измѣну, такъ что вы, неоткрывая на волосъ тайны, нисколько не погрѣшите противъ короля и королевы. Недавно — не знаю почему — я лишился всей бодрости духа, оставилъ всѣ мои обыкновенныя занятія и дѣйствительно такъ разстроены, что земля, это чудное строеніе, кажется мнѣ однимъ только пустыннымъ мысомъ; видите-ли этотъ великолѣпный куполь, воздухъ, этотъ чудный небосклонъ, этотъ величественный сводъ, вытканый золотымъ огнемъ, все это кажется для меня только скопленіемъ испорченныхъ и заразительныхъ паровъ. Какое образцовое созданіе человѣкъ! Какъ благороденъ онъ по своему уму! Какъ безпредѣльны его способности! Какое достоинство и сила въ его образѣ и движеніяхъ! Сколько сходства въ дѣлахъ у него съ ангеломъ, въ помыслахъ съ Богомъ! Краса міра! Первообразъ всего живущаго! И что же для меня значить эта квинтэссенція изъ пыли? Я не имѣю никакой охоты къ муштинѣ. (*Розенкранцъ и Гильденштернъ смѣются*) Къ женщинѣ тоже, хотя вы, кажется, сомнѣваетесь въ этомъ, судя по вашей улыбкѣ.

Розенкранцъ. У меня въ мысляхъ ничего подобнаго не было, принцъ.

Гамлетъ. Отъ чего-же вы смѣялись, когда я сказала, что я не имѣю никакой охоты къ мужчине.

Розенкранцъ. Я думалъ вотъ что: если такъ, то какой-же сухой приѣмъ найдутъ у васъ актеры. Мы встрѣтили ихъ на дорогѣ; они ѣдутъ сюда, къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Тому, который играетъ королей, я очень радъ; его величеству я воздамъ должную дань; странствующій рыцарь употребить въ дѣло копье и шлемъ; любовникъ не напрасно будетъ вздыхать; играющій чудаковъ доведетъ роль свою до конца; дуракъ будетъ смѣшить людей, чувствительныхъ къ смѣху; актриса пусть смѣло высказываетъ свои чувства, развѣ стихи для этого будутъ плохи. Что это за труппа?

Розенкранцъ. Та самая, которая вамъ доставляла такъ много удовольствія — столичные актеры.

Гамлетъ. Почему-же они развѣзжаются? Постоянное мѣстожителство выгоднѣе имъ, какъ для славы, такъ и для доходовъ.

Розенкранцъ. Я думаю, что они перестали въ городѣ играть, вслѣдствіе послѣднихъ перемѣнъ, которыя тамъ случились,

Гамлетъ. Пользуются-ли они тѣмъ-же уваженіемъ, какъ прежде, когда я былъ въ городѣ? Такъ-ли охотно ихъ и теперь посѣщаютъ?

Розенкранцъ. Нѣтъ, навѣрно не такъ.

Гамлетъ. Отъ чего-же? Развѣ они стали дурно играть?

Розенкранцъ. Нисколько; ихъ достоинство и труды тѣ-же самыя, но тамъ нашлось гнѣздо дѣтей, маленькихъ: птичекъ, которые немилосердно пищатъ напыщеннымъ слогомъ и за это имъ безпощадно аплодируютъ. Они теперь въ большомъ ходу и издѣваются надъ театрами обыкновенными (какъ называютъ они прочіе театры) до того, что многіе, носящіе шпаги, боятся гусиного пера и едва осмѣливаются ходить туда.

Гамлетъ. Не ужели это дѣти? Кто-же ихъ содержитъ? Плотить имъ жалованье? Не ужели они до тѣхъ поръ только останутся актерами, пока поютъ дискантомъ? Не скажутъ-ли они впослѣдствіи, когда сдѣлаются обыкновенными актерами (что очень вѣроятно, когда они ни къ чему другому не будутъ приспособлены) что писатели ихнихъ комедій дѣлаютъ глупость, заставляя ихъ самихъ декламировать противъ того, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ?

Розенкранцъ. Право, съ обѣихъ сторонъ было много шуму и толпа нисколько не стѣсняется возбуждать обѣ стороны къ дракѣ. Нѣсколько времени дѣло доходило до того, что нельзя было ни за что продать пьесы, если въ ней писатель и актеры чуть не вцѣплялись въ волоса другъ другу.

Гамлетъ. Не ужели?

Гильденштернъ. О, много ума было потрачено на это.

Гамлетъ. И что-же, дѣти побѣждаютъ?

Розенкранцъ. Безъ сомнѣнія, принцъ, они побѣдили актеровъ театра подъ фирмой: Геркулесъ съ земнымъ шаромъ на плечахъ.

Гамлетъ. Впрочемъ, что тутъ удивительнаго: теперь мой дядя сталъ королемъ Даніи, и вотъ именно тѣ, которые ему строили рожу, пока жилъ мой отецъ, теперь плотятъ двадцать, сорокъ, пятьдесятъ, даже сто червонцевъ за его портретъ въ миниатюрѣ. Чортъ возьми, въ этомъ что то есть сверхъ-естественное, пусть бы философія чѣмъ нибудь объяснила это.

(звукъ трубъ за сценой),

Гильденштернъ. Вотъ и актеры.

Гамлетъ. Любезные господа, всѣ очень рады видѣть васъ въ Гельзингерѣ. Дайте мнѣ ваши руки! Вотъ такъ! Хорошіе манеры и комплименты необходимы, когда мы рады кого нибудь встрѣтить. Позвольте и мнѣ васъ привѣтствовать такимъ-же образомъ, что-бы мое обращеніе съ актерами (которое по наружности должно быть особенно вѣжливое) не показалось-бы болѣе вѣжливымъ, какъ съ вами. Вамъ рады, но мой дядя-отецъ и моя тетка-мать ошибаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ, мой дорогой принцъ?

Гамлетъ. Я теряю умъ только при сѣверовосточномъ вѣтрѣ; но при южномъ я могу отличить колокольню отъ фонарнаго столба.

Полоній *входитъ.*

Полоній. Здравствуйте, Господа!

Гамлетъ. Слушайте, Гильденштернъ! — и вы тоже — на каждое ухо до одному слушателю: большой ребенокъ, котораго вы видите тамъ, не вышелъ еще изъ пеленокъ.

Розенкранць. А можетъ быть онъ вторично народился, ибо говорятъ-же, что старики снова дѣлаются дѣтьми.

Гамлетъ. Я предсказываю, что онъ пришелъ сказать мнѣ объ актерахъ. Обратите вниманіе! — Совершенно справедливо, милостивый государь: утромъ въ понедѣльникъ тоже самое было, онъ былъ, точно ребенокъ. —

Полоній. Принць, я хочу вамъ сообщить новость.

Гамлетъ. Милостивый государь, я хочу вамъ сообщить новость. — Когда актеръ Росцій былъ въ Римѣ —

Полоній. Актеры сюда пріѣхали, принць,

Гамлетъ. Пустяки, пустяки.

Полоній. Какъ честный человекъ —

Гамлетъ «Каждый ѣхалъ на своемъ ослѣ» —

Полоній. Самые лучше актеры въ мірѣ для трагедій, комедій, исторій, пасторалей, пастораль-комедій, историко-пасторалей, для нераздѣльнаго дѣйствія, или для какихъ угодно длинныхъ поэмъ. Для нихъ Сенека не слишкомъ трагиченъ и Плавтъ не слишкомъ комиченъ. Сочинить или сказать что-нибудь экспромтомъ съ ними никто не сравнится.

Гамлетъ. «О, Іеффай, судья израиля!» — Какое сокровище ты имѣлъ?

Полоній. Какое сокровище онъ имѣлъ, принць?

Гамлетъ. Слушайте:

«И прекрасную дочь онъ имѣлъ

Онъ любилъ ее отъ души.»

Полоній. (*въ сторону*) Непремѣнно моя дочь.

Гамлетъ. Не правъ-ли я, старый Іеффай?

Полоній. Если вы меня зовете Іеффайемъ, принць, то я имѣю дочь, которую чрезъ мѣру люблю.

Гамлетъ. Нѣтъ, не это слѣдуетъ заключеніе.

Полоній. Что-же слѣдуетъ, принць?

Гамлетъ. Да вотъ что:

«Счастію, жизни конецъ

Положилъ нашъ Творецъ.»

Затѣмъ вы знаете:

«И случилось съ ней то,

Что всѣмъ намъ суждено,» —

Дальше вы можете сами узнать изъ перваго отдѣла святочныхъ пѣсней, а теперь, смотрите, идутъ люди, которые мѣшаютъ намъ продолжать разговоръ.

Четыре или пять актеровъ входятъ.

Гамлетъ. Здравствуйте, господа, здравствуйте! — Я радуюсь, что вижу васъ здоровыми. Здравствуйте, мои любезные друзья! Ахъ, старый другъ, какъ поистрепалось лице твое съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ въ послѣдній разъ! А что, ты и въ Даніи будешь ворчать на меня? Ахъ моя прекрасная молодая дама! Какъ люблю женщинъ, М-ле, вы поднялись къ небу на одинъ каблукъ выше съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ. Дай Богъ, чтобы вашъ голосъ, подобно старой монетѣ, не

потерялъ своей звучности и прелести. — Очень радъ васъ всѣхъ видѣть, господа! Мы тотчасъ пріймемся за дѣло, какъ французскіе фальконьеры, налетимъ на все, что встрѣтится на пути. Съиграемъ чтонибудь! Покажите намъ обрачикъ вашего искусства. Такъ и быть! Какуюнибудь патетическую рѣчь.

1-й актеръ. Какую рѣчь прикажете, Ваше Высочество!

Гамлетъ. Я слышалъ однажды, какъ ты читалъ монологъ. Пьеса никогда не была поставлена на сцену, а если и была, то не болѣе одного раза; и, сколько могу припомнить, она не понравилась толпѣ, для нее это было тоже самое, что свѣжая икра для простонародія. Но это была, по моему мнѣнію и по мнѣнію лучшихъ знатоковъ, превосходная пьеса: сцены въ ней распредѣлены правильно и задуманы весьма искусно и умно. Я помню, что кто-то сказалъ о ней, что въ стихахъ нѣтъ вовсе соли и перцу, чтобы придать мыслямъ болѣе остроты, что въ выраженіяхъ не было никакого желанія автора пользоваться прикрасами; но онъ считалъ ее написанной просто, столько-же со здравымъ смысломъ, какъ и пріятной и далеко болѣе красивой, чѣмъ прикрашенной. Въ пьесѣ этой одинъ монологъ мнѣ особенно нравился: это былъ разсказъ Энея Дидонѣ; въ особенности то мѣсто, когда онъ разсказываетъ объ убійствѣ Пріама. *(къ одному изъ актеровъ)* Если вы помните, оно начинается этими строками: — Пойдите, пойдите —

«Жестокій Пирръ, какъ левъ гирканскій» — Нѣтъ не такъ, я ошибаюсь, но помню, что оно начинается Пирромъ. «Жестокій Пирръ, онъ, котораго мрачный мечъ, черный, какъ замыслы его, похожій на ту ночь, когда сидѣлъ онъ внутри зловѣщаго коня — убралъ теперь свой страшный ликъ варварскими гербами: съ головы до ногъ имѣлъ онъ видъ алой краски; какъ чудовище росписанъ былъ кровью отцовъ, матерей, дочерей и сыновей, осушаемый жаромъ пылающихъ улицъ, которыя освѣщали грознымъ и адскимъ свѣтомъ сцену убійства своего владыки. Распаленный огнемъ и злобой, обрызганный густою кровью, съ глазами, какъ-бы изъ краснаго камня, ищетъ бѣшеный Пирръ праотца Пріама.» — Продолжайте дальше!

Полоній. Ей Богу, принцъ, великолѣпно сказано — благороднымъ тономъ, съ отличной выдержкой.

1-й актеръ. «Скоро находить онъ его, но уже безсильнаго дать отпоръ врагу: его старый мечъ не повинуется болѣе рукъ и лежитъ невнимательный къ повелѣнію, тамъ гдѣ упалъ, далеко не равномерный силами бросается Пирръ прямо на Пріама и высоко взмахнулъ мечемъ, но отъ одного только свиста ужаснаго меча падаетъ обезсиленный отецъ. И Троя, хотя уже бездыханная, содрогнулась отъ этого взмаха; ея поникшая долу башня, объятая пламенемъ, рушилась на землю и паденіемъ своимъ ужаснымъ оглушила Пирра: смотрите, мечъ его, неумолимо падавшій уже на бѣлую, какъ молоко, царственную голову Пріама, остановился въ воздухѣ, какъ будто окаменѣлый. Такъ стоялъ онъ, росписанное чудовище, въ недоумѣніи между силой и волей и не зналъ, что дѣлать. Но, какъ часто, видимъ мы, бываетъ передъ бурей: тишина на небѣ, не подвижны облака, вѣтеръ не шелохнетъ, а внизу земля мрачная, какъ смерть — вдругъ ужасный громъ разсѣкаетъ воздухъ; такъ и мщеніе, какъ-бы въ наказаніе за минуту замедленія, съ новой силой поднимаетъ на дѣло Пирра; и никогда не падали безпощаднѣе молоты циклоповъ на панцырь Марса,

скованный какъ вѣчность, какъ удалъ теперь кровавый мечъ Пирра на голову Пріама. — О, ты, коварная, какъ публичная женщина, богиня Фортуна! Вы, всѣ, боги великаго совѣта, лишите ее власти, изломаете спицы и ободъ колеса ея, и пусть скатится съ высотъ небесныхъ одна ступица въ бездонную пропасть ада.»

Полоній. Это слишкомъ длинно.

Гамлетъ. Не мѣшало-бы отослать къ цырульнику и обрѣзать вмѣстѣ съ вашей бородой. (*къ актеру*) Пожалуста, продолжай! Онъ любитъ только фарсы или пошлые анекдоты, въ противномъ случаѣ засыпаетъ. Говори дальше, начинай о Гекубѣ!

1-й актеръ. «Но кто, о горе! видѣлъ полунагую королеву» —

Гамлетъ. Полунагую королеву?

Полоній. Это хорошо; полунагая королева, хорошо.

1-й актеръ. «Какъ бѣгала она, босая, и пламень могла-бъ залить ручьями слезъ; съ головой, прикрытой лохмотьемъ, гдѣ еще недавно сіяла царская корона; и, вмѣсто одежды, исхудалое и истощенное отъ горя тѣло было покрыто простыней, въ торопяхъ гдѣ-то схваченной: кто это видѣлъ, разразился-бы ядовитымъ гнѣвомъ противъ коварства богини фортуны. И если-бы сами боги взглянули въ ту минуту, когда она замѣтила, какъ Пирръ, жестоко позоря, рубилъ мечемъ супруга тѣло: первый взрывъ крика ея (для нихъ жизнь смертныхъ не совсѣмъ чужда) вызвалъ бы слезы изъ пылающихъ очей неба и чувство состраданія изъ сердець безсмертныхъ боговъ.»

Полоній. Посмотрите, развѣ не измѣнился онъ въ лицѣ, даже слезы на глазахъ? — Пожалуста, перестань!

Гамлетъ. Хорошо. Остальное расскажешь мнѣ послѣ, въ скоромъ времени. (*къ Полонію*) Милостивый государь, не угодно-ли вамъ позаботиться объ угощеніи актеровъ. Послушайте, примите ихъ хорошо, потому что они зеркало и краткая хроника нашего вѣка. Для васъ была-бы лучше дурная надпись на могилѣ, послѣ смерти, чѣмъ худая молва при жизни.

Полоній. Ваше Высочество, я; буду обращаться съ ними по ихъ заслугамъ.

Гамлетъ. Чортъ возьми, мой милый, гораздо лучше! Попробуйте обращаться со всякимъ по заслугамъ — кого тогда не пришлось-бы побить? Обращайтесь съ ними, какъ требуютъ этого собственное ваше достоинство и честь: чѣмъ менѣе они этого стоятъ, тѣмъ болѣе можно будетъ оцѣнить вашу доброту и любезность. Возьмите ихъ съ собой!

Полоній. Пожалуйте, господа!.

Гамлетъ. (*къ актерамъ*) Идите за нимъ, друзья мои! Завтра должна быть сыграна пьеса. (*къ первому, актеру*) Послушайте, старый другъ, можете ли вы сыграть убійство Гонзаго?

1-й актеръ. Можемъ, принцъ.

Гамлетъ. Сыграйте его завтра вечеромъ. Я надѣюсь, что вы, если понадобится, можете выучить наизусть монологъ, такъ около 12—16 строкъ, который я хочу сочинить и вставить въ пьесу? Не такъ-ли?

1-й актеръ. Могу, Ваше Высочество.

Гамлетъ. Отлично! *(ко встѣмъ актерамъ)* Идите за этимъ господиномъ, только, смотрите, не труните надъ нимъ! *(Полоній и актеры уходятъ. — Къ Розенкранцу и Гильденштерну)* Мои добрые друзья, я прощаюсь съ вами до вечера: вамъ очень рады въ Гельзингерѣ!

Розенкранцъ. Очень хорошо, принцъ.

Гамлетъ. И такъ, идите съ Богомъ!

(Розенкранцъ, Гильденштернъ уходятъ).

Теперь я одинъ. О, какой-же я негодяй и презрѣнный рабъ! Не удивительно-ли, что здѣсь актеръ, подъ вліяніемъ вымысла и страсти, созданныхъ воображеніемъ, по собственному только представленію, могъ настроить свою душу такъ, что лице его отъ волненія блѣднѣло и выражало ужась, глаза наливались слезами, голосъ замиралъ и вся его фигура, какъ-бы олицетворяла собой эти чувства. И все это волненіе изъ за пустяковъ! Изъ за Гекубы! Что ему Гекуба, что онъ ей? Изъ за чего тутъ слезы лить? Что, если бы онъ, какъ я, былъ призванъ на дѣло мщенія и это чувство было-бы единственной задачей его жизни: что-бы онъ дѣлалъ? Залилъ-бы слезами сцену; поразилъ-бы зрителей раздирающими душу словами; съ ума бы свелъ преступника; привелъ-бы въ такое смущеніе и трепеть людей невинныхъ и не причастныхъ къ дѣлу, что могъ-бы даже лишитъ ихъ и зрѣнія и слуха. А я, робкій и малодушный бездѣльникъ, пресмыкаюсь, какъ шутъ въ чужомъ пиру, чуждаясь собственнаго дѣла, и не смѣю сказать одного слова, одного слова въ защиту короля, котораго открытымъ разбоемъ лишили собственности и драгоцѣнной жизни. Кажется, я не трусь? Кто смѣетъ назвать меня негоднымъ? Ударить по головѣ? Потрепать за бороду и бросить въ лице клочки волосъ? Ущипнуть за носъ? Нахально уличать во лжи? Кто смѣетъ сдѣлать это? Но я, наконецъ, какъ будто-бы проглотилъ все это? Иначе нельзя и думать: я кротокъ, какъ голубь, гнетъ переносу безъ настоящаго ожесточенія; въ противномъ случаѣ, я давно-бы долженъ былъ бросить трупъ этого мерзавца, какъ падаль, на съѣденіе здѣшнимъ коршунамъ. Кровожадный и развратный негодяй! Безчувственный и сладострастный извергъ! — Да, но какой-же я осель! Отличная храбрость, когда, будучи сыномъ дорогаго замученнаго отца, когда небо и адъ зовутъ меня на мечь, я только на словахъ, какъ публичная женщина, отвожу душу и довольствуюсь одними бранными словами, какъ какая-нибудь поденщица или кухарка! О, какъ это гадко! Пора тебѣ на работу, голова моя! Да, да! Я слышалъ, что разбойники, присутствуя въ театрѣ на драматическихъ представленіяхъ, искусствомъ игры до того поражены бывали, что сами выдавали тайну своихъ преступленій: убійство, безъ языка, умѣетъ говорить какими-то магическими словами. Они должны сыграть передъ дядей что-нибудь похожее на убійство моего отца. Я буду слѣдить за его глазами, я хочу проникнуть въ сокровенную тайну души его: дрогнетъ онъ — тогда я буду знать, что дѣлать. Духъ, котораго я видѣлъ, можетъ быть дьяволъ, который умѣетъ облекаться въ разныя обольстительныя формы; да, и, можетъ быть, пользуясь моей слабостью и меланхоліей (на такой характеръ онъ имѣетъ сильное вліяніе) увлекаетъ меня на погибель. Я хочу добыть основаніе болѣе вѣрное. Пусть театральное представленіе будетъ силками, разставленными на совѣсть короля! *(уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденштернъ *входятъ.*

Король. Чтоже, нельзя отъ него узнать никакими изворотами: что за разстройство, которое нарушаетъ спокойствіе его жизни такимъ ужаснымъ и опаснымъ безуміемъ?

Розенкранцъ. Онъ говоритъ, что чувствуетъ себя разстроеннымъ; но не хочетъ ни за что сказать о причинѣ этого разстройства.

Гильденштернъ. Онъ неохотно позволилъ испытывать себя, отдѣльвается, напротивъ, весьма искусно, когда мы хотѣли убѣдить его, что-бы онъ открылъ намъ настоящую суть дѣла.

Королева. Какъ-же онъ васъ принялъ?

Розенкранцъ. Какъ настоящій джентльменъ.

Гильденштернъ. Однако-же онъ дѣлалъ надъ собой большое усиліе.

Розенкранцъ. На собственные вопросы скупъ, на наши-же вопросы отвѣчалъ охотно.

Королева. Звали-ли вы его на какое нибудь гулянье?

Розенкранцъ. Случилось именно въ это время, Ваше Величество, что мы встрѣтили на дорогѣ актеровъ. Ему мы сказали объ этомъ и, кажется, онъ какъ-то особенно этому обрадовался. Они остановились здѣсь, недалеко отъ дворца, и, полагаю, что получили уже приказаніе играть для него сегодня вечеромъ.

Полоній. Дѣйствительно такъ; онъ меня просилъ пригласить Ваши Величества послушать и посмотретьъ эту вещь.

Король. Съ большимъ удовольствіемъ, я очень радъ, что онъ начинаетъ въ этомъ находить удовольствіе. Вы, любезные господа, воодушевляйте и подстрекайте его къ разнаго рода развлеченіямъ.

Розенкранцъ. Мы очень рады, государь!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Король. И ты уйди, любезная Гертруда; мы тайно направляемъ сюда Гамлета, чтобы онъ, какъ-бы случайно, могъ встрѣтиться здѣсь съ Офеліей. Мы съ отцомъ ея станемъ такъ, что будемъ все видѣть, сами не показываясь. Изъ этого свиданія мы постараемся замѣтить и разгадать: тоска-ли отъ любви причиной его скорби, или его мучить что нибудь другое.

Королева. Ухожу, если вы этого требуете. — Что касается васъ, Офелія, я бы только и желала, чтобы ваша красота была счастливымъ основаніемъ странностей Гамлета: въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что ваши добродѣтели подѣйствуютъ на него благотворно и возвратятъ ему расудокъ, къ чести васъ обоихъ.

Офелія. Я этого желаю, Ваше Величество. *(королева уходитъ.)*

Полоній. Прохаживайся здѣсь, Офелія! Государь, займемъ наши мѣста! — *(къ Офеліи)* Читай, это будетъ благовиднымъ предлогомъ твоего уединенія. — Въ этомъ

отношеніи часто и мы сами не безъ грѣха — много человѣкъ испытываетъ въ жизни — набожнымъ лицомъ и мнимо благочестивыми дѣлами подслащаемъ хоть самого чорта.

Король. (*въ сторону*) О, сколько въ этомъ правды! Какимъ острымъ бичемъ слова эти падаютъ мнѣ на совѣсть! Лице развратницы, подкрашенное искусствомъ, не столько возбуждаетъ отвращенія своими румянами, какъ мои дѣла, прикрытыя красными словами. О, тяжкое бремя мое!

Полоній. Я слышу, онъ идетъ: спрячемся!

(*Король и Полоній становятся за ковромъ*).

Гамлетъ входитъ.

Гамлетъ. Быть, или не быть — вотъ въ чемъ вопросъ здѣсь: благороднѣе-ли переносить въ душѣ всѣ ужасы разъяренной судьбы, или, поднявъ оружіе противу моря золь, погибнуть въ неравномъ бою. Умереть — уснуть — и только! — и знать, что въ этомъ снѣ будетъ конецъ всѣмъ мученіямъ сердца и тысячамъ невзгодъ, доставшихся въ удѣлъ нашей жизни — это и есть единственное и страстное желаніе нашего духа. Умереть — уснуть — уснуть! Можетъ быть погрузиться только въ мечты! — Да, но въ томъ то и дѣло: какія будутъ тѣ мечты за гробомъ, когда мы бросимъ смертное наше тѣло? Вотъ что останавливаетъ насъ и служитъ основаніемъ тому, что наши бѣдствія переживаютъ цѣлыя столѣтія! Въ противномъ случаѣ: кто-бы снесъ насмѣшку и бичъ время, гнетъ сильнаго, обиды гордаго, муки отвергнутой съ презрѣніемъ любви, попираніе законовъ, высокоуміе должностныхъ чиновъ и позоръ, которому подвергаются смиренныя заслуги передъ ничтожествомъ, если-бы каждый, по собственному желанію, могъ достигнуть покоя, съ помощью какойнибудь булавки? Кто-бы стоналъ и трудился въ потъ лица, кто гнулъ-бы шею подъ бременемъ земныхъ невзгодъ? Но страхъ чего-то, что будетъ послѣ смерти — въ той неизвѣданной странѣ, откуда путники никогда не возвращаются — приводитъ волю въ такое ужасное смятеніе, что мы охотнѣе переносимъ неизбѣжныя бѣдствія наши, чѣмъ рѣшаемся летѣть къ другимъ, еще неизвѣданнымъ страданіямъ. Вотъ почему совѣсть дѣлаетъ всѣхъ насъ трусами; эта роковая мысль отравляетъ врожденное намъ чувство отваги; и подвиги наши, какъ-бы ни были полны энергіи и силы, сбитые съ пути идеей этой, теряютъ даже самое названіе подвиговъ. — Тише! Прелестная Офелія. (*къ Офеліи*). Нимфа, помяни въ своихъ молитвахъ и мои грѣхи!

Офелія. Какъ поживаете, принцъ, съ тѣхъ поръ, какъ я васъ такъ давно не видѣла?

Гамлетъ. Всеподданнѣйше благодарю: хорошо.

Офелія. Мой принцъ, у меня есть вещи, данныя мнѣ вами на память, я давно собираюсь возвратитъ ихъ вамъ; возьмите ихъ, пожалуйста, теперь!

Гамлетъ. Нѣтъ, никогда; я никогда ничего не давалъ вамъ.

Офелія. Дорогой принцъ, вы знаете хорошо, что дарили, и при этомъ слова ваши были такъ сладки и душисты, что далеко увеличивали цѣнность вещей. Но аромат исчезъ — возьмите ихъ назадъ: для благородной души, подарокъ теряетъ всякое значеніе, когда потеряно сердце дающаго. Вотъ они, принцъ!

Гамлетъ. Ха, ха, ха! Скажите: вы добродѣтельны?

Офелія. Милостивый Государь?

Гамлетъ. Красавица-ли вы?

Офелія. Что вы хотите этимъ сказать, Ваше Высочество?

Гамлетъ. То, что если вы добродѣтельны и красивы, добродѣтель ваша не должна имѣть никакого сношенія съ красотой.

Офелія. Мой принцъ, можетъ-ли красота имѣть лучшаго друга, какъ добродѣтель?

Гамлетъ. Безъ сомнѣнія: потому что сила красоты скорѣе передѣляетъ добродѣтель въ распутство, нежели сила добродѣтели сдѣлаетъ красоту себѣ подобной. Прежде это было невысказуемо, а теперь время доказало, что это можетъ быть. Я любилъ тебя когда-то.

Офелія. Дѣйствительно, мой принцъ, вы старались увѣрить меня въ этомъ.

Гамлетъ. Ты не должна была мнѣ вѣрить: потому что добродѣтель не можетъ привиться къ нашему испорченному поколѣнью такъ, чтобы не оставалось въ немъ гнилаго вкуса. Я не любилъ тебя.

Офелія. Тѣмъ хуже я была обманута.

Гамлетъ. Ступай въ монастырь! Зачѣмъ хотѣла-бы ты родить грѣшниковъ для свѣта? Я самъ могъ-бы назвать себя достаточно добродѣтельнымъ; но я могу обвинить себя въ такихъ вещахъ, что лучше-бы не родила меня мать моя. Я слишкомъ гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, къ моимъ услугамъ столько преступленій, что у меня нѣтъ столько ума, что-бы ихъ придумать; нѣтъ столько воображенія, чтобы облечь ихъ въ формы; нѣтъ столько времени, чтобы привести ихъ въ исполненіе. И для чего-бы такимъ молодцамъ, какъ я, пресмыкаться между небомъ и землей? Мы отъявленные негодяи, всѣ: никому изъ насъ не вѣрь! Иди прямо въ монастырь! Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ.

Гамлетъ. Затвори двери за нимъ на замокъ, чтобы онъ нигдѣ, кромѣ дома, не разыгрывалъ роль дурака. Прощай!

Офелія. Спаси его, милосердное небо!

Гамлетъ. Если ты выйдешь замужъ, я даю тебѣ такое проклятіе въ приданное: будь непорочна, какъ ледъ, чиста, какъ снѣгъ, ты не уйдешь отъ клеветы. Иди въ монастырь! Прощай! Но если ты непременно хочешь замужъ, бери дурака, потому что люди умные знаютъ слишкомъ хорошо, въ какія чудовища вы передѣлываете ихъ. Иди въ монастырь! и то скоро. Прощай!

Офелія. Силы небесныя, исцѣлите его!

Гамлетъ. Я знаю тоже хорошо ваши продѣлки съ румянами. Богъ вамъ далъ одно лице, а вы себѣ дѣлаете другое; вы ломаетесь въ танцахъ, сѣмените ногами, нарочно шепелявите, созданіямъ Божиимъ даете позорныя названія и притворяетесь, по глупости, дурачками, ничего не понимающими. Пойдите вы! Ни слова объ этомъ! оно свело меня съ ума. Я говорю, мы знать ничего не хотимъ о бракѣ: кто женатъ уже, всѣ, кромѣ одного, должны жить; прочіе должны остаться, какъ теперь, иди въ монастырь! (*уходитъ*).

Офелія. О, какой благородный дух разрушенъ! Глаза — настоящаго царедворца, языкъ — ученаго, рука — героя, надежда и краса государства, зеркало нравственной чистоты, образецъ воспитанія, предметъ, достойный вниманія философа: все, все погибло! И я, самая несчастная и жалкая изъ женщинъ, вкусившая сладость клятвъ его, я вижу, какъ его благородный высоковластительный умъ дико звучитъ теперь, какъ разбитые колокола; этотъ чудный образъ, черты цвѣтущей юности, уничтожены безуміемъ: горе мнѣ, горе! что я видѣла когда-то и что вижу я теперь!

Король и Полоній *входятъ снова.*

Король. Отъ любви? Нѣтъ, не туда онъ смотритъ; и то, что онъ говорилъ, хотя немного дико, но не похоже на безуміе. У него что-то на душѣ лежитъ, въ чемъ меланхолія его находитъ пищу; и, какъ я опасаюсь, оно можетъ разразиться очень опасно. Чтобы предупредить это, я на первыхъ порахъ придумалъ вотъ что: онъ долженъ тотчасъ уѣхать въ Англію съ порученіемъ потребовать неуплоченную дань. Можетъ быть море, новыя страны, разнообразіе предметовъ разсѣютъ это что-то, что лежитъ у него на душѣ, надъ чѣмъ сосредоточенная голова, дѣлаетъ его столь не похожимъ на самого себя. Что вы думаете объ этомъ?

Полоній. Это принесетъ ему большую пользу, но все-таки, я думаю, начало и причина его тоски — не бывалая еще любовь. — Ну, Офелія? тебѣ не нужно говорить намъ, что принцъ сказалъ: мы все слышали. Ваше Величество, дѣлайте по вашему благоусмотрѣнію; если-же найдете возможнымъ, то позвольте пусть королева-мать послѣ театра, сама попробуетъ заставить его высказать ей причину страданія; пусть она откровенно съ нимъ переговоритъ: я хочу, если позволите, подслушать разговоръ ихъ. Если она ничего не добьется, пошлите его тогда въ Англію, или заключите куда нибудь, согласно вашему мудрому рѣшенію.

Король. Такъ и слѣдуетъ сдѣлать: безуміе высокопоставленныхъ лицъ не должно ходить безъ стражи.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ.

Гамлетъ и нѣсколько актеровъ, *не вполнѣ еще костюмированныхъ, входятъ.*

Гамлетъ. Пожалуста декламируйте, какъ я вамъ показалъ: легко и плавно; но когда вы будете драть горло, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, то я лучше согласился-бы, чтобы мои стихи прокричалъ какой нибудь уличный разнощикъ. Не рубите воздухъ безъ мѣры руками, такъ — но все дѣлайте въ мѣру. И такъ, въ потокъ, въ бурѣ и, какъ-бы сказать, въ пучинѣ вашей страсти, вы должны усвоить себѣ ту умѣренность, которая придаетъ ей мягкость. О какъ я киплю въ душѣ, когда какой нибудь ломовой, съ растрепанными волосами, парень, разрываетъ патетическія мѣста въ клочки, въ настоящія лохмотья, что-бы громомъ поражать уши партерныхъ

пискарей, не понимающихъ по большей части ничего, кромѣ какой нибудь безсмысленной нѣмой пантомимы, или крика. Я въ состояніи велѣть такого парня, за его хвастовство, поколотить; это хуже всякаго тиранства. Прошу васъ, избѣгайте этого.

1-й актеръ. Ваше Высочество, можете быть въ этомъ увѣрены.

Гамлетъ. Не будьте слишкомъ робки, имѣйте собственное мнѣніе; старайтесь, что-бы тѣло-движеніе отвѣчало слову, а слово тѣло-движенію; въ особенности при этомъ вы должны обращать вниманіе, чтобы никогда не переступить естественныхъ предѣловъ простоты и скромности. Потому что все, что поднято на ходули, противно цѣли театальной пьесы, которой назначеніе всегда было, есть и будетъ быть зеркаломъ природы: добродѣтели — показать свойственныя ей черты, позору — собственный его образъ и отразить въ себѣ картину столѣтія со всѣми формами бытовыхъ предметовъ. Когда-же будетъ все натянуто, или обрисовано слабо, то, хотя невѣжда и можетъ разсмѣяться, но для понимающаго человѣка это не выносимо, а что находить дурнымъ послѣдній, то должно имѣть больше значенія, чѣмъ крикъ всей театальной толпы. О, какъ много актеровъ, которыхъ игру я видѣлъ и которыхъ многіе высоко цѣнили и именно тогда, что-бы не сказать лишняго, когда они не имѣли ни тона, ни вида ни христіанъ, ни язычниковъ, ни вообще людей; рисовались и ревѣли такъ, что мнѣ казалось, что какой нибудь батракъ срубилъ не уключе людей, да и тѣ еще ему не удались: такъ безобразно они представляли человѣчество.

1-й актеръ. Я надѣюсь, что у насъ этого почти что нѣтъ.

Гамлетъ. О, пожалуста, совсѣмъ бросьте это! И тѣ, которые у васъ дураковъ играютъ, пусть не говорятъ болѣе того, что стоитъ въ ихъ роли: потому что между ними есть и такіе, которые, чтобы разсмѣшить толпу зрителей невѣждъ, сами смѣются, не смотря на то, что въ этотъ моментъ идетъ въ пьесѣ какой нибудь особенно-важный и серьезный пунктъ. Это ужасно гадко и доказываетъ жалкое честолюбіе, играющаго роль дурака. Ступайте и приготовьтесь! *(актеры уходятъ)*.

Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.

Гамлетъ. *(къ Полонію)* Ну что, хочетъ король видѣть пьесу?

Полоній. Да, и королева тоже, хотя-бы и сей часъ.

Гамлетъ. Прикажите актерамъ поторопиться! *(Полоній уходитъ)*, Не угодно-ли вамъ помочь имъ устроиться?

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Съ удовольствіемъ, принцъ. *(оба уходятъ)*.

Гамлетъ. *(громко)* Эй! Гораціо!

Гораціо входитъ.

Гораціо. Я здѣсь, любезный принцъ, къ вашимъ услугамъ!

Гамлетъ. Ты — именно такой дѣльный человѣкъ, Гораціо, между людьми, съ которыми я когда нибудь могъ сродниться.

Полоній. Мой дорогой принцъ —

Гамлетъ. Но, не подумай, что я хочу польстить тебѣ. Изъ за чего-бы льстить, когда у тебя нѣтъ другого капитала, кромѣ энергіи духа, который тебя и кормитъ и одѣваетъ? Бѣдняку-то изъ за чего-же льстить? Нѣтъ, пусть сладкій, какъ медъ, языкъ лижетъ пошлое богатство, пусть гнутся гибкія колѣни тамъ, гдѣ пресмыканіе приноситъ пользу имъ. Послушай! Съ тѣхъ поръ, какъ душа моя получила свободу избирать и стала различать людей, она тебя избрала. За то, что ты какъ-бы не зналъ страданія, межъ тѣмъ какъ все терпѣль; за то, что ты и добро, и зло, посылаемая судьбой, принималъ равнодушно: и благо тому у кого жаръ крови и разумъ такъ соединены, что онъ не служитъ для фортуны дудкой, издающей такіе тоны, какіе она ему укажетъ пальцемъ.. Дай мнѣ человѣка, котораго-бы страсть не дѣлала рабомъ своимъ, и я вознесу его, какъ тебя, въ глубинахъ души моей и сердца. — Но довольно уже объ этомъ. Сегодня будутъ вечеромъ играть передъ королемъ пьесу; одна сцена будетъ подходить близко къ тѣмъ обстоятельствамъ, какія я тебѣ рассказалъ о смерти моего отца. Я прошу тебя, когда будутъ играть въ этомъ самомъ мѣстѣ, устремивъ всѣ силы души твоей на дядю: если тайное преступленіе при одной изъ тирадъ не обнаружитъ себя ни чѣмъ, значитъ это былъ духъ адскій, котораго мы видѣли, и мои видѣнія такъ мрачны, какъ кованныя латы Вулкана. Зорко слѣди за нимъ, мои глаза я прикую къ его лицу и по его выраженію сравнимъ и точно взвѣсимъ наши наблюденія.

Гораціо. Хорошо, принцъ; я плачу за воровство, если онъ будетъ въ состояніи скрыть, или что нибудь ускользнетъ отъ меня за время представленія.

Гамлетъ. Идутъ уже на представленіе, я долженъ казаться равнодушнымъ. Садись на мѣсто! (*Датскій маршъ. Трубные звуки.*)

Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденштернъ

и другіе входятъ и садятся на мѣста.

Король. Какъ поживаетъ нашъ племянникъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Превосходно, мой дорогой: какъ хамелеонъ. Питаюсь воздухомъ, начиняютъ меня обѣщаніями: каплуновъ этимъ не накормишь.

Король. Я не знаю, какъ понять твой отвѣтъ, Гамлетъ; это не мои слова.

Гамлетъ. И не мои-же. (*къ Полонію*) Милостивый Государь, вы когда-то, будучи въ университетѣ, играли на театрѣ: кажется, вы сами, какъ-то говорили объ этомъ.

Полоній. Да, я игралъ, принцъ, и слылъ за хорошаго актера.

Гамлетъ. И какія роли вы играли?

Полоній. Я игралъ роль Юлія Цезаря: меня убили въ Капитоліумѣ; Брутъ убилъ меня.

Гамлетъ. Это было съ его стороны брутально убить такого капитолійскаго теленка. (*къ Розенкранцу*) Готовы уже актеры?

Розенкранцъ. Уже, принцъ, они ожидаютъ вашего приказанія.

Королева. Иди сюда, милый Гамлетъ, сядь возлѣ меня!

Гамлетъ. Нѣтъ, матушка, здѣсь есть магнитъ сильнѣе.

Полоній. (*къ королю.*) Ого, замѣчаете-ли?

Гамлетъ. Сударыня, можно-ли прилечь на вашихъ колѣнахъ. (*садится у ногъ Офеліи.*)

Офелія. Нельзя, принцъ.

Гамлетъ. Я разумѣю, приклонить только голову къ вашимъ колѣнамъ.

Офелія. Это можно, принцъ.

Гамлетъ. Не ужели-вы думаете, что у меня на умѣ какія нибудь нравоученія?

Офелія. Я ничего не думаю,

Гамлетъ. Прекрасная мысль — лежать у ногъ дѣвушки.

Офелія. Что это значитъ, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы какъ будто веселы.

Гамлетъ. Кто? я?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. Я дурачусь, какъ никто. Что можетъ сдѣлать человѣкъ болѣе пріятнаго, какъ не быть веселымъ? Вотъ посмотрите, какъ выглядить весело мать моя, а вѣдь отецъ мой умеръ, нѣтъ еще и двухъ часовъ.

Офелія. Нѣтъ, уже четыре мѣсяца, принцъ.

Гамлетъ. Такъ давно уже? Ну, такъ пускай-же чортъ ходитъ въ траурѣ: я хочу носить соболью шубу. О, небо! два мѣсяца, какъ умеръ и не забыть еще! Такимъ образомъ есть надежда, что память о великомъ человѣкѣ переживетъ его полгода. Но, клянусь нашими милыми женщинами! онъ долженъ строить церкви, иначе никто и не подумаетъ о немъ, и съ нимъ будетъ тоже, что съ конькомъ, котораго надгробная надпись гласитъ:

«Но, ахъ! но, ахъ!

Забытъ конекъ, забыть»

(Играютъ на трубахъ, вслѣдъ затѣмъ пантомима). Король и королева входятъ, нѣжно обнимаютъ другъ друга. Она становится на колѣни и дѣлаетъ тѣлодвиженія, какъ-бы клянется въ любви. Онъ поднимаетъ ее и прижимаетъ голову къ ея груди; потомъ ложится на постель, усыпанную цвѣтами, и когда она увидѣла, что онъ спитъ, оставляетъ его. Вскорѣ послѣ того входитъ нѣкто, въ родѣ бурлака, снимаетъ съ него корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ королю въ ухо ядъ и уходитъ. Королева возвращается, находитъ короля уже мертвымъ и дѣлаетъ тѣлодвиженія, выражающія ужасъ и горе. Отравитель входитъ съ двумя или тремя нѣмыми, и кажетъ видъ, что онъ будто съ нею убивается горемъ. Трупъ уносятъ. Отравитель заискиваетъ любовь королевы подарками; сначала она показываетъ видъ неудовольствія и отвращенія, кончаетъ тѣмъ, что соглашается на его любовь. Они уходятъ.

Офелія. Что это означаетъ, мой принцъ?

Гамлетъ. Это злодѣйскій шопоть; означаетъ несчастіе.

Офелія. Можетъ быть эта пантомима указываетъ на содержаніе пьесы.

Прологъ входитъ.

Гамлетъ. Мы это узнаемъ отъ этого молодца: актеры ничего не могутъ скрыть, они все разболтаютъ.

Офелія. Скажетъ-ли онъ намъ, что означаетъ эта пантомима?

Гамлетъ. Скажетъ, онъ можетъ объяснить значеніе всякаго представленія, которое вамъ угодно будетъ ему представить. Не стыдитесь только представить и онъ не будетъ стыдиться сказать вамъ, что это означаетъ.

Офелія. Какъ вы злы, какъ вы злы; я хочу слушать пьесу.

Прологъ. Для насъ и нашего представленія
Всепоподданнѣйше просимъ вашего снисхожденія.

Гамлетъ. Что это: прологъ или надпись на кольцѣ?

Офелія. Оно коротко, мой принцъ.

Гамлетъ. Какъ женская любовь.

Король и Королева входятъ.

Король. *(на театрѣ)* Тридцать разъ уже катитъ Аполлонъ на колесницѣ кругомъ земли и океана и тридцать лѣтъ уже, какъ, озаренная чужимъ лучемъ, луна вокругъ земнаго шара пляшетъ съ тѣхъ поръ, какъ любовь святая проникла въ сердца наши и Гименъ связалъ рука съ рукою насъ.

Королева. *(на театрѣ)* Пусть солнце и луна свершатъ еще столько-же круговъ, прежде чѣмъ потухнетъ любовь наша. Но, къ несчастію, вы стали такъ холодны сердцемъ, такъ далеки отъ прежняго веселія и забавъ, что вы тревожите меня ужасно; но пусть, супругъ мой, мое уныніе нисколько не огорчаетъ васъ, ибо страхъ жены идетъ рука объ руку съ ея любовью: того и другого или слишкомъ много, или вовсе нѣтъ. Какъ сильна любовь моя, я доказала вамъ; она, какъ видите, равномѣрна страху. Чуть что нибудь пугаетъ сильную любовь и открываетъ ея силу въ самомъ ничтожномъ страхѣ.

Король. *(на театрѣ)* Да, моя дорогая, я долженъ тебя оставить и то скоро: меня удручаютъ ослабѣвшія силы преклонной жизни. Ты будешь еще жить въ этомъ прекрасномъ мірѣ, любимая, въ почетѣ; и, можетъ быть, тотчасъ найдется, еще милѣе, второй супругъ —

Королева. *(на театрѣ)* Остановись, остановись! Такая любовь ничто иное, какъ измѣна. За вторымъ мужемъ я прокляла-бъ сама себя; только та, которая убила перваго, можетъ искать второго.

Гамлетъ. Это полынь.

Королева. *(на театрѣ)* То, что называютъ вѣнцомъ второго брака — не болѣе какъ низкая страсть расчета, но не любовь. Броситься въ объятія второго — значитъ подвергнуть еще разъ смерти разъ умершаго мужа.

Король. *(на театрѣ)* Я вѣрю, что вы теперь думаете такъ, какъ говорите, но часто нарушаемъ мы собственныя свои рѣшенія, Предположеніе точъ въ точъ, какъ память — въ началѣ сильное, но со временемъ скоро слабѣетъ: какъ незрѣлые плоды висятъ на деревѣ сначала крѣпко, но падаютъ легко, когда созрѣютъ. Неизбѣжно и то, что всякій легко забываетъ уплатить то, что самому себѣ онъ долженъ. Гдѣ страсть была руководительницей нашихъ желаній, исчезнуть и они, когда она сама

исчезнетъ. Сильные порывы радости и горя сами себя лишаютъ собственной силы. Горе вопіеть громко тамъ, гдѣ громко пируетъ радость, гдѣ горе исчезаетъ быстро, тамъ и радость легко впадаетъ въ уныніе. Постояннаго нѣтъ ничего на свѣтѣ: не удивительно, что съ счастіемъ проходитъ даже и любовь. Одинъ однако-же вопросъ еще не разрѣшенъ: слѣдуетъ-ли любовь за счастіемъ или счастье за любовью. Падаетъ вельможа: смотрите, любимцы убѣгаютъ отъ него; возвышается бѣднякъ — и враги дѣлаются друзьями. Любовь слѣдуетъ всегда за счастіемъ: кто не нуждается, у того вездѣ друзья, а кто въ нуждѣ обратится къ фальшивому другу, наживетъ себѣ тотчасъ врага. Но нужно кончить тѣмъ, чѣмъ я началъ: воля и судьба въ постоянной враждѣ между собою. Наши предположенія — дѣло случая; намъ принадлежитъ только мысль, но цѣли рѣдко достигаемъ. Думай, что мужъ другой не возьметъ тебя, но какъ-бы мысль твоя не умерла-бы вмѣстѣ съ первымъ.

Королева. *(на театрѣ)* Не дай, земля, мнѣ пищи! Небо — свѣта! Не дайте мнѣ, день и ночь, ни радости ни мира! Превратитесь въ отчаяніе мои утѣхи и надежды, пусть для меня открыта будетъ одна только келія затворника! Пусть всякая омрачится радость, исчезнетъ то, что больше всего люблю, пусть всюду преслѣдуетъ меня несчастье, если, оставшись разъ вдовой, когда нибудь я сдѣлаюсь женой!

Гамлетъ. Какъ-бы она вскорѣ послѣ того не измѣнила своему обѣту —

Король. *(на театрѣ)* Сильная клятва дана. Милая, оставь меня теперь; я усталъ и хочу отдохнуть, чтобы сократить сномъ время.

Королева. *(на театрѣ)* Пусть сонъ услаждаетъ тебя и скорбь никогда не будетъ съ нами! *(уходитъ.)*

Гамлетъ. *(къ матери)* Нравится-ли вамъ пьеса, королева?

Королева. Мнѣ кажется, что дама дала слишкомъ сильную клятву.

Гамлетъ. Да, но она сдержитъ слово!

Король. *(къ Гамлету)* Вы слышали содержаніе пьесы? Нѣтъ-ли въ ней чего нибудь раздражительнаго?

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ; они шутятъ, отравляютъ для шутки, малѣйшей раздражительности.

Король. Какъ вы называете пьесу?

Гамлетъ. Мышеловка. Почему такъ названа? Въ переносномъ смыслѣ. Пьеса представляетъ убійство, совершенное въ Фіеннѣ. Герцога зовутъ Гонзаго, его супругу Баптиста; вы тотчасъ увидите, въ чемъ состоитъ эта мошенническая продѣлка. Что это мѣшаетъ кому? Вашего Величества и насъ, имѣющихъ чистую совѣсть, это не касается. Покрытый струпами пусть чешется, у насъ съ вами кожа здорова.

Луціанъ входитъ.

Гамлетъ. Это извѣстный Луціанъ, племянникъ короля.

Офелія. *(къ Гамлету)* Вы принимаете на себя обязанность хора, принцъ.

Гамлетъ. О я желалъ-бы быть переводчикомъ между вами и вашимъ милымъ, если-бы видѣлъ, что вы играете роль танцующихъ куколъ!

Офелія. Вы колки, принцъ, вы колки.

Гамлетъ. Стонать пришлось-бы много вамъ, пока-бы вы притупили мое жало.

Офелія. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и ядовитѣе!

Гамлетъ. Такъ выбирайте сами себѣ людей по своему вкусу, *(къ Луціану)*
Начинай, убійца! Брось проклятыя свои гримасы и начинай! Карканіе ворона реветъ о мщеніи —

Луціанъ. Адскій замысль, сильный ядъ, руки готовы, время удобно, нѣтъ кругомъ ни души. Ты подлое питье изъ полуночныхъ травъ, орошенное троекратнымъ проклятіемъ Гекаты! Пусть чары и жестокая сила твоя бросятся въ эту минуту на здоровое тѣло!

(вливаетъ ядъ въ ухо спящаго)

Гамлетъ. Онъ отравляетъ его въ саду, чтобы завладѣть царствомъ. Имя его Гонзаго; на лице происшествіе и написано превосходнымъ италіанскимъ языкомъ. Вы тотчасъ увидите, какъ убійца овладѣетъ любовью супруги Гонзаго.

Офелія. *(къ Гамлету)* Король встаетъ.

Гамлетъ. Не ужели? Развѣ онъ испугался фальшивой тревоги на пожаръ?

Королева. *(къ Королю)* Что такое съ моимъ супругомъ?

Полоній. *(къ Гамлету)* Прикажите кончить пьесу!

Король. Дайте огня! Прочь отсюда!

Полоній. Свѣчей, свѣчей, свѣчей!

(Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо.)

Гамлетъ. Пусть здоровый скачетъ и смѣется,
А раненый истекаетъ кровью;
Одинъ заснулъ, другой не спитъ —
Вотъ какъ на свѣтѣ все ведется.

Развѣ талантъ играть и лѣсъ султановъ на шляпѣ, *(если древнія права моего владѣнія будутъ разбиты)* при этомъ пара пушистыхъ розъ на моихъ высокихъ сапогахъ не доставятъ мнѣ мѣста въ трупѣ актеровъ?

Гораціо. Конечно, но на половинномъ содержаніи.

Гамлетъ. Нѣтъ, на полномъ, такъ какъ
Тебѣ извѣстно, мой Дамонъ,
Отнявъ Юпитера престолъ,
Вступилъ теперь на царскій тронъ
Всесовершеннѣйшій — сатиръ.

Гораціо. Вы могли-бы легко подыскать риѳму.

Гамлетъ. О, дорогой Гораціо, на тысячи бьюсь объ закладъ за слова духа.
Замѣтилъ ты?

Гораціо. Отлично, принцъ.

Гамлетъ. Во время рѣчи объ отравленіи?

Гораціо. Я за нимъ пристально смотрѣлъ.

Гамлетъ. Ха, ха, ха! — Музыку сюда! Пусть прійдутъ съ флейтами! — Если король не дослушалъ пьесы, что-же дѣлать! можетъ быть — она ему пришлась не по вкусу.

Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.

Гамлетъ. Музыку сюда!

Гильденштернь. Принцъ, позвольте доложить вамъ нѣсколько словъ.

Гамлетъ. Хотя цѣлую исторію, милостивый государь.

Гильденштернь. Король —

Гамлетъ. Ну, что такое съ нимъ?

Гильденштернь. Онъ удалился въ свои комнаты и чувствуетъ себя совсѣмъ плохо.

Гамлетъ. Отъ пьянства, милостивый государь?

Гильденштернь. Нѣтъ, отъ разлива желчи, принцъ.

Гамлетъ. Вы бы должны имѣть болѣе здраваго смысла и объявить объ этомъ врачу, потому что если я придумаю ему слабительное, у него отъ этого еще болѣе разольется желчь

Гильденштернь. Принцъ, поудержитесь пожалуста какъ нибудь въ словахъ и не посмотрите слишкомъ дико на мое порученіе.

Гамлетъ. Я кротокъ, милостивый государь, говорите!

Гильденштернь. Королева, ваша мать, будучи ужасно огорчена, прислала меня къ вамъ.

Гамлетъ. Я радъ васъ видѣть.

Гильденштернь. Нѣтъ, добрѣйшій принцъ, это только притворная вѣжливость. Угодно будетъ вамъ дать мнѣ разумный отвѣтъ, въ такомъ случаѣ я исполню порученіе вашей матушки; если-же нѣтъ, такъ извините, я уйду и дѣлу конецъ.

Гамлетъ. Милостивый государь, я не могу.

Гильденштернь. Что, принцъ?

Гамлетъ. Дать вамъ разумный отвѣтъ. Мой умъ больной. Но, милостивый государь, такой отвѣтъ, какой я могу дать — къ вашимъ услугамъ; или лучше сказать, какъ вы говорите, къ услугамъ моей матушки; но объ этомъ довольно, и такъ, къ дѣлу. Моя мать, говорите вы —

Розенкранцъ. Она говоритъ вотъ что: ваше поведеніе привело ее въ ужась и въ изумленіе.

Гамлетъ. О, какой удивительный сынъ, который можетъ привести въ такое изумленіе свою мать! Не слѣдуетъ-ли чего за этимъ изумленіемъ матери? Говорите!

Розенкранцъ. Она желаетъ поговорить съ вами у себя въ кабинетъ прежде, чѣмъ вы уйдете спать.

Гамлетъ. Мы повинуемся и хотя-бы она была 10 разъ нашею матерью. Есть-ли у васъ еще ко мнѣ какое дѣло?

Розенкранцъ. Принцъ, вы когда-то меня любили —

Гамлетъ. Я и теперъ это дѣлаю, ссылаюсь на эти вотъ двое воровскихъ клещей!

Розенкранцъ. Любезнѣйшій принцъ, что за причина вашей болѣзни? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы сами себя лишаете свободы, если скрываете передъ своимъ другомъ вашу тоску.

Гамлетъ. Милостивый государь, у меня нѣтъ въ виду никакихъ повышеній .

Розенкранцъ. Какъ это можетъ быть, когда вы имѣете голосъ самого короля быть наслѣдникомъ престола королевства Даніи?

Гамлетъ. Да, милостивый государь, но «покуда травка растеть» — говоритъ пословица не много устарѣвшая. *(актеры входятъ съ флейтами)* А, флейты! Дайте мнѣ одну. — Я хочу спросить васъ на единѣ: *(отводитъ Гильденштерна на сторону.)* зачѣмъ кругомъ меня вы ходите, слѣдите за мной, какъ за звѣремъ, какъ будто-бы хотите заманить меня въ сѣти?

Гильденштернъ. О, принцъ, насколько моя преданность слишкомъ смѣла, настолько моя любовь не лицемѣрна.

Гамлетъ. Этого я хорошо не понимаю. Не угодно-ли вамъ сыграть на флейтѣ?

Гильденштернъ. Принцъ, я не могу.

Гамлетъ. Я васъ прошу.

Гильденштернъ. Повѣрьте, что не могу.

Гамлетъ. Я покорнѣйше васъ прошу.

Гильденштернъ. Я не понимаю, какъ взяться даже за нее, принцъ.

Гамлетъ. Это такъ легко, какъ говорить ложь. Положите пальцы на клапаны и отверстія, подуйте ртомъ въ флейту и она будетъ превосходно играть. Смотрите, вотъ какъ надо брать акорды.

Гильденштернъ. Но это не въ моихъ силахъ вызвать какую-бы то ни было гармонію; я не владѣю этимъ искусствомъ.

Гамлетъ. Теперь, слушайте, какое ничтожное твореніе вы хотите съ меня сдѣлать? Вы хотите на мнѣ играть; вамъ кажется, что вы владѣете ключемъ отъ моихъ акордовъ; вы хотите проникнуть въ сердце моей тайны, вы хотите меня испробовать отъ самой низкой до самой высокой ноты: и въ этомъ, вотъ здѣсь, маленькомъ инструментѣ есть много музыки, превосходный тонъ, однако-же вы не умѣете заставить его заговорить. Чортъ возьми! не думаете ли вы, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Зовите меня какимъ хотите инструментомъ; вы можете, пожалуй, меня разстроить, но играть на мнѣ — никогда!

Полоній *входитъ.*

Гамлетъ. *(къ Полонію)* Здравствуйте, милостивый государь!

Полоній. Ваше Высочество, королева желаетъ говорить съ вами и при томъ немедленно.

Гамлетъ. Видите вы вотъ тамъ облако, на видъ, чуть не верблюдь.

Полоній. Ей Богу, оно выглядываетъ совершенно, какъ верблюдь.

Гамлетъ. Мнѣ кажется, что оно похоже на хорька.

Полоній. У него спина, какъ у хорька.

Гамлетъ. Или какъ у кита?

Полоній. Совершенный китъ.

Гамлетъ. И такъ, я хочу отправиться къ моей матери, сію минуту *(въ сторону)* Они дурачатъ меня до того, что мое терпѣніе чуть не лопнетъ. *(громко)* Сію минуту прійду.

Полоній. Я иду сказать ей объ этомъ. *(уходитъ.)*

Гамлетъ. Легко сказать сію минуту. — Оставьте меня, друзья!

Розенкранцъ, Гильденштернъ, Гораціо и прочіе уходятъ.

Насталъ часъ ночи, когда домовые бродягъ, когда раскрываются могилы и самый адъ пышетъ въ мѣръ заразой. Теперь напился-бъ я горячей крови и совершилъ бы жестокия дѣла, на которыя съ ужасомъ взглянулъ-бы день. Тише! Пора къ матери. О сердце! не забудь, ты, созданныхъ природой чувствъ! Пусть никогда душа Нерона не поселится въ эту мощную грудь! Пусть буду я жестокъ, но не чудовище; буду только говорить о кинжалахъ, но не употреблю ихъ въ дѣло. На этотъ разъ будьте лицомърами, языкъ и, ты, мой духъ: какъ ни жестоко я буду укорять ее, но дѣломъ заклеимъ слова мои не смѣй, душа! (*уходитъ*)

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король. Я больше терпѣть не могу, мы сами даже не безопасны, если его безуміе бродитъ на свободѣ. По этому будьте готовы: я прикажу немедленно изготвить грамоты и онъ долженъ слѣдовать съ вами въ Англію! Долгъ нашего сана не дозволяетъ, что-бы мы возлѣ насъ терпѣли опасность, которою грозитъ ежеминутно его безуміе.

Гильденштернъ. Мы приготовимся. Это весьма благонамѣренный и священный страхъ, который воодушевляетъ и наполняетъ Ваше Величество, для того, чтобы сохранить души многихъ, многихъ людей,

Розенкранцъ. Отдѣльное, частное лицо и оно всѣми силами и орудіями ума: должно защищать себя отъ гибели; тѣмъ болѣе духъ, отъ спасенія котораго зависить и покоится жизнь многихъ людей. Величество монарха не умираетъ одно; оно, какъ водоворотъ, увлекаетъ за собой все, что вблизи стоитъ. Это могучее колесо, укрѣпленное на самой высокой вершинѣ горы, на колоссальныхъ спицахъ котораго прибиты и прикованы тысячи предметовъ: если оно падаетъ, то съ этимъ громаднымъ паденіемъ разрушается все, что окружаетъ его. Никто изъ королей не горевалъ когда нибудь одинъ, безъ общаго несчастія.

Король. Прошу васъ, снаряжайтесь немедленно въ дорогу! Мы должны надѣть оковы на этотъ страхъ, который разгуливаетъ теперь слишкомъ свободно.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы поспѣшимъ на сколько возможно. (*уходятъ*).

Полоній *входитъ*.

Полоній. Государь, онъ идетъ въ покои своей матери. Я хочу стать за ковромъ, чтобы все подслушать; будьте увѣрены, она его хорошенько побранитъ, и, какъ вы сказали — что сказано было очень умно — непременно нужно, чтобы посторонній свидѣтель, кромѣ матери, которая по природѣ пристрастна, подслушалъ-бы тайно ихъ разговоръ. Прощайте, государь! Прежде чѣмъ спать пойдете, я явлюсь и доложу Вамъ, что узнаю.

Король. Спасибо тебѣ, любезный Полоній! (*Полоній уходитъ*). О, дѣло мое гнилое, смрадъ его достигаетъ неба, оно носитъ на себѣ первое и старѣйшее проклятіе: убійство брата! — Молиться не могу, хотя духъ и воля одинаково влекутъ меня къ тому: преступленіе сильнѣйшее побѣждаетъ намѣреніе едва сильное и, какъ человѣкъ, которому предстоитъ два дѣла, стою въ недоумѣніи съ чего начать и бросаю оба. Какъ? если эта рука и всецѣло облита кровью брата: не ужели нѣтъ столько дождя въ милосердномъ небѣ, чтобы обмыть ее и сдѣлать бѣлою, какъ снѣгъ? Къ чему-же милосердіе, если грѣхъ будетъ вѣчно стоять передъ глазами? Но можетъ быть молитва имѣетъ двойную силу: предупредить паденіе и испросить для павшаго прощеніе? Такъ и быть, подниму глаза на небо: преступленіе мое совершено. Но, увы, какой-же родъ молитвы возможенъ для меня? Прости мнѣ подлое убійство? Но это не возможно; за мной осталось все, что увлекло меня къ убійству: за мной корона, за мной самодержавіе, за мной и королева. Можетъ-ли быть помилованъ тотъ, кто владѣетъ наградой, купленной цѣною преступленія? Въ испорченномъ теченіи дѣлъ этого міра позолоченная рука злодѣйства еще можетъ попирать законы, и цѣною злодѣянія часто подкупаютъ судъ. Но тамъ, на высотѣ, не такъ! Тамъ нѣтъ обмана, туда являются поступки наши въ ихъ настоящемъ видѣ и мы должны свидѣтельствовать сами о собственныхъ нашихъ преступленіяхъ. И такъ, что остается? Посмотрѣть, что можетъ сдѣлать покаяніе. Что невозможно для него? Но, если чувства покаянія нѣтъ, что оно поможетъ? О, горе мнѣ! О, перси, черные какъ смерть! Пойманная душа, вырываясь на свободу, путается все болѣе и болѣе. — Попробую, съ помощью ангеловъ небесныхъ! Гнитесь, вы, оцѣпнѣлыя колѣни! Сердце, заваленное въ грѣхахъ, размягчись, какъ жилы новорожденного младенца! Быть можетъ, все пойдетъ къ добру.

(Отходитъ и становится на колѣни.)

Гамлетъ *входитъ*.

Гамлетъ. Теперь удобная минута; онъ молится, теперь рѣшить — и онъ идетъ на небо. Но будетъ-ли это мщеніе? Злодѣй убиваетъ моего отца и за то я, единственный сынъ его, отправляю того же самага злодѣя на небо. Ахъ, да это была-бы награда, но никакъ не месть. Онъ умертвилъ моего отца во время роскошной жизни, обремененнаго яствами и тяжкими грѣхами бурной юности. Будетъ-ли онъ оправданъ, небеса объ этомъ знаютъ; но, по нашему соображенію и предчувствію, горе его тяжело. И отомщу-ли, если схвачу его въ минуты покаянія, приготовленнаго къ переходу въ загробную жизнь? Нѣтъ! На мѣсто, мечъ! Ты будешь обнаженъ, какъ настоящая гроза! Когда онъ будетъ пьянъ, во снѣ, въ бѣшенствѣ, среди утѣхъ кровосмѣсительнаго ложа, среди игры, проклятій, иль за дѣломъ, въ которомъ нѣтъ слѣдовъ къ спасенію: тогда руби его, пусть онъ стремглавъ летитъ пятами къ небу и пусть душа его будетъ такъ черна и такъ проклята, какъ самый адъ, куда она стремится. Мать ждетъ меня: это только небольшая отсрочка жалкихъ дней твоихъ.

(уходитъ.)

Король *встаетъ и выступаетъ впередъ*.

Король. Слова стремятся въ верхъ, а сердце безъ всякаго движенія: однимъ словамъ безъ сердца — не достигнуть неба. (*уходитъ*)

СЦЕНА IV.

Комната королевы.

Королева и Полоній входятъ.

Полоній. Онъ тотчасъ прійдетъ: будьте съ нимъ построже, скажите ему, что его поступки слишкомъ дики, что терпѣть ихъ болѣе нѣтъ возможности, и что только Величество Ваше защитило и стало между нимъ и бѣшенствомъ оскорбленнаго царя. Я спрячусь здѣсь. Пожалуста, королева не щадите его!

Гамлетъ. (*за сценой*) Матушка, матушка, матушка!

Королева. (*къ Полонію*) Вы можете быть въ этомъ увѣрены. Обо мнѣ не беспокойтесь. Уходите: я слышу, онъ идетъ. (*Полоній прячется.*)

Гамлетъ входитъ.

Гамлетъ. Ну, матушка, скажите, что слышно?

Королева. Гамлетъ, ты оскорбилъ отца.

Гамлетъ, Матушка, вы оскорбили моего отца.

Королева. Что такое, что такое! Ты говоришь оскорбительно.

Гамлетъ. Пойдите вы, пойдите! Вы спрашиваете колко.

Королева. Что это значить, Гамлетъ?

Гамлетъ. Ну, что-же тутъ такого?

Королева. Развѣ ты меня совсѣмъ забылъ?

Гамлетъ. Нѣтъ, клянусь распятіемъ! Вы, королева, жена брата вашего мужа и — о если-бы это было не такъ! — вы мать моя.

Королева. Хорошо-же, пусть тебя другіе образумятъ. (*Она хочетъ уйти.*)

Гамлетъ. Пожалуйте сюда, не угодно-ли вамъ сѣсть; не троньтесь съ мѣста, не уходите до тѣхъ поръ, пока я не покажу вамъ зеркало, въ которомъ вы увидите сокровенную тайну души своей.

Королева. Что ты хочешь дѣлать? Не хочешь-ли ты убить меня? (*вскрикивая*) Ахъ, помогите, помогите!

Полоній. (*за коврамъ*) Помогите, сюда, сюда!

Гамлетъ. Какъ? что? крыса? (*вынимаетъ шпагу*) Мертвецъ! Держу пари червонецъ, что мертвъ!

(*наноситъ ударъ сквозь коверъ*)

Полоній. (*за ковромъ*) О, я убить. (*падаетъ и умираетъ.*)

Королева. О, несчастная я, что ты сдѣлалъ?

Гамлетъ. По истинѣ, я ничего не знаю: не король-ли?

(*тащитъ Полонія изъ за ковра.*)

Королева. О, какое неожиданное кровавое это дѣло!

Гамлетъ. Да, любезная матушка, кровавое дѣло, почти такое подлое, какъ убить короля и вступить въ бракъ съ братомъ его.

Королева. Какъ убить короля?

Гамлетъ. Да, такъ я сказалъ. (*къ Полонію*) Ты жалкій, слишкомъ остроумный шутъ, счастливой тебѣ дороги! Я принялъ тебя за лице гораздо большаго значенія: мирись съ твоей судьбой. Ты видишь, какъ опасно суетиться слишкомъ много. (*къ матери*) Не ломайте рукъ такъ! Тише! садитесь, позвольте только сокрушить сердце ваше, мнѣ больше ничего не нужно, если еще не совсѣмъ очерствѣло оно отъ проклятой привычки и доступъ къ нему не загражденъ еще разсудку.

Королева. Что сдѣлала я такое, что ты противъ меня такъ разъярился?

Гамлетъ. Такое дѣло, которое оскверняетъ всякое достоинство нравственности, превращаетъ въ лицемѣріе добродѣтель, срываетъ розу изъ прелестнаго чела цѣломудренной любви и на мѣсто розы прикалываетъ вередъ; дѣлаетъ объѣтъ супружества фальшивымъ. какъ клятва игрока; о, такое дѣло, которое лишаетъ бракъ его внутренней души и чистую религію сводитъ на фразу однихъ только пышныхъ словъ. Небесный ликъ пылаетъ, да, твердь небесная съ скорбящимъ взоромъ стоитъ какъ будто передъ днемъ страшнаго суда; и думаетъ, унылая, объ этомъ дѣлѣ.

Королева. О горе мнѣ! Какое-же это дѣло реветъ и гремитъ на весь свѣтъ?

Гамлетъ. Посмотрите сюда на этотъ образъ и на тотъ — портреты двухъ братьевъ, снятые съ натуры. Взгляните, что за прелесть покоится на этомъ смугломъ лицѣ! Кудри Аполлона, высокое чело Юпитера, глазъ Марса, грозный и повелительный; осанка посланника боговъ, какъ будто-бы только что слетѣвшаго на высоты заоблачныхъ хребтовъ; точно какъ будто-бы каждый изъ боговъ на этотъ образъ наложилъ печать своихъ даровъ, чтобъ міру показать первообразъ мужа: это былъ вашъ супругъ. — Посмотрите теперь сюда, что будетъ: здѣсь вашъ супругъ, какъ ядовитый колосъ, убійственный для родного брата. Есть-ли у васъ глаза? Для чего оставили вы прекрасную горную поляну и насыщаетесь болотной лужей? Да, есть-ли у васъ глаза? Не называйте этого любовью! Потому что въ лѣтахъ вашихъ волненіе крови уже остыло; она медленно течетъ и повинуется разсудку: какой-же умъ могъ перейти отъ этого къ тому? Умъ навѣрно есть у васъ, иначе вы не могли-бы имѣть никакого стремленія: но умъ вашъ безъ сомнѣнія оглушенъ ударомъ, потому что и сумасшедшій въ этомъ случаѣ не могъ бы ошибиться; никогда еще безуміе не поработало такъ ума, чтобы онъ могъ сдѣлать подобный выборъ между двумя столь огромными разницами. Какой-же демонъ ослѣпилъ васъ такъ въ этой игрѣ въ жмурки? Зрѣніе безъ чувства, чувство безъ зрѣнія, ухо безъ руки и глаза, обоняніе безъ всего, малѣйшая даже частица здраваго смысла, не могла-бы промахнуться такъ жестоко. Стыдъ, гдѣ-же твой румянецъ? Лукавый адъ, если ты можешь такъ пылать въ матроны тѣлѣ, то цѣломудріе горячей юности — только воскъ, который таетъ въ собственномъ огнѣ. Что взывать къ стыду, когда горячая кровь кипитъ: здѣсь, съ такой-же силой, чуть не морозъ горитъ и разумъ самъ сталъ сводней воли.

Королева. О, Гамлетъ, не говори болѣе! Ты обращаешь глаза мои прямо въ душу, гдѣ вижу я пятна, окрашенные толстой черной краской, которыхъ ничто не смоетъ,

Гамлетъ. Не говорить болѣе, а жить въ поту и въ испареніяхъ отвратительнаго ложа, согрѣтаго грѣхомъ; ласкаясь и цѣлуясь въ гнѣздѣ разврата —

Королева. О, неговори уже! Слова эти для ушей моихъ — кинжалы. Довольно, милый Гамлетъ!

Гамлетъ. Убійца и злодѣй; подлый рабъ, не стоящій и сотою доли того, кто былъ мужемъ вашимъ; паяцъ-король, мошенникъ, похитившій и власть и царство, сорвавшій съ пьедестала богатую корону, которую онъ въ карманѣ спряталъ —

Королева. Остановись!

Духъ входитъ безъ панциря.

Гамлетъ. Заплатанный король надъ сволочью!

(увидя Духа).

Защитите и осѣните меня крыльями, сонмы духовъ небесныхъ! — Чего ты хочешь достойный образъ?

Королева. О горе мое, онъ съ ума сошелъ.

Гамлетъ. Не приходишь-ли ты бранить своего лѣнивца сына, который теряетъ безплодно время и силы къ приведенію въ исполненіе твоего страшнаго завѣта? Скажи!

Духъ. Не забывай! Это посѣщеніе должно только усилить, быть можетъ, уже притупѣвшій замысль. Но, взгляни! Ужасъ овладѣлъ твоею матерью; стань между ею и борьбой души ея; въ существахъ слабыхъ воображеніе дѣйствуетъ весьма сильно: заговори къ ней, Гамлетъ!

Гамлетъ. Что съ вами, матушка?

Королева. Ахъ, но что-же съ тобой такое, что ты впился глазами въ пустое пространство и разговариваешь съ безплотнымъ воздухомъ? Изъ глазъ твоихъ искрятся молніи, и, какъ спящія войска во время тревоги, встаютъ дыбомъ волосы твои, какъ будто-бы живые, — О, милое дитя мое, освѣжи прохладною терпѣнія жаръ и пламя твоего страданія! Куда ты смотришь?

Гамлетъ. *(къ матери)* На него! на него! Не видите-ли, какъ онъ блѣдный, пристально глядитъ? Его взоръ, его судьбу поняли-бы камни *(къ Духу)*. Не гляди на меня, чтобы твой плачевный видъ не смягчилъ-бы мое грозное призваніе, и, вмѣсто крови, не полились-бы только слезы.

Королева. Къ кому-же ты говоришь это?

Гамлетъ. Развѣ вы не видите тамъ ничего?

Королева. Ровно ничего; хотя я вижу все, что тамъ.

Гамлетъ. И ничего не слышите?

Королева. Ни слова, кромѣ насъ.

Гамлетъ. Вотъ, посмотрите туда! Посмотрите, онъ медленно уходитъ. какъ-бы украдкой! Мой отецъ въ одеждѣ, какъ разъ таковъ, какъ былъ при жизни; смотрите: какъ онъ въ этотъ моментъ уходитъ въ дверь!

(Духъ уходитъ).

Королева. Это только порожденіе твоего мозга; помраченіе ума создаетъ очень живо безплотныя явленія.

Гамлета. Помраченіе ума? Мой пульсъ также правильно бьется и разигрываетъ такую-же здоровую мелодію, какъ и вашъ. Нѣтъ никакого безумія въ томъ, что я сказалъ. Если хотите, я повторю вамъ все дѣло слово въ слово и отъ него даже безуміе далеко отскочитъ. Матушка, ради вашего спасенія! Не обольщайте души своей бальзамомъ лести: что будто-бы только мое безуміе говоритъ, а не преступления ваши; онъ на время смягчитъ больное мѣсто, межъ тѣмъ, зарытая въ тайнѣ болѣзнь, загорится внутри. Исповѣдайтесь Богу, покайтесь въ содѣянномъ и избѣгайте зла въ будущемъ; не унаваживайте, вы, сорную траву, что-бы она росла сильнѣе! Простите мнѣ мою добродѣтель; потому что въ наше испорченное и удушливое время сама добродѣтель должна умолять о прощеніи пороковъ, болѣе того, пресмыкаться передъ нимъ, что-бы онъ позволилъ только ей сдѣлать ему добро.

Королева. О, Гамлетъ! Ты раздираешь сердце мнѣ.

Гамлетъ. О, отбросьте его испорченную половину, а съ другой живите чище. Спокойной ночи! Но избѣгайте ложа дяди и обратитесь наконецъ на путь добродѣтели, которой нѣтъ у васъ. Привычка-дьяволъ, притупляющая чувство къ грѣху, въ этомъ случаѣ будетъ ангеломъ хранителемъ: она одѣваетъ подвизаніе въ добродѣтельныхъ дѣлахъ въ такія прекрасныя одежды и мантии, которыя носить легко. Будьте теперь воздержны, это облегчитъ путь къ дальнѣйшему воздержанію; послѣ будетъ совсѣмъ легко: постоянная борьба противу страстей можетъ смыть даже клеймо природы; она укрощаетъ сатану и съ удивительной силой даже изгоняетъ его. Еще разъ, спокойной ночи! Вашего благословенія прошу, если вы сами рѣшились наконецъ стремиться къ благодати. (*указывая на трупу Полонія*). Мнѣ жаль этого господина: Небу угодно было, чтобы я былъ имъ, а онъ былъ мной наказанъ, чтобы я былъ бичемъ и священно служителемъ Его. Я позабочусь о погребеніи и за смерть его отвѣчу! Идите съ миромъ спать! (*про себя*) Жестокимъ быть заставляетъ меня единственно любовь; начинается одна гроза, другая, сильнѣе, уже не далеко. (*къ матери*) Еще одно слово, любезная матушка!

Королева. Что мнѣ дѣлать?

Гамлетъ. Отнюдь не то, чего я требую отъ васъ. Пусть дутый король снова сманитъ васъ на ложе, пусть смѣло треплетъ васъ по щечкамъ и называетъ мышкой своей; и, за пару развратныхъ поцѣлуевъ, за то, что онъ поиграетъ проклятыми пальцами съ вашей шейкой, объясните ему въ чемъ дѣло: что я нисколько не сумасшедшій, сумасшествіе мое одна только хитрость. Не дурно было-бы намекнуть ему объ этомъ, Какая же королева, красивая, цѣломудренная и умная, добровольно могла-бы скрыть передъ тарантулой и саламандрой столь драгоценныя вещи? И кто-бы сдѣлалъ это? Но вы, вопреки разсудку и тайнѣ, откройте дверь въ клѣткѣхъ, стоящихъ на крышѣ дома, выпустите птицъ и, какъ та обезьяна въ баснѣ, для шуточки влезьте сами въ клѣтку и сверните себѣ шею, слетѣвши внизъ.

Королева. Будь увѣренъ ты, что если слова — дыханіе, а дыханіе — жизнь, я не въ силахъ вздохнуть даже о томъ, что ты мнѣ сказалъ.

Гамлетъ. Я долженъ ѣхать въ Англію; знаете-ли вы объ этомъ?

Королева. Ахъ, я забыла; это рѣшено.

Гамлетъ. Печатаютъ письма; мои товарищи школьные, оба, къ которымъ я имѣю такое-же довѣріе, какъ къ ехиднамъ, уполномочены вести ихъ; они обязаны

указывать мнѣ путь и на злодѣйскую продѣлку, какъ герольды, меня вести. Пусть будетъ такъ! Но потѣшно будетъ, если отъ собственнаго пороха феерверкеръ взлетитъ на воздухъ; развѣ ошибусь, если не вырою имъ пропасть болѣе глубокою, чѣмъ мины ихъ? не взорву на воздухъ подъ луну. О, дѣйствительно, прекрасное зрѣлище, когда двѣ, взаимно хитрящія силы, сойдутся одна противъ другой! —
(поднимая трупъ Полонія).

Эту ношу приходится взять съ собой: я оттащу это пузо въ сосѣдную комнату. И такъ, матушка, спокойной ночи! — А этотъ придворный совѣтчикъ теперь тихонекъ, тайный и дѣйствительно важный, прежде бывшій лукавый старый болтунъ. — Пойдемъ, баринъ, я долженъ съ тобой покончить. Спокойной ночи, матушка!
(Они идутъ въ разныя стороны. Гамлетъ тащитъ за собой трупъ Полонія).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ.

Король. (къ Королеви) Въ этихъ глубокихъ вздохахъ есть какой-то смыслъ. Объясните намъ, мы должны ихъ знать. Гдѣ вашъ сынъ?

Королева. (къ Розенкранцу и Гильденштерну). Оставьте насъ на одну минуту. (оба уходятъ.)

Ахъ, мой супругъ, что я видѣла сегодня ночью!

Король. Что, Гертруда? что дѣлаетъ Гамлетъ?

Королева. Онъ бушуетъ, какъ море и вѣтры, когда вступаютъ въ споръ о томъ, кто сильнѣе: въ дикой ярости онъ слышитъ шумъ за ковромъ, обнажаетъ шпагу, кричитъ: крыса! и убиваетъ, въ пылу своего безумія, бѣднаго старика, котораго не видѣлъ.

Король. Ужасное дѣло! Это могло случиться съ вами, если-бы мы тамъ стояли. Свобода его угрожаетъ опасностью всѣмъ, даже вамъ, мнѣ и всякому другому. Но кто-же будетъ отвѣчать за это кровавое дѣло? Оно падетъ на меня, потому что я долженъ былъ сумасшедшаго молодого человѣка подвергнуть строгому заключенію и удалить отъ всякаго сношенія съ людьми. Но моя любовь была такъ велика, что я не сдѣлалъ того, что было самымъ лучшимъ; и, какъ человѣкъ, одержимый ядовитою болѣзнию, которую хочеть скрыть, я допустилъ терзать себя до мозга костей. Куда онъ ушелъ?

Королева. Онъ отнесъ куда-то трупъ убитаго, при чемъ его безуміе обнаружилось такъ ясно, какъ частицы золота въ простой рудѣ: онъ плачетъ о томъ, что сдѣлалъ.

Король. О, Гертруда, пойдемъ! Чуть солнце взойдетъ на горы, его посадятъ на корабль и за это гнусное убійство мы должны отвѣчать и оправдать его всѣмъ искусствомъ и всею властью нашего Королевскаго Величества. — Сюда, Гильденштернъ!

Розенкранцъ и Гильденштернъ *входятъ.*

Король. Ступайте, друзья, и возьмите въ помощь людей! Гамлетъ убилъ Полонія въ припадкѣ безумія и послѣ того вытащилъ его куда-то изъ покоевъ матери. Ступайте, отыщите его, распросите и отнесите тѣло въ часовню. Прошу васъ идите скорѣе.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Пойдемъ, Гертруда, созовемъ умнѣйшихъ друзей нашихъ и скажемъ имъ о томъ, что думаемъ мы сдѣлать и о томъ, что, къ несчастію, случилось: такимъ образомъ подобная змѣѣ дурная слава, которой шипѣніе раздается отъ одного конца земли къ другому и которая разноситъ, съ вѣрностью пушечнаго жерла, свой ядовитый выстрѣлъ, можетъ пролетѣть мимо насъ и безвредно розойдется въ пустомъ пространствѣ. О, уйдемъ отсюда! На душѣ у меня ужасъ и внутренній разладъ. *(оба уходятъ).*

СЦЕНА II.

Другая комната во дворцѣ.

Гамлетъ *входитъ.*

Гамлетъ. Хорошо упрятанъ —

Розенкранцъ и Гильденштернъ. *(за сценой)* Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Чу — что за шумъ? Кто-бы звалъ Гамлета? О, это они идутъ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ *входятъ.*

Розенкранцъ. Что сдѣлали вы съ трупомъ, принцъ?

Гамлетъ. Соединилъ его съ прахомъ, съ которымъ онъ въ родствѣ.

Розенкранцъ. Скажите, гдѣ онъ, чтобы мы могли отнести его въ часовню.

Гамлетъ. Не вѣрьте!

Розенкранцъ. Чему не вѣрить?

Гамлетъ. Что я буду сохранять вашу тайну, а свою нѣтъ. Кромѣ того позволю спрашивать себя губкѣ! Какой отвѣтъ долженъ дать на это сынъ короля?

Розенкранцъ. Развѣ вы считаете меня губкой, принцъ?

Гамлетъ. Да, милостивый государь, которая всасываетъ выраженіе лица королевскаго, его благоволеніе и повелѣнія. А, впрочемъ, такіе чины больше всего пригодны для короля. Онъ держитъ ихъ, какъ обезьяна держитъ что нибудь съѣстное въ углу своихъ челюстей: спрятанное сперва во рту, чтобы въ послѣдствіи быть проглоченнымъ. Когда ему понадобится взять то, что вы собрали, онъ только сожметъ васъ и вы, губка, снова сухи.

Розенкранцъ. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ. Мнѣ это пріятно: колкая рѣчь спитъ въ ушахъ невѣжды.

Розенкранцъ. Ваше Высочество, вы должны сказать намъ, гдѣ трупъ и идти съ нами къ королю.

Гамлетъ. Трупъ у короля, но короля нѣтъ у трупа. Король есть что-то —

Гильденштернъ. Что-то, принцъ?

Гамлетъ. Что-то есть ничто. Ведите меня къ нему. Берегись, лиса, а вслѣдъ за тѣмъ и всѣ!

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Король *входитъ со свитой.*

Король. Я приказалъ позвать его и отыскать трупъ. О какъ опасно, что-бы этотъ человѣкъ бродилъ-бы на свободѣ! Но мы не можемъ поступить съ нимъ, по всей строгости законовъ. Онъ любимъ безмысленной толпой, разбирающей глазами, а не умомъ, для которой больше значать страданія виновнаго, чѣмъ вина его. Что-бы этому помочь, нужно сдѣлать такъ, чтобы эта внезапная высылка казалась весьма разумной и обдуманной мѣрой: противъ отчаянной болѣзни нужны отчаянныя-же средства, или лучше бросить все.

Розенкранцъ *входитъ.*

Король. Что случилось!

Розенкранцъ. Куда онъ дѣлъ трупъ, Государь, мы не могли отъ него узнать.

Король. Гдѣ-же самъ онъ?

Розенкранцъ. Здѣсь, недалеко, Ваше Величество, подъ надзоромъ; ожидаетъ вашего повелѣнія.

Король. Приведите-же его сюда.

Розенкранцъ. Эй, Гильденштернъ! введите принца сюда!

Гильденштернъ *входитъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ.*

Король, Ну, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. За ужиномъ.

Король. За ужиномъ?

Гамлетъ. Но не тамъ, гдѣ онъ ѣсть, а такъ гдѣ его ѣдятъ. Извѣстный государственный Совѣтъ изъ рыцарей въ видѣ лакомыхъ червей, только что за него принялся. Что касается ѣды, червь — настоящей царь. Мы кормимъ всѣхъ животныхъ, что-бы самимъ кормиться; а сами себя откармливаемъ для червей. Откармленный король и тощій нищій — только два различныя блюда; два блюда, но для одного стола: вотъ конецъ пѣсни.

Король. О Боже, Боже!

Гамлетъ. Ктонибудь можетъ удить рыбу на червяка, который поѣлъ короля и можетъ ѣсть рыбу, которая проглотила червяка.

Король. Что ты этимъ хочешь сказать?

Гамлетъ. Ничего болѣе, какъ только показать Вамъ, какъ можетъ король совершить свое высочайшее путешествіе въ кишкахъ нищаго.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ. Пошлите туда, пусть посмотрятъ. Если посланный вашъ не найдетъ его тамъ, то ищите его сами въ другомъ мѣстѣ. Но, сказать правду, если вы его не найдете въ продолженіи мѣсяца, вы услышите объ немъ чутьемъ, когда будете сходить по лѣстницѣ въ галерею.

Король. *(къ нѣкоторымъ изъ свиты)* Ступайте, поищите его тамъ.

Гамлетъ. *(къ нимъ же)* Онъ будетъ ждать, пока прійдете.

(нѣсколько человекъ изъ свиты уходятъ).

Король. Гамлетъ, для собственнаго твоего спасенія; которое для насъ столь дорого, за это дѣло, о которомъ мы искренно сожалѣемъ, ты долженъ быть высланъ отсюда, какъ можно скорѣе. А потому снаряжайся; корабль уже готовъ, вѣтеръ попутный, спутники ожидаютъ и все уложено, чтобы ѣхать въ Англію.

Гамлетъ. Въ Англію?

Король. Да, Гамлетъ.

Гамлетъ. Хорошо,

Король. Это дѣйствительно хорошо, если-бы ты зналъ наши намѣренія.

Гамлетъ. Я вижу херувима, который ихъ видитъ. — И такъ, въ Англію! — Прощайте, любезная матушка!

Король. Сердечно любящій тебя отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Моя мать. Отецъ и мать — мужъ и жена, мужъ и жена — одно тѣло: а потому моя мать. Такъ и быть, ѣду въ Англію!

(уходитъ).

Король. *(къ Розенкранцу и Гильденштерну)* Слѣдуйте за нимъ неотступно, немедленно пригласите его на бортъ; не теряйте ни одной минуты: къ ночи онъ долженъ уже уѣхать. Отправляйтесь! Все запечатано и сдѣлано, что только нужно. Пожалуста, поспѣшите!

Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.

О, Англія, если дорога тебѣ любовь моя, (какъ мое могущество научило тебя цѣнить ее — раны, нанесенныя тебѣ Даніи мечемъ, еще въ крови и ты покорно несешь намъ дань) ты не посмѣешь отказаться отъ исполненія верховной воли, которая формально требуетъ отъ тебя немедленной смерти Гамлета. О, исполни это, Англія! Онъ, какъ жаръ, свирѣпствуетъ въ крови: ты должна исцѣлить меня. Пусть счастье во всемъ меня ласкаетъ, но пока это не будетъ исполнено, нѣтъ для меня утѣхи и покоя

(уходитъ).

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входятъ Фортинбрасъ и войско въ походной формѣ.

Фортинбрасъ. Ступайте, полковникъ, съ привѣтствіемъ отъ меня къ королю Даніи; доложите, что Фортинбрасъ проситъ, для разрѣшеннаго уже прохода войскъ черезъ его владѣнія, дать колонновожатыхъ. Вы знаете, гдѣ насъ найти. Когда Его Величеству угодно будетъ переговорить съ нами, мы лично готовы къ его услугамъ; доложите ему объ этомъ.

Полковникъ. Въ точности исполню, принцъ.

Фортинбрасъ. *(къ войскамъ)* Тихимъ шагомъ маршъ!

(уходитъ съ войсками);

Гамлетъ, Розенкранцъ, Гильденштернъ и другіе входятъ.

Гамлетъ. Что это за войска, милостивый государь?

Полковникъ. Норвежскія, Ваше Высочество.

Гамлетъ. Куда идутъ, позвольте узнать?

Полковникъ. Они идутъ противъ Поляковъ.

Гамлетъ. Кто ихъ ведетъ?

Полковникъ. Племянникъ стараго короля, Фортинбрасъ.

Гамлетъ. Идетъ-ли дѣло о цѣлой Польшѣ, или только о какомъ нибудь пограничномъ пунктѣ?

Полковникъ. Сказать правду, безъ прибавленія, мы идемъ отбить маленькій клочекъ земли, которому, кромѣ имени, нѣтъ никакой цѣны. Я-бы его не взялъ въ аренду и за 5 червонцевъ. Если считать доходъ ни Полякамъ, ни Шведамъ оно больше не приноситъ.

Гамлетъ. Такъ Полякъ и не будетъ защищать его.

Полковникъ. Напротивъ; онъ уже занялъ его войсками.

Гамлетъ. *(въ сторону)* Двѣ тысячи человекъ и двадцать тысячъ червонцевъ можетъ стоить этотъ ничтожный споръ, Вотъ гдѣ язва общественнаго благосостоянія и покоя: она горитъ внутри, между тѣмъ, какъ извнѣ, ни какого основанія смерти незамѣтно. *(громко)* Благодарю васъ, милостивый государь.

Полковникъ. Да сохранить васъ Богъ! *(уходитъ).*

Розенкранцъ. Угодно-ли вамъ будетъ идти?

Гамлетъ. Я сію минуту прійду. Ступайте впередъ! *(Розенкранцъ и прочіе уходятъ).* Все укоряетъ меня и пробуждаетъ остывшее чувство мщенія. Что стоитъ человекъ, котораго цѣль жизни и величайшее благо — только ѣсть и пить? Скотъ — не болѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что Тотъ, Кто создалъ насъ способными взирать въ прошедшее и будущее, не съ тѣмъ одарилъ насъ божественнымъ умомъ, чтобы онъ спокойно, безъ цѣли, превращался въ плесень. И вотъ, отупѣніе-ли животнаго это, или пугливое сомнѣніе, обдумывающее до тонкости послѣдствія — мысль эта, если ее на части разобрать, заключаетъ въ себѣ одну четверть ума и непременно три четверти страха — я не могу постигнуть, зачѣмъ еще живу и повторяю «это нужно сдѣлать!» межъ тѣмъ, какъ я имѣю основаніе и волю, силу и средства сдѣлать это. Поразительные примѣры вопіютъ ко мнѣ: вотъ эта большая и грозная армія, во главѣ которой стоитъ нѣжный и молодой принцъ; духъ его исполненъ высокой

отваги и честолюбія; онъ отдаетъ на жертву жизнь неизвѣстному исходу и за какую нибудь орѣховую скорлупу ставитъ все на произволь слѣпаго счастья, смерти и опасностей. Истинно великимъ быть, не значить вести борьбу объ истинно великомъ только, но и соломенку защищать геройски, гдѣ дѣло идетъ о чести. Что-же я такое, когда меня ни убійство отца, ни позоръ матери, ни силы ума и крови, ничто не пробуждаетъ? Со стыдомъ гляжу я на близкую смерть двадцати тысячъ людей, которые за химеру, за призракъ только славы идутъ во гробъ, какъ въ ложе: они дерутся за комъ земли, на которомъ большая сила и въ бой вступить не можетъ и нѣтъ довольно мѣста и могилъ, чтобы похоронить однихъ убитыхъ. О, съ этой минуты, мысли, вашимъ стремленіемъ должна быть только кровь, иль будьте вы презрѣнны. (*уходитъ*).

СЦЕНА V.

Гельзингеръ. — Комната въ замкѣ.

Королева и Гораціо *входятъ*.

Королева. Я не хочу съ ней говорить.

Гораціо. Она очень настойчива, точно не въ себѣ; ея состояніе достойно сожалѣнія.

Королева. Чего она хочетъ?

Гораціо. Она говоритъ о своемъ отцѣ; говоритъ, что слышала будто, что свѣтъ гадкій и стонетъ, и бьетъ сама себя въ грудь; малѣйшій вздоръ ее тревожитъ; она говоритъ не внятные слова, почти безъ смысла. Рѣчь ея не имѣетъ никакого значенія; но ея неопредѣленный смыслъ наводитъ слушающихъ на разные предположенія; народъ догадывается, связываетъ смыслъ словъ, которыя она произноситъ съ помощью киванія годовой, движеній рукъ и лица, такъ, что дѣйствительно, съ большою вѣроятностью можно подуматъ, что она говоритъ о чемъ-то не добромъ. Было-бы не дурно съ ней поговорить: она могла-бы разсѣять несчастное подозрѣніе, волнующее умы.

Королева. Приведите ее.

(*Гораціо уходитъ.*)

Больной душѣ — таковы послѣдствія всѣхъ преступленій — кажется, что всякая малость предвѣщаетъ несчастіе; виновный исполняется такого безотчетнаго страха, что, желая скрыться, открываетъ самъ себя.

Гораціо *возвращается съ Офеліей*.

Офелія. Гдѣ прекрасное Величество Даніи?

Королева. Какъ поживаешь, Офелія?

Офелія. (*поетъ*) Какъ теперъ узнаю друга?

Не приходитъ молодець!

Въ бѣлой шляпѣ и со шпагой

Онъ былъ Даніи боець.

Королева. Ахъ, милая моя, къ чему эта пѣсня?

Офелія. Что угодно? Нѣтъ, прошу послушать. *(поеть)*.

Не прійдетъ онъ, жизнь онъ кончилъ
И въ землѣ теперь лежитъ;
Прахъ въ гробу, а на могилѣ
Черный крестъ надъ нимъ стоитъ.

О! ..

Королева. Но скажи, Офелія —

Офелія. Пожалуста, слушайте. *(поеть)*

Какъ прекрасенъ былъ въ гробу онъ:

Король *входитъ.*

Королева. Ахъ, супругъ мой, посмотрите сюда!

Офелія. *(поеть)* Бѣлый саванъ и цвѣты;
Примиренье выражали
Дивныя его черты.

Король. Какъ поживаете, милая Офелія?

Офелія. Слава Богу, прекрасно! Они говорятъ, что сова была дочь булочника; Ахъ, государь! Мы знаемъ хорошо, кто мы, но не знаемъ, чѣмъ мы будемъ. Да благословитъ Богъ обѣдъ вашъ!

Король. Намекъ на своего отца.

Офелія. Пожалуста, не будемъ объ этомъ говорить; но, если они будутъ васъ спрашивать, что это значитъ, скажите только: *(поеть)*

Помнишь! въ Валентиновъ день, съ разсвѣтомъ
Постучалась я въ окно
И вскричала я при этомъ:
«Милый, жду тебя давно!»
Тихо двери отворились,
Онъ къ себѣ меня пустилъ,
Счастьемъ оба насладились —
Но несчастной отпустилъ!

Король. Милая Офелія!

Офелія. Право, не буду божиться, я хочу кончить. *(поеть)*

И святой Екатериной
Поклялся мнѣ вѣрнымъ быть,
Клялся всѣмъ онъ — до могилы
Вѣкъ меня одну любить,
Поступилъ ты такъ безбожно,
Упрекала его я.

Онъ отвѣчаетъ:

Что же дѣлать? невозможно....
Мнѣ жениться вѣдь нельзя.

Король. Какъ давно уже она въ такомъ состояніи?

Офелія. Я надѣюсь, что все еще пойдет хорошо. Мы должны быть терпѣливы: но я не могу, чтобы не плакать, когда подумаю, что они его положили въ холодную землю. Мой братъ долженъ объ этомъ знать; и такъ, спасибо вамъ за добрый совѣтъ. Пора, подайте карету! Покойной ночи, дамы! Покойной ночи, ласковыя дамы! Покойной ночи! Покойной ночи!

(уходитъ).

Король. *(къ Гораціо)* Слѣдуйте же за нею по пятамъ: хорошо ее берегите.

(Гораціо уходитъ):

О, это ядъ глубокой скорби; источникъ ея — смерть отца. О, Гертруда! Гертруда! посмотрите, если бѣдствія постигаютъ насъ, они не являются одиноко, какъ шпіоны, но цѣлыми полками. Отецъ ея убитъ, далеко уѣхалъ сынъ вашъ, самъ безпутный виновникъ заслуженнаго изгнанія; народъ взволновавъ, опасный и мрачный въ своихъ догадкахъ и предчувствіяхъ о смерти честнаго Полонія; и мы сдѣлали весьма неосмотрительно, что похоронили его тайно; затѣмъ, это бѣдное дитя, лишенное ума, безъ котораго мы только куклы или звѣри. Наконецъ, что хуже всего: братъ ея возвратился тайно изъ Франціи, самъ не свой отъ изумленія, окружаетъ себя тайной, при этомъ нѣтъ недостатка въ наушникахъ, которые сообщаютъ ему ядовитые слухи о смерти отца; и, хотя доказательствъ нѣтъ никакихъ, они не постыдятся насъ-же обвинять, нашептывая другъ другу въ уши. О, милая моя Гертруда, это пробиваетъ меня насквозь, какъ дробью и наноситъ со всѣхъ сторонъ тысячу смертей. *(шумъ за сценой).*

Королева. О горе, что это за шумъ?

Входитъ Придворный.

Король. Гдѣ швейцары? Поставьте стражу у дверей! случилось тамъ?

Придворный. Спасайтесь, государь! — Океанъ, выступивши изъ своихъ предѣловъ, не свирѣпствуетъ ужаснѣе по равнинамъ, какъ, во главѣ мятежной толпы, Лаэртъ разбиваетъ вашихъ людей. Чернь зоветъ его княземъ, и — какъ-бы теперь только начинался міръ, какъ будто-бы забыта древность и неизвѣстны законы, освященные давностью: эта сила и столпы всякаго порядка и сана — кричатъ: мы избираемъ его! Да будетъ королемъ Лаэртъ! Шапки и руки поднимаютъ вверхъ и кричатъ подъ облака: королемъ пусть будетъ Лаэртъ! Лаэртъ король!

Королева. Они лаютъ громко по ложному слѣду, плохо выслѣдили звѣря, вы, коварные Датчане-собаки! *(крикъ за сценой).*

Король. Дверь сломали.

Лаэртъ входитъ вооруженный; Датчане сзади его.

Лаэртъ. Гдѣ-же этотъ король? — Господа, ожидайте тамъ!

Датчане. Нѣтъ, оставьте насъ здѣсь съ собой!

Лаэртъ. Я прошу васъ, дозвоьте мнѣ распорядиться.

Датчане. Хорошо, какъ вамъ угодно.

(они возвращаются и уходятъ).

Лаэртъ. Спасибо! Станьте на стражъ у дверей! — Ты, жалкій король, отдай отца мнѣ!

Королева. Добрый Лаэртъ, успокойтесь!

Лаэртъ. Одна капля спокойной крови назоветъ меня незаконнымъ сыномъ, будетъ поносить отца моего рогоносцемъ; заклеимить въ глаза мать мою публичной женщиной!

Король. Что за причина, Лаэртъ, что твой гнѣвъ принялъ такіе гигантскіе, размѣры? — Оставь его, Гертруда, не страшись нисколько за нашу особу. Ибо такая божественная сила защищаетъ короля, что измѣна, едва взглянетъ на то, чего хотѣла, отступаетъ отъ своихъ желаній. — Скажи, Лаэртъ, отъ чего ты такъ взбѣшенъ? — Гертруда, оставь его! — Скажи, молодой человѣкъ!

Лаэртъ. Гдѣ отецъ мой?

Король. Убить.

Королева. Но не королемъ.

Король. Пусть онъ самъ спрашиваетъ, сколько хочетъ.

Лаэртъ. Какъ онъ погибъ? Я не позволю себя дурачить. Совѣсть, благочестіе, въ преисподнюю ступайте! Я презираю анафему; я до того дошелъ, что готовъ на бой, хоть съ цѣлымъ свѣтомъ, будь, что будетъ! Хочу только безпощадно отомстить за смерть отца.

Король. Кто-же васъ останавливаетъ?

Лаэртъ. Одна только воля моя, но не повелѣнія цѣлаго міра. И я распоряджусь моими силами такъ, что малого довольно будетъ.

Король. Послушайте Лаэртъ, когда вы хотите знать правду о смерти вашего дорогого отца: неужели цѣль вашего мщенія, какъ побѣдителя въ игрѣ, истребить какъ друга, такъ и врага, какъ того кто выигралъ, такъ и того, кто проигралъ?

Лаэртъ. Только враговъ его.

Король. Хотите-же знать, кто они?

Лаэртъ. Друзей я прійму въ свои объятія и, какъ пеликанъ, приносящій въ жертву жизнь свою, напою ихъ собственной кровью.

Король. Такъ! Теперь вы говорите, какъ добрый сынъ и настоящій дворянинъ. Что я не повиненъ въ смерти вашего отца и самымъ чувствительнымъ образомъ этимъ огорченъ, должно представиться уму вашему такъ ясно, какъ день для глаза.

Датчане. (за дверью) Впустите ее!

Лаэртъ. Что случилось? Что за шумъ?

Офелія *входитъ, убранная причудливо травами и цвѣтами.*

Лаэртъ. О, жары, изсушите мозгъ мой! Слезы горькія, сожгите силу и быстроту глазъ моихъ! — Какъ Богъ святъ! за твое безуміе будетъ заплачено намъ дорого, на вѣсь, пока чаша вѣсовъ нашихъ ко дну не пойдетъ. О роза майская! прелестное дитя! Офелія! дорогая сестра! — О небо, можетъ ли быть, что-бы умъ молодой дѣвицы былъ такъ близокъ къ смерти, какъ жизнь старца? Природа нѣжна въ любви: гдѣ она нѣжна, она посылаетъ отъ себя самый драгоценный подарокъ вслѣдъ за тѣмъ, кого любить.

Офелія. (поетъ тономъ плача) На носилки его положили тогда —

(со смѣхомъ) Эй, смѣлуй! Не робѣй!

(плача) Оросила слеза гробъ печальный его —

Ты прощай, голубокъ, тамъ въ толпѣ раздалось!

Лаэртъ. Если-бы ты была при умѣ и взывала къ намъ о мщеніи, это было-бы не такъ трогательно.

Офелія. Вы должны пѣть: «туда, туда! и звать его туда,» О, какъ это похоже на шумъ, колеса! Это дурной управляющій, который укралъ дочь своего господина.

Лаэртъ. Эти ничтожныя слова больше значуть, чѣмъ что нибудь.

Офелія. (къ Лаэрту) Вотъ розмаринъ, это на память: прошу, васъ, любезное сердце, помнить обо мнѣ! А вотъ и незабудка, въ память вѣрнымъ быть —

Лаэртъ. И въ безумствѣ есть смыслъ: сочетаніе вѣрности съ памятью.

Офелія. (къ королю) Вотъ вамъ укропъ и васильки. (къ королеви) Вотъ вамъ рута, а нѣсколько ея и для меня — вашу руту вы можете носить съ отдѣльной замѣткой. (къ Лаэрту) Вотъ бѣльцы, я хотѣла вамъ дать пару фіялокъ, но онѣ всѣ свяли, когда отецъ мой умеръ. — Вы говорите, что его конецъ былъ благополучный. — (поетъ)

Францъ, мой милый-утѣшитель —

Лаэртъ. Тоска и печаль, страданіе и самый адъ, дѣлають изъ нея олицетвореніе прелести и изящнаго.

Офелія. (поетъ) Не вернется къ намъ, о Боже,
Успокой его, Спаситель,
На его смертельномъ ложѣ!
И прекрасенъ онъ былъ съ своей бородой
Какъ снѣгъ горный, роскошной и бѣлой,
И лежалъ, онъ въ гробу, какъ угасшій герой,
Ко всему, ко всему охладѣлый.
Ты, святой мой утѣшитель,
Пѣсню выслушай мою:
Успокой его, Спаситель,
И устрой его въ раю!

И души всѣхъ христіанъ! О чемъ молю Господа! Богъ, да будетъ съ вами! (уходитъ).

Лаэртъ. Видите-ли вы это? о Боже!

Король. Лаэртъ, я долженъ проговорить къ вашей печали. Не отказывайте мнѣ въ моихъ правахъ. Ступайте, изберите умнѣйшихъ изъ вашихъ друзей и пусть они рѣшатъ между вами и мной. Если они прямо или косвенно найдутъ насъ виновными, мы хотимъ царство, корону, жизнь, все, что только наше, отдать вамъ въ вознагражденіе; если-же нѣтъ, то удовольствуйтесь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, чтобы только потерпѣть; мы постараемся, въ союзѣ съ вашей душой, умиротворить ее.

Лаэртъ. Пожалуй, пусть будетъ такъ! Родъ смерти, тайное погребеніе — ни меча, ни гербовъ надъ его могилой, никакой пышной ни духовной, ни свѣтской обстановки — все это громко кричить съ небесъ на землю и даетъ мнѣ право требовать отчета.

Король. Требуи передъ лицомъ цѣлаго свѣта; и, гдѣ будетъ вина, пусть рубить сѣкира палача. Прошу васъ, слѣдуйте за мной.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА VI.

Другая комната въ замкѣ.

Гораціо и слуга входятъ.

Гораціо. Что это за люди, что хотятъ говорить со мной?

Слуга. Матросы, господинъ; они, какъ говорятъ, имѣютъ къ вамъ письма.

Гораціо. Приведите ихъ. (*слуга уходитъ*): Не понимаю изъ какой-бы части свѣта могъ быть ко мнѣ поклонъ, если: только не отъ принца Гамлета.

Входятъ два матроса.

1-й матросъ. Да благословить васъ Господь Богъ!

Гораціо. И тебя тоже!

1-й матросъ. Какъ будетъ Господу Богу угодно. Здѣсь, господинъ, къ вамъ письмо; оно отъ посла, который долженъ былъ плыть въ Англію, если ваше имя точно Гораціо, какъ меня увѣряютъ.

Гораціо. (*читаетъ*) «Гораціо, когда это прочтешь, постарайся доставить матросамъ пріемъ у короля; они имѣютъ письма къ нему. Мы еще и двухъ дней не были въ морѣ, какъ налетѣлъ на насъ сильно вооруженный корсаръ: такъ какъ мы не могли плыть быстро на парусахъ, должны были поневолѣ храбро драться и, во время схватки, я бросился на abordажъ; въ одну минуту они отчалили отъ нашего корабля и такимъ образомъ я, одинъ, попалъ къ нимъ въ плѣнъ. Они со мною обращались, какъ сострадательные злодѣи, но они знали, что дѣлаютъ; я долженъ имъ сдѣлать добрую услугу. Постарайся, чтобы король получилъ письма, которыя посылаю, и спѣши ко мнѣ такъ скоро, какъ будто-бы ты бѣжалъ отъ смерти. Я могу сказать тебѣ на ухо слова, отъ которыхъ ты онѣмѣешь, хотя они слишкомъ еще слабы противъ значенія самого дѣла. Эти добряки доставятъ тебя ко мнѣ, Розенкранцъ и Гильденштернъ отправились дальше, въ Англію: о нихъ у меня есть много о чемъ поразсказать тебѣ. Прощай!

Вѣчно, какъ ты знаешь, твой,

Гамлетъ.»

(*къ матросамъ*) Пойдемъ, я помогу вамъ скорѣе вручить эти письма, тѣмъ болѣе, что вы меня отвезете къ тому, кто ихъ вамъ далъ. (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Другая комната въ замкѣ.

Король и Лаэртъ *входятъ*.

Король. Теперь ваша совѣсть убѣдилась въ моей невинности, и вы въ душѣ должны обнять меня, какъ друга, потому что вы слышали, даже изъ вѣрнаго источника, что именно тотъ, кто убилъ вашего отца, посягалъ и на мою жизнь.

Лаэртъ. Это ясно. Однако-же скажите мнѣ: зачѣмъ не передали вы суду дѣла такого преступнаго свойства, какъ требовало этого все — ваше величіе, мудрость и безопасность?

Король, По двумъ исключительнымъ основаніямъ, которыя, можетъ быть, покажутся вамъ слишкомъ ничтожными, но для меня они имѣютъ большое значеніе. Его мать, королева, живетъ чуть не однимъ его взглядомъ; что касается меня самого — будь, что будетъ — благо-ли мое или мученіе — жизнь и душа моя такъ къ ней привязаны, что я, подобно звѣздѣ, которая вращается въ извѣстномъ только кругѣ, безъ нея я не могъ-бы жить. Другая причина, почему я это дѣло не передалъ на рѣшеніе гласнаго суда, та, что народъ необыкновенно къ нему привязанъ: любовь его смываетъ съ Гамлета всѣ пороки, она какъ родникъ, превращающій дерево въ камни, изъ преступленій дѣлаетъ хвалу и мои стрѣлы, слишкомъ тонкія противъ такого сильнаго вѣтра, полетѣли-бы обратно и не попали-бъ въ цѣль.

Лаэртъ. И такъ, я потерялъ благороднаго отца; моя сестра, которой достоинства и добродѣтели стояли выше вѣка, разстроена безъ надежды. Но мщенія часъ прійдетъ!

Король. На счетъ этого будьте совершенно покойны. Не подумайте, что мы созданы такъ ничтожно, что позволимъ безнаказанно и нагло шутить съ собой. Въ скорости вы услышите болѣе: я любилъ вашего отца, люблю тоже и себя; изъ этого, я надѣюсь, вы будете въ состояніи заключить —

Посланный *входитъ*.

Король. Ну? что новаго?

Посланный. Ваше Величество, письма отъ Гамлета: одно къ Вашему Величеству, другое къ королевѣ.

Король. Отъ Гамлета? и кто доставилъ ихъ?

Посланный. Говорятъ, матросы, Ваше Величество, я ихъ не видѣлъ. Мнѣ передалъ ихъ Клавдій, который лично получилъ ихъ отъ матроса.

Король. Лаэртъ, вамъ слѣдуетъ знать что пишетъ, слушайте. — (*къ посланному*) Ступайте! (*посланный уходитъ*).

(*читаетъ*) «Высокомогущественный! вѣдайте, что я, нагой, высаженъ на берега вашихъ владѣній. Я прошу разрѣшить мнѣ завтра предстать передъ вашимъ королевскимъ взоромъ; тогда, если на это будетъ прежде всего ваше соизволѣніе, я объясню причину моего внезапнаго и страннаго возвращенія.

Гамлетъ.»

Что это такое? Неужели всё вернулись? Какъ это могло случиться? Или это только одинъ обманъ?

Лаэртъ. Знакома вамъ рука?

Король. Это почеркъ Гамлета. «Нагой», а въ припискѣ пишетъ онъ: «одинъ» — Что посоветуете мнѣ теперь?

Лаэртъ. Я тутъ ничего не понимаю, государь. Но пусть только онъ прійдетъ! Это такъ сильно растравляетъ боль сердца моего, что я готовъ въ глаза назвать его убійцей.

Король. Если такъ, Лаэртъ — впрочемъ, можетъ-ли и быть иначе! Хотите-ли послушать меня?

Лаэртъ. Да, государь, не говорите только мнѣ ни слова о мирѣ.

Король. Я хочу мира для тебя Когда онъ возвратился, потому, можетъ быть, что боится плыть по морю и не захочетъ опять уѣхать, я уговорю его на дѣло, которое я обдумалъ и въ которомъ погибнетъ онъ навѣрно; и объ его смерти вѣтерокъ не зашелеститъ ни одного дурнаго слова. Сама мать не будетъ подозрѣвать коварства и будетъ воображать себѣ, что это дѣло только случая,

Лаэртъ. Я послушаю васъ, государь, тѣмъ болѣе, если вы съумѣете устроить такъ, чтобы я былъ орудіемъ этого дѣла.

Король. Оно какъ разъ приходится къ тому. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, васъ очень хвалили, и то въ глаза, Гамлету, за искусство, въ которомъ, какъ говорятъ, вы очень сильны; всё ваши достоинства не возбуждали въ немъ такой зависти, какъ это одно, по моему мнѣнію, самое ничтожное.

Лаэртъ. Какое-же это достоинство, Ваше Величество?

Король. Это простая кокарда на шляпѣ юности, легкая и веселая одежда, необходимая столько же для юноши, какъ для степеннаго человѣка шуба и мантія, придающія ему здоровье и солидный видъ. — Два мѣсяца тому назадъ былъ здѣсь рыцарь изъ Нормандіи. На войнѣ я самъ французовъ знаю, они — отличные наѣздники; но этотъ храбрець дѣлалъ чудеса: онъ какъ-бы вросалъ въ сѣдло и правилъ лошадыю съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, какъ будто превращался въ одно тѣло съ этимъ благороднымъ животнымъ: онъ превзошелъ все, что можно представить себѣ въ этомъ родѣ; всё алюры и прыжки, какіе я-бы могъ придумать только, все было ниже того, что онъ дѣлалъ.

Лаэртъ. Это былъ нормандецъ?

Король. Нормашецъ.

Лаэртъ. Ручаюсь головой: Ламордъ.

Король. Такъ точно, онъ.

Лаэртъ. Я его отлично знаю, дѣйствительно это сокровище и драгоценный камень среди своего народа.

Король. Онъ рассказывалъ намъ объ васъ и до того хвалилъ искусство ваше и умѣніе владѣть оружіемъ, въ особенности рапирой, что однажды вскричалъ: это было-бы дѣйствительно чудное зрѣлище, если-бы ктонибудь съ вами захотѣлъ помѣряться. — Онъ клялся, что бойцы его страны теряли голову, глаза, всю ловкость, когда вы нападали на нихъ. Рассказъ этотъ отравлялъ такую завистью Гамлета, что

онъ кипѣлъ какъ-бы скорѣе воротились вы, чтобы помѣряться съ вами. И такъ, изъ этого —

Лаэртъ. Что-же изъ этого, Ваше Величество?

Король. Лаэртъ, былъ-ли для васъ дорогъ отецъ вашъ? Или вы уже не болѣе, какъ только образъ скорби, лице безъ духа?

Лаэртъ. Къ чему этотъ вопросъ?

Король. Но къ тому, чтобы я думалъ, что вы не любили отца; но по опыту знаю, что время рождаетъ, оно-же уменьшаетъ и охлаждаетъ жаръ любви. Въ глубинахъ самой пламенной любви живетъ родъ фитиля и нагара, которые ее притупляютъ; и ничто не остается постоянно годнымъ: избытокъ годности, но въ излишней мѣрѣ, можетъ самъ себя убить. Человѣкъ, что хочетъ сдѣлать, долженъ сдѣлать тогда-же, когда хочетъ; потому что воля измѣняется, и найдетъ столько случаевъ уклониться и дѣло отложить, сколько есть языковъ, рукъ и мнѣній; тогда-то то, что должно быть сдѣлано, превращается въ одинъ лишь хвастливый бесполезный вздохъ. Но приступимъ къ существу дѣла! Сюда ѣдетъ Гамлетъ: что вы хотите предпринять, чтобы показать себя сыномъ вашего отца на дѣлѣ болѣе, чѣмъ на словахъ?

Лаэртъ. Въ церкви задушу его.

Король. Конечно убійца нигдѣ не долженъ найти сохрани, для мщенія нѣтъ предѣловъ. Но, Лаэртъ, если вы хотите это сдѣлать, то лучше сидите дома. Приѣдетъ Гамлетъ, онъ непременно узнаетъ, что вы здѣсь; мы расхвалимъ ваше совершенство передъ нимъ и вдвое распишемъ славу, о которой говорилъ французъ; словомъ, сведемъ васъ вмѣстѣ и назначимъ пари цѣною вашихъ головъ. Онъ, безпечный, прямой, не чающій ничего дурнаго, не будетъ осматривать тщательно рапиры; тогда вы можете легко и незамѣтно одну изъ нихъ выбрать съ острымъ концемъ и меткимъ ударомъ поблагодарить ему за смерть отца.

Лаэртъ. Я готовъ это сдѣлать и въ заключеніе смажу мою рапиру. Какой-то шарлатанъ продалъ мнѣ составъ такой убійственный, что стоитъ только обмакнуть въ немъ ножъ и прикоснуться къ крови: какое-бы ни было средство, придуманное изъ цѣлебныхъ травъ, растущихъ подъ луною, не спасетъ человѣка, хотя-бы только сдѣлать малѣйшій уколь; я обмочу острие моей рапиры въ ядъ, онъ убьетъ его, чуть только по верху задѣну.

Король. Нужно придумать, какъ лучше, въ какое время и какимъ путемъ достигнуть цѣли. Не удастся это и какънибудь проглянетъ въ дурномъ исполненіи нашъ замыслъ — лучше-бы и не начинать его. Мы должны имѣть что-нибудь въ резервъ понадежнѣе, если не удастся первый опытъ. Стойте, дайте подумать! — Мы торжественно бьемся объ закладъ, кто изъ васъ сильнѣе — да, вотъ-что: когда вамъ во время фехтованія сдѣлается жарко и пить захочется, (для этого вы должны нападать съ энергіей и приняться за сильные приемы) и онъ потребуетъ воды, будетъ приготовленъ кубокъ, изъ котораго онъ чуть хлебнетъ только — ускользни онъ отъ вашего ядовитаго удара — онъ погибъ. Но, тише! Что тамъ за шумъ?

Королева *входитъ.*

Король. Ну что, достойная королева?

Королева. Несчастія слѣдуютъ быстро одно за другимъ. — Лаэртъ, ваша сестра утонула.

Лаэртъ. Утонула, говорите вы? гдѣ?

Королева. Тамъ, гдѣ надъ рѣкой наклонившись, стоитъ ива, и отражаются въ зеркалѣ водъ ея темные листья, она свивала фантастическіе вѣнки изъ лютика, крапивы, ландышей, кукушкиныхъ слезокъ, которымъ пастухи-шалуны даютъ болѣе грубое названіе, а скромныя дѣвушки зовутъ бархатками. Когда она влѣзла на дерево и хотѣла повѣсить свое плетѣніе на висячія вѣтви ивы, обломался подгнившій сукъ и полетѣли въ быструю воду всѣ вьющіеся ея трофеи и сама она. Одежда ея раздулась широко и нѣсколько времени держала ее, какъ сирену, на поверхности воды; а она въ то время распѣвала пѣсни старины глубокой, какъ будто вовсе не сознавала своего опаснаго положенія, подобно существу, рожденному и одаренному способностью жить въ этой стихіи. Но долго она не могла держаться, платье ея напиталось наконецъ водой и бѣдное дитя отъ мелодій перешла въ могилу ила.

Лаэртъ. Ахъ, неужели она утонула?

Королева. Утонула, утонула!

Лаэртъ. Слишкомъ уже для тебя много воды будетъ, бѣдная сестра! А потому я уйму свои слезы. А между тѣмъ намъ это такъ сродно; чтобы ни говорилъ стыдъ, природа беретъ свое; но слезы чуть прошли — я снова не женщина. — Прощайте, Государь! У меня вертѣлись на языкъ жгучія слова, которыя-бы легко вспыхнули, если-бы не затушила ихъ эта глупая слеза.

(уходитъ).

Король. Пойдемъ за нимъ, Гертруда! О, сколько стоило мнѣ труда усмирить его бѣшенство! Я боюсь, чтобы оно, вслѣдствіе несчастія съ Офеліей, не прорвалось снова, а потому пойдемъ за нимъ. *(Оба уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Кладбище.

Входятъ Два могильщика съ лопатами и прочимъ.

1-й могильщикъ. Можно-ли хоронить по христіански ту, которая сама искала спасенія души своей?

2-й могильщикъ. Говорю тебѣ — можно; живо копай ей яму. Слѣдствіе о ея смерти произведено и рѣшено похоронить ее по христіански.

1-й могильщикъ. Но какъ-же это можетъ быть, когда она утонула не вслѣдствіе самозащищенія?

2-й могильщикъ. Ну, уже такъ рѣшено.

1-й могильщикъ. Но непременно нужно, что-бы это случилось вслѣдствіе самозащищенія, иначе быть не можетъ. Ибо статья закона гласитъ: если я умышленно топлюсь, то это есть дѣйствіе, а дѣйствіе состоитъ изъ трехъ частей:

намѣренія, самого факта и исполненія. Изъ этого слѣдуетъ, что она утопилась умышленно,

2-й могильщикъ. Э, послушай кумъ товарищъ —

1-й могильщикъ. Позволь, братъ! Дай рассказать, какъ слѣдуетъ. Здѣсь напримѣръ вода: хорошо; а здѣсь стоитъ человѣкъ: хорошо. Если человѣкъ пойдетъ къ водѣ и самъ себя утопитъ, въ этомъ случаѣ вольно ему было идти или нѣтъ. Замѣть это! Но, когда вода къ нему подойдетъ и его утопитъ, въ такомъ случаѣ онъ самъ себя не топить. И такъ, кто не причиной своей смерти, тотъ самъ не прекращаетъ жизни.

2-й могильщикъ. Развѣ это такъ по закону?

1-й могильщикъ. Безъ сомнѣнія; и послѣдствію, и по закону такъ.

2-й могильщикъ. А хочешь знать правду? Если-бы она была не барышня, ее бы не похоронили на освященномъ мѣстѣ.

1-й могильщикъ. Да, это точно, что такъ. И вотъ что больно, что знатные люди на этомъ свѣтѣ имѣютъ болѣе благопріятныхъ средствъ повѣситься и утопиться, нежели прочіе братья христіане. Ну-ка, лопата, за дѣло! Нѣтъ древнѣе дворянскаго рода, какъ садовники, мастера гробовъ и могильщики: они продолжаютъ ремесло Адама,

2-й могильщикъ. Развѣ Адамъ былъ дворянинъ?

1-й могильщикъ. Онъ былъ первый, носившій арматуру.

2-й могильщикъ. Не можетъ быть?

1-й могильщикъ. Что не вѣришь? Развѣ ты язычникъ? Какъ ты понимаешь Св. Писаніе? Священное писаніе гласитъ: Адамъ копалъ. Могъ-ли онъ копать безъ оружія? Я хочу тебѣ предложить еще другой вопросъ: если ты не отвѣтишь толкомъ, то признайся —

2-й могильщикъ. Ну, говори!

1-й могильщикъ. Кто строить прочнѣ каменьщика — корабельщикъ, или плотникъ?

2-й могильщикъ. Тотъ, который строить висѣлицы, потому что его зданіе переживаетъ тысячи жильцовъ.

1-й могильщикъ. Остроуміе твое нравится мнѣ, дружище. Висѣлица приноситъ пользу: но какимъ образомъ? Она приноситъ пользу тѣмъ, кто дурно дѣлаетъ. Вотъ ты и дѣлаешь дурно, когда говоришь, что висѣлица крѣпче построена, какъ церковь: а потому, висѣлица тебѣ; принесла-бы пользу. Отвѣчай еще разъ! живо!

2-й могильщикъ. Кто строить прочнѣ каменьщика — корабельщикъ, или плотникъ?

1-й могильщикъ. Да, скажи мнѣ это, тогда и шабашъ.

2-й могильщикъ. Душа моя, это я теперь могу сказать.

1-й могильщикъ. Живо!

2-й могильщикъ. Ну тебя къ чорту, я не могу этого сказать.

Вдали входятъ Гамлетъ и Гораціо.

1-й могильщикъ. Не ломай напрасно головы: глупый осель не пойдётъ скорѣе, какъ ты его не бей; и, когда тебя ктонибудь спроситъ въ первый разъ, отвѣчай: могильщикъ. Дома, которые онъ строитъ, будутъ стоять до страшнаго суда. Ну ка, сбѣгай въ кабакъ и принеси мнѣ штофъ водки.

(Второй могильщикъ уходитъ).

1-й могильщикъ. *(поетъ)* Молодымъ бывало
Весело я жилъ,
Какъ мнѣ силъ хватало,
Такъ я и любилъ.

Гамлетъ. Не ужели этотъ парень, при своемъ занятіи, остается безъ всякаго чувства? Онъ роетъ могилу и при этомъ поетъ.

Гораціо. Привычка сдѣлала для него это дѣло легкимъ.

Гамлетъ. Это обыкновенно: чѣмъ менѣе рука работаетъ, тѣмъ нѣжнѣе ея чувства.

1-й могильщикъ. *(поетъ)* „Старость вѣдь не радость”,
Люди говорятъ,
Чувствую усталость,
Кости всѣ болятъ.

(выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ. У черепа этого былъ когда-то языкъ и онъ могъ пѣть; какъ этотъ негодяй швыряетъ его о землю, какъ будто это челюсти Каина, совершившаго первое убійство! Это могла быть голова какогонибудь дипломата, котораго теперь — этотъ осель хитрѣе; того, который Господа Бога думалъ обмануть: не правда-ли?

Гораціо. Это очень возможно.

Гамлетъ. Или придворнаго, который могъ говорить: «добраго утра, любезнѣйшій принцъ! какъ поживаете, добрѣйшій принцъ?» Можетъ быть это черепъ такого-то и такого-то высокороднаго господина, который такого-то и такого-то высокороднаго господина хвалилъ лошадь, когда ему хотѣлось получить ее въ подарокъ: не правда-ли?

Гораціо. Да, принцъ.

Гамлетъ. Да, да, и вотъ теперь этотъ придворный — червякъ; сгнилъ и получаетъ ударъ по щекѣ лопатой могильщика. — Прекрасное-же превращеніе; жаль, что мы не владѣемъ искусствомъ наблюдать процессъ его. Не ужели эти кости когда-то выросили только для того, чтобы послѣ играть ими въ кегли? У меня они болятъ, когда подумую объ этомъ.

1-й могильщикъ. *(поетъ)* Заступъ закопаетъ
И лежи въ гробу —
Каждый ожидаетъ
Эту же судьбу.

(выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ. Опять еще одинъ: почему не можетъ быть это черепъ какогонибудь юриста? Гдѣ теперь его мудреные процессы, его тяжущіеся лица, его дѣла и его крючки? Почему онъ переноситъ теперь удары въ лобъ грязной лопатой этого грубаго болвана, и не грозитъ притащить его къ суду за личную обиду? Гм! А,

можетъ быть, этотъ молодецъ въ свое время былъ большимъ скупщикомъ земель съ своими купчими, съ своими арендами, съ своими судебными записями. Это-ли послѣдняя его покупка и судебныя права на земли, между тѣмъ, какъ теперь великолѣпный лобъ его украшаютъ великолѣпною грязью? Не ужели всѣ его купчія ничего больше не обезпечили ему, какъ клочекъ земли величиной въ длину и ширину какихъ нибудь двухъ листовъ крѣпостной бумаги? Хотя документы на его земли едва могли-бы помѣститься въ этомъ ящикѣ: но самому владѣльцу неужели не достало больше мѣста, а?

Гораціо. Ни на одну іоту больше, мой принцъ.

Гамлетъ. Не выдѣлываютъ-ли пергаментъ изъ овечьей кожи?

Гораціо. Выдѣлываютъ, принцъ; изъ телячьей тоже.

Гамлетъ. Овцы-же и тѣлята тѣ, которые въ пергаментахъ ищутъ своего обезпеченія. Я хочу поговорить съ этимъ молодецъ. — Послушай, для кого эта могила?

1-й могильщикъ. Моя, господинъ. *(поетъ)*

Каждый ожидаетъ
Эту-же судьбу.

Гамлетъ. Я вполне вѣрю, что она твоя, потому что ты стоишь въ ней.

1-й могильщикъ. Вы стоите на верху, господинъ, а потому она не ваша, я въ ней не лежу, однако-же она моя.

Гамлетъ. Ты врешь въ ней и говоришь, что она твоя. Могилы роютъ для умершихъ, а не для живыхъ: а потому ты врешь.

1-й могильщикъ. Это живая ложь, господинъ, она отъ меня хочетъ перейти къ вамъ.

Гамлетъ. Для какого мужчины ты роешь ее?

1-й могильщикъ. Не для мужчины.

Гамлетъ. Для какой-же женщины?

1-й могильщикъ. И не для женщины.

Гамлетъ. Кого же наконецъ въ ней похоронять?

1-й могильщикъ. Бывшую женщиной, господинъ, но, помяни Господи ее во царствіи своемъ! она умерла.

Гамлетъ. Смотри его, какой остроумный парень! Съ нимъ нужно говорить съ разстановкой, а то онъ словами насъ замучитъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гораціо, въ послѣдніе три года я замѣтилъ, что вѣкъ нашъ сталъ такимъ остроумнымъ, что мужику можетъ позавидовать любой придворный. — Какъ долго ты могильщикомъ?

1-й могильщикъ. Изъ всѣхъ дней въ году я сталъ могильщикомъ въ тотъ именно день, когда нашъ бывшій король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. Какъ давно это было?

1-й могильщикъ. Развѣ вы не знаете? Это знаетъ всякій дуракъ. Это былъ тотъ самый день, когда родился молодой Гамлетъ, который теперь съ ума сошелъ и посланъ въ Англію,

Гамлетъ. Ахъ, такъ! Почему-же его послали въ Англію?

1-й могильщикъ. Ну, потому что онъ сумасшедшій, Онъ долженъ воротить свой умъ, а если не воротить, такъ тамъ это не бѣда.

Гамлетъ. Почему?

1-й могильщикъ. Этого тамъ и не замѣтятъ: люди въ Англіи всѣ такіе сумасшедшіе, какъ онъ.

Гамлетъ. Отъ чего-же онъ съ ума сошелъ?

1-й могильщикъ. Довольно странно, какъ говорятъ.

Гамлетъ. Какъ это странно?

1-й могильщикъ. Душа моя, именно потому, что будто-бы онъ потерялъ разсудокъ.

Гамлетъ. Не знаете-ли вы причины?

1-й могильщикъ. Должно быть причина датская и земля датская. Я здѣсь вотъ уже тридцать лѣтъ могильщикомъ, въ молодыхъ и старыхъ годахъ.

Гамлетъ. А какъ долго лежитъ человѣкъ въ землѣ, пока сгніетъ?

1-й могильщикъ. Мой дорогой, если онъ не сгнилъ еще передъ смертю, (какъ въ теперешнее время случается, что трупъ едва держится, пока не положить во гробъ), то сохраняется онъ, сказать вамъ, 8 до 9-ти лѣтъ; а кожевенникъ девять лѣтъ.

Гамлетъ. Отъ чего кожевенникъ больше, какъ другіе?

1-й могильщикъ. Ахъ, господинъ, его ремесло вычиняетъ кожу ему такъ, что она долгое время не пропускаетъ воды, а вода чертовски скоро съѣдаетъ прогнившіе трупы. Вотъ черепъ, который лежалъ, сказать вамъ, двадцать три года въ землѣ.

Гамлетъ. Кому принадлежалъ онъ?

1-й могильщикъ. Одному пустѣйшему парню. Кто-бы вы думали былъ онъ?

Гамлетъ. Ну, почемъ я могу знать.

1-й могильщикъ. Чортъ побери его, мошенника! Онъ когда-то вылилъ мнѣ на голову цѣлую бутылку рейнвейну. Этого черепъ, вотъ, былъ черепъ Іорка, королевскаго шута.

Гамлетъ. Этого?

1-й могильщикъ. Да, да, именно самый тотъ.

Гамлетъ. (*беретъ черепъ*) Покажи сюда! Ахъ, бѣдный Іорикъ! Я зналъ его, Гораціо: малый съ безконечнымъ юморомъ, полный великолѣпнѣйшихъ остроумій. Онъ меня тысячу разъ носилъ на спинѣ, а теперь, какъ пугаетъ онъ мое воображеніе! Мнѣ даже дурно. Здѣсь были губы, которыя, не знаю какъ часто, я цѣловалъ. Гдѣ теперь твои шутки? твои прыжки? твои пѣсни, молніи твоего смѣха, отъ которыхъ всѣ за столомъ хохотали до упаду? Есть-ли отъ нихъ ктонибудь теперь тамъ, чтобы посмѣяться надъ скрежетомъ собственныхъ твоихъ зубовъ? Все сбѣжалось въ какія-то отвратительныя морщины! Ну-ка, отправься теперь въ комнаты знатной дамы и скажи ей, пусть она накладываетъ, хотя въ палецъ толщиною, румянь: все таки въ концѣ концовъ, получить такое-же лицо; разсмѣши ее этимъ! Будь такъ добръ, Гораціо, скажи мнѣ одно —

Гораціо. Что-же сказать, мой принцъ?

Гамлетъ. Думаешь-ли ты, что и Александръ такой видъ имѣлъ въ землѣ?

Гораціо. Точно также.

Гамлетъ. И такъ смердѣлъ? Фу! (*бросаетъ черепъ*).

Гораціо. Точно также, мой принцъ.

Гамлетъ. Къ какому низкому назначенію приходимъ мы, Гораціо! Отъ чего воображеніе не могло-бы прослѣдить за благороднымъ прахомъ Александра до тѣхъ поръ, пока не нашло-бы его въ видѣ затычки въ бочкѣ?

Гораціо. Смотрѣть такъ на вещи, это значило-бы разбирать ихъ слишкомъ точно.

Гамлетъ. Нѣтъ, нисколько, право. Можно, принявъ за руководство теорію вѣроятности, легко прослѣдить за нимъ туда довольно близко. Напримѣръ такъ: Александръ умеръ, Александръ былъ похороненъ, Александръ превратился въ прахъ; прахъ — земля; изъ земли мы дѣлаемъ замазку: и почему-же нельзя той замазкой, въ которую онъ превратился заткнуть бочку пива?

Великій цезарь, послѣ смерти ставшій глиной, исправно затыкаетъ щели отъ сѣвернаго вѣтра. О, земля, передъ которой міръ дрожалъ, замазывай теперь стѣны отъ бурь и непогоды!

Но тише, тише! Посторонимся! сюда идетъ король!

(Священникъ и т. д. входитъ съ процессіей; гробъ Офеліи; Лаэртъ и траурная свита слѣдуютъ за нимъ; Король, королева, ихъ свита и т. д.)

Гамлетъ. Королева, дворъ: кого они провожаютъ? Почему такая простая обстановка? Какъ будто-бы слѣдуютъ за тѣломъ человѣка, въ отчаяніи лишившаго себя жизни. Должно быть ктонибудь изъ знати: послушаемъ минутку, посмотримъ.

(отходитъ вмѣстѣ съ Гораціемъ назадъ).

Лаэртъ. Неужели это и весь обрядъ?

Гамлетъ. Это Лаэртъ, благородный молодой человѣкъ. Слушайте!

Лаэртъ. Неужели это и весь обрядъ?

1-й Священникъ. Мы совершаемъ обрядъ, на сколько намъ разрѣшаютъ уставы: причина смерти ея сомнительна и, если-бы не высшее распоряженіе, она должна-бы быть похоронена не на освященной землѣ и тамъ ожидать трубы страшнаго суда. Вмѣсто христіанскихъ молитвъ слѣдовало-бы забросать ее черепьемъ и камнями. А теперь удостоили ее быть покрытой дѣвичьимъ вѣнкомъ, усыпали цвѣтами, хоронятъ при колокольномъ звонѣ и на освященномъ мѣстѣ,

Лаэртъ. И больше ничего не будетъ?

Священникъ. Больше ничего. Мы-бы осквернили обрядъ погребенія, если-бы пѣли панихиду какъ по всѣмъ, съ Богомъ почившимъ.

Лаэртъ. Опустите ее въ землю и на непорочной ея могилѣ выростутъ фіалки! Я скажу тебѣ, жестокій попъ, что сестра моя будетъ то-яť какъ ангелъ у престола Господа.

Гамлетъ. Какъ? прекрасная Офелія?

Королева. *(посыпая цвѣтами)* Безвинному — невинность! Прощай! Я жила надеждой, что ты будешь женою моего Гамлета; думала, прелестное дитя, убирать брачное ложе твое, а не усыпать твою могилу.

Лаэртъ. О, пусть тысяча мученій падетъ на проклятую голову того, чье преступленіе лишило тебя разсудка! Не засыпайте еще землей, дайте еще разъ обнять ее. *(прыгаетъ въ могилу)* Теперь воздвигайте громады праха надъ живыми и

мертвыми, пока не поставите на этой долине гору, выше Пеліона, выше голубой вершины облачнаго Олимпа. —

Гамлетъ. *(выступая впередъ)* Кто это, чья скорбь звучитъ такими напыщенными словами? Чей крикъ печали останавливаетъ теченіе звѣздъ и превращаетъ ихъ въ безмолвныхъ слушателей, пораженныхъ горемъ? — Это я, Гамлетъ Датчанинъ.

(скачетъ въ могилу).

Лаэртъ. Чортъ-бы взялъ твою душу! *(борется съ нимъ).*

Гамлетъ. Плохо-же ты молишься. Прошу тебя не души меня за горло; хотя я и не въ пылу гнѣва, но во мнѣ есть что-то опасное, чего я тебѣ посовѣтовалъ-бы бояться. Прочь руку!

Король. Разнимите ихъ!

Королева. Гамлетъ! Гамлетъ!

Всѣ. Господа —

Гораціо. Добрѣйшій Гамлетъ, успокойтесь! *(нѣсколько человекъ изъ свиты разнимаютъ ихъ и они выходятъ изъ могилы).*

Гамлетъ. Да за это дѣло я готовъ съ нимъ драться, до тѣхъ поръ, пока не закрою глазъ.

Королева. О сынъ мой! за какое дѣло?

Гамлетъ. Я любилъ Офелію; любовь сорока тысячъ братьевъ, какъ-бы ни была велика, не могла-бы сравниться съ суммой моей любви. *(къ Лаэрту)* Что для нее ты хочешь сдѣлать?

Король. Лаэртъ, онъ сумасшедшій.

Королева. Ради Бога, оставьте его!

Гамлетъ. *(къ Лаэрту)* Клянусь адомъ, скажи, что ты хочешь дѣлать? Хочешь плакать? драться? наложить на себя посты? растерзать себя на части? Нилъ выпить? Ъсть крокодиловъ? И я тоже. — Ты пришелъ визжать сюда? На зло мнѣ бросаешься въ могилу? Пусть тебя вмѣстѣ съ ней зароютъ, я тоже этого хочу; и ты болтаешь о горахъ, пусть набросаютъ надъ нами миллионы горъ, до того высоко, что-бы громада ихъ, достигая поясовъ палящихъ, гору Оссу превратила-бы въ бородавку. Умѣешь ты сказать высокопарно и я не уступлю тебѣ.

Король. Это чистѣйшее безуміе.

Королева. Припадокъ бушуетъ одну минуту въ немъ, но въ скорости онъ становится терпѣливъ, какъ голубица, когда она, высидѣвши своихъ птенцовъ, опускаетъ крылья на покой.

Гамлетъ. *(къ Лаэрту)* Послушайте, однако-же, милостивый государь! Что за причина, что вы такимъ образомъ меня встрѣчаете? Я васъ всегда любилъ: да впрочемъ что говорить объ этомъ; пусть самъ Геркулесъ подниметъ мечъ для своей защиты, котъ долженъ мяукать, собака должна лаять. *(уходитъ).*

Король. Прошу васъ, Гораціо, ступайте за нимъ! *(Гораціо уходитъ).* Лаэртъ, то о чемъ мы говорили ночью, пусть укрѣпитъ терпѣніе ваше; мы скоро все устроимъ. — Добрая Гертруда, прикажите чтобы смотрѣли за вашимъ сыномъ. *(къ Лаэрту)* На этой могилѣ поставимъ мы памятникъ живой. Скоро уже пробьетъ для насъ часъ успокоенія; но пока — все нужно преодолѣть терпѣніемъ.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА II.

Зала въ замкѣ.

Гамлетъ и Гораціо *входятъ*.

Гамлетъ. Объ этомъ довольно; перехожу теперь къ другому. Помнишь-ли ты еще всѣ обстоятельства?

Гораціо. Помнить? о чемъ, принцъ?

Гамлетъ. Въ груди моей была какая-то борьба, которая не давала мнѣ возможности уснуть; мнѣ казалось, что я, хуже какихъ нибудь мятежниковъ, лежу закованный въ цѣпяхъ. Вдругъ — хвала тебѣ рѣшительная минута! — Изъ этого можно видѣть, какъ часто опрометчивость приноситъ пользу тамъ, гдѣ разрушаются зрѣло обдуманые планы. Это-же учить насъ, что Богъ управляетъ нами, какіе-бы ни строили мы планы.

Гораціо. Совершенно вѣрно.

Гамлетъ. Изъ моей спальни, въ шкипера плащѣ, въ темнотѣ, ощупью, отправился я къ нимъ, и нашель ихъ въ совершенномъ благополучіи; схватилъ пакетъ и ушелъ тихонько въ свою каюту; изъ страха за себя, я забылъ приличіе и дерзко распечаталъ ихъ высочайшее порученіе. Тутъ, Гораціо, я узналъ королевскую продѣлку: это было строжайшее повелѣніе, напичканное разными основаніями, касающимися блага Даніи, и Англіи тоже, и Господи! сколько страховъ, въ случаѣ если-бы я ушелъ — чтобы тотчасъ по предъявленіи сего, безъ малѣйшаго замедленія, отрубить мнѣ голову, даже не откладывая на столько, чтобы отточить топоръ.

Гораціо. Можетъ-ли быть?

Гамлетъ. Вотъ это порученіе: прочти когда нибудь въ свободное время. А хочешь-ли знать, что сдѣлалъ я?

Гораціо. Непремѣнно, я васъ прошу объ этомъ.

Гамлетъ. Такимъ образомъ, подлостью опутанный со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ я могъ обдумать дѣло, въ головѣ моей планъ уже созрѣлъ. Я сѣлъ, выдумалъ порученіе, и написалъ красивымъ почеркомъ. Когда-то, подобно нашимъ вельможамъ, я считалъ унизительнымъ писать красиво и старался этому разучиться; но, въ ту минуту, это было для меня истинно рыцарская услуга. Хочешь-ли знать содержаніе моей бумаги?

Гораціо. Да, добрѣйшій принцъ.

Гамлетъ. Строжайшее заклинаніе отъ короля, на сколько только Англія остается вѣрна обязательствамъ леннаго права, на сколько союзъ съ ней могъ цвѣсти какъ пальма, на сколько только миръ въ своемъ вѣнцѣ изъ колосьевъ, связывающій дружбой оба Государства, долженъ крѣпкимъ быть — присовокупляя много этого на сколько въ этомъ родѣ — когда она узнаетъ содержаніе этой бумаги, распорядилась-бы, безъ малѣйшаго колебанія, подателей тотчасъ казнить, не давши имъ даже времени исповѣдаться въ грѣхахъ.

Гораціо. Какъ-же это было запечатано?

Гамлетъ. Провидѣніе небесное и тутъ меня хранило. Въ кошелькѣ со мной была печать моего отца, которая служила образцомъ государственной печати. Я сложилъ письмо совершенно такъ, какъ было сложено настоящее, подписалъ, приложилъ печать и положилъ на мѣсто; подлогъ былъ не замѣченъ. На слѣдующій день была морская стычка, а что было затѣмъ, ты уже знаешь.

Гораціо. А Гильденштернъ и Розенкранцъ заплатили жизнью?

Гамлетъ. Э, другъ мой, они-же наперерывъ добивались этого порученія; мнѣ за нихъ ничуть не совѣстно: ихъ погибель есть слѣдствіе ихъ-же вмѣшательства. Опасно, если низкая натура становится между раскаленными остріями шпагъ двухъ могущественныхъ противниковъ.

Гораціо. Но какой-же это король?

Гамлетъ. Какъ ты думаешь, какое дѣло для меня ближе всего теперь? Онъ убилъ моего отца, мать обратилъ въ развратную женщину; ворвался между избраніемъ на престолъ и всѣми моими надеждами; съ такимъ коварствомъ забросилъ крюкъ на собственную жизнь мою: не будетъ-ли вполнѣ справедливо, чтобы эта рука поблагодарила ему? И не будетъ-ли это проклятіемъ допустить, чтобы этотъ ракъ еще терзалъ-бы наше тѣло?

Гораціо. Ему вѣрно скоро донесутъ, какой будетъ исходъ дѣла въ Англіи.

Гамлетъ. Да, скоро; но до того — время мое: жизнь человѣка — не успѣешь сосчитать разъ и нѣтъ ее. Однако-же я ужасно огорченъ, другъ Гораціо, что съ Лаэртомъ такъ забылся: такъ какъ въ дѣлѣ его я вижу копию своего, Я его весьма уважаю, но, дѣйствительно, его высокопарность въ горѣ меня возмутила до бѣшенства.

Гораціо. Тише! кто-то идетъ.

Осрикъ входитъ.

Осрикъ. Имѣю честь привѣтствовать Ваше Высочество здѣсь въ Даніи!

Гамлетъ. Покорнѣйше благодарю, милостивый государь. (*къ Гораціо*). Знаешь-ли ты этого комара?

Гораціо. Нѣтъ, добрѣйшій принцъ.

Гамлетъ. Тѣмъ лучше для спасенія души твоей, потому что знать его — уже порокъ. Онъ владѣлецъ большихъ и плодородныхъ земель, ясли его стоятъ на ряду съ королевскимъ столомъ. Это сорока, но, какъ я тебѣ сказалъ, Богъ его благословилъ владѣніями обширнѣйшихъ болотъ.

Осрикъ. Добрѣйшій принцъ, если-бы Ваше Высочество имѣли праздное время, я желалъ-бы сообщить кое-что отъ имени Его Величества.

Гамлетъ. Я готовъ воспринять это съ полнѣйшимъ вниманіемъ, милостивый государь. Вашу фуражку на ее мѣсто: она сдѣлана для того, чтобы носить ее на головѣ.

Осрикъ. Благодарю Вашему Высочеству, очень жарко.

Гамлетъ. Даю слово, нисколько; напротивъ, очень холодно; вѣтеръ сѣверный.

Осрикъ. Въ самомъ дѣлѣ порядочно холодно, принцъ.

Гамлетъ. Но однако-же, мнѣ какъ будто кажется, что необыкновенно душно и жарко, или моя натура —

Осрикъ. Необыкновенно душно, принцъ — извѣстнымъ образомъ — я не могу сказать какъ. Милостивѣйшій государь, Его Величество изволилъ приказать мнѣ освѣдомить васъ, что онъ распорядился большимъ закладомъ о головѣ вашей. Дѣло слѣдующее, принцъ: —

Гамлетъ. Пожалуста, не забывайте! (*Гамлетъ заставляетъ его надѣть шляпу*).

Осрикъ. Позвольте, достойнѣйшій принцъ, къ моему собственному удобству, право. Недавно, Ваше Высочество, прибылъ сюда ко двору Лаэртъ: какъ честный человекъ, совершенный кавалеръ, съ превосходнѣйшими отличіями, чрезвычайно пріятный въ разговорѣ и съ блестящимъ внѣшнимъ видомъ. Дѣйствительно, чтобы сказать объ немъ съ умомъ — это образцовая карта тонкаго образа жизни, потому-что вы найдете въ немъ включительно всѣ совершенства, какія только можетъ себѣ желать видѣть на-стоящій кавалеръ.

Гамлетъ. Дознаніе о немъ нисколько не теряетъ въ вашихъ устахъ, хотя я тоже знаю, что способность памяти считать могла-бы вскружиться, если-бы стать перечислять списокъ всѣхъ его качествъ. Но и то списокъ этотъ будетъ наполненъ грубыми ошибками, если принять во вниманіе его быстрый полетъ впередъ. Но, клянусь священнѣйшею серьезностью похвалъ, я считаю его духомъ обширнаго размѣра, и его внутреннія дарованія столь драгоценными и такими рѣдкими, что, если-бы намъ сказать настоящую объ немъ правду, все это только есть отраженіе въ зеркалѣ ему подобнаго, и кто-бы захотѣлъ идти по слѣдамъ его, былъ-бы только одною тѣнью его, не болѣе.

Осрикъ. Ваше Высочество говорите объ немъ съ совершенною непогрѣшимостью.

Гамлетъ. Чего-же ради для, милостивый государь, мы позволяемъ себѣ испускать грубое дыханіе нашей рѣчи объ этомъ кавалерѣ?

Осрикъ. Принцъ?

Гораціо. Развѣ нельзя объяснить дѣло другимъ, болѣе понятнымъ языкомъ! Безъ сомнѣнія, для васъ это было-бы возможно, милостивый государь.

Гамлетъ. Что-же означаетъ наименованіе этого кавалера?

Осрикъ. Лаэрта?

Гораціо. Его кошелекъ уже опустѣлъ: всѣ его золотыя слова уже въ расходѣ.

Гамлетъ. Да, вышесказаннаго.

Осрикъ. Я знаю, что вы не несвѣдуци —

Гамлетъ. Я хотѣлъ-бы чтобы вы объ этомъ знали; хотя для меня, клянусь честью! это была-бы нисколько не похвала. — Ну, хорошо; дальше, милостивый государь!

Осрикъ. Вы не несвѣдуци, какимъ совершенствомъ обладаетъ Лаэртъ —

Гамлетъ. Этимъ я не могу похвалиться и не хотѣлъ-бы дѣлать сравненія между нашими достоинствами; основательно знать другого человека это значитъ знать самого себя.

Осрикъ. Я хочу сказать о томъ, принцъ, что касается до владѣнія оружіемъ; если принять во вниманіе, что ему приписываютъ, въ этомъ отношеніи ему нѣтъ равного.

Гамлетъ. Какое его оружіе?

Осрикъ. Шпага и рапира.

Гамлетъ. Два разнаго рода оружія; однако-же, что дальше!

Осрикъ. Король, Ваше Высочество, пошелъ съ нимъ объ закладъ о шести арабскихъ жеребцахъ; противъ чего онъ, какъ я слышу, поставилъ въ залогъ шесть французскихъ шпагъ со всѣми принадлежностями: какъ, поясами, портупееми и т. д. Трое изъ этихъ станковъ дѣйствительно бросаются въ глаза, эфесы великолѣпно обдѣланы, необыкновенно красивые станки, изобрѣтеніе высокаго вкуса.

Гамлетъ. Что-вы называете станками?

Гораціо. (*къ Гамлету*) Я зналъ, что вамъ придется взяться за изученіе его коментарія, пока разговоръ придетъ къ концу.

Осрикъ. Станки, принцъ, это портупеи.

Гамлетъ. Выраженіе подходило-бы больше къ дѣлу въ такомъ случаѣ, когда-бы мы могли съ сбоку носить пушку; а пока пусть будутъ они портупеи. Однако, что-же дальше: шесть жеребцовъ противъ шести французскихъ шпагъ съ ихъ принадлежностями и съ тремя, со вкусомъ придуманными, станками: значитъ французскій закладъ противъ датскаго. О чемъ-же они поставили въ залогъ, какъ вы говорите?

Осрикъ. Король, принцъ, побился объ закладъ, что Лаэртъ изъ двѣнадцати ударовъ нанесетъ вамъ не болѣе трехъ; онъ-же побился, что нанесетъ девять; и это можно-бы попробовать тотчасъ, если-бы Ваше Высочество были склонны на возраженіе.

Гамлетъ. Если же я возражу теперь: нѣтъ?

Осрикъ. Я хочу сказать, принцъ, что слѣдуетъ поставить вашу особу на пробу.

Гамлетъ. Я буду здѣсь гулять въ залѣ; если угодно теперь-же Его Величеству — въ это время я обыкновенно наслаждаюсь свѣжимъ воздухомъ. Прикажите принести рапиры; если Лаэртъ имѣетъ желаніе и король остается при своемъ намѣреніи, я хочу, если можно будетъ, выиграть для него пари; если-же не удастся — будетъ мнѣ стыдно и я поплачусь достаточнымъ количествомъ ударовъ.

Осрикъ. Могу-ли я такимъ образомъ объяснять ваше мнѣніе?

Гамлетъ. Въ этомъ смыслѣ, милостивый государь, съ прикрасами по вашему вкусу.

Осрикъ. Истинную мою преданность поручаю милостивому вниманію Вашего Высочества. (*уходитъ*).

Гамлетъ. Вашъ. (*къ Гораціо*) Онъ, впрочемъ, хорошо дѣлаетъ, что самъ себя поручаетъ: иначе никто-бы не сказалъ ни слова въ его пользу.

Гораціо. Эта пигалица вылетѣла изъ гнѣзда съ половиной яичной скорлупы на головѣ.

Гамлетъ. Онъ разсыпался въ комплиментахъ передъ грудью матери, прежде чѣмъ начиналъ сосать. Такимъ путемъ онъ и многіе другіе того-же пошиба, въ которыхъ влюбленъ нашъ пустой вѣкъ, схватилъ только тонъ моды и наружный

блескъ разговора: родъ шипучей смѣси, съ которой они щеголяютъ глупѣйшими и ничтожнѣйшими сужденіями; но пусть кто нибудь, для пробы дунеть — и пузыри полопались.

Придворный *входитъ.*

Придворный. Милостивый государь, Его Величество соизволилъ поручить Осрику передать вамъ поклонъ, который доложилъ, что вамъ угодно ожидать государя въ залѣ. Онъ повелѣлъ мнѣ спросить васъ: угодно-ли вамъ драться съ Лаэртомъ теперь, или вы желаете отложить на другое время.

Гамлетъ. Я остаюсь при своемъ намѣреніи, которое согласно и съ желаніемъ короля. Какъ ему будетъ удобнѣе, я готовъ теперь, или въ другое время; разумѣется, если я буду въ такомъ-же хорошемъ настроеніи, какъ теперь.

Придворный. Король, королева и всѣ уже идутъ сюда.,

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева желаетъ, не угодно-ли будетъ вамъ по дружески переговорить съ Лаэртомъ прежде, чѣмъ начнете драться.

Гамлетъ. Совѣтъ ея хорошъ. (*Придворный уходитъ.*) .

Гораціо. Вы проиграете пари, мой принцъ.

Гамлетъ. Я не думаю: съ тѣхъ поръ, какъ онъ отправился во Францію, я постоянно упражнялся. На такихъ выгодныхъ условіяхъ я выиграю пари. Но ты не можешь себѣ представить, какъ сердце у меня болитъ. Но это ничего.

Гораціо. Нѣтъ, добрѣйшій принцъ —

Гамлетъ. Это глупость; но какое-то недоброе предчувствіе, которое, можетъ быть, смутило-бы женщину.

Гораціо. Если вашему духу что нибудь противно, слушайте его: я предупрежу ихъ и скажу, что вы не расположены.

Гамлетъ. Боже сохрани. Я смѣюсь надъ предчувствіями: безъ воли Провидѣнія и воробей не погибаетъ. Что должно быть теперь, не будетъ послѣ; не будетъ послѣ, будетъ теперь; не будетъ теперь — когда нибудь въ будущемъ да случится. Все состоитъ въ томъ, чтобы быть готовымъ. Такъ какъ никто не знаетъ, что терять, что за бѣда потерять прежде. времени? Пусть будетъ такъ!

Король, Королева, Лаэртъ, Осрикх, придворные и прочая свита съ рапирами и т. п.
входятъ.

Король. Полно, Гамлетъ, полно! Подойдите и возьмите отъ меня эту руку. (*Король подаетъ руку Лаэрта Гамлету.*)

Гамлетъ. (*къ Лаэрту.*) Примите мое извиненіе, милостивый государь: я противъ васъ неправъ; но простите, какъ требуетъ того честь ваша. Всѣ знаютъ, вы сами навѣрно слышали, какой тяжелой меланхоліей я страдаю. То, что я сдѣлалъ, что оскорбило чувствительно вашу личность, честь и сердце, объявляю здѣсь, что это было безуміе. Гамлетъ-ли это былъ, что оскорбилъ Лаэрта? Нѣтъ. Когда Гамлетъ отрѣшенъ отъ самого себя и когда не самъ онъ оскорбляетъ Лаэрта, тогда это

дѣлаетъ не Гамлетъ: Гамлетъ отвергаетъ это. Кто-же сдѣлалъ? Его безуміе. Если такъ, въ такомъ случаѣ онъ самъ горько жалѣетъ объ этомъ: безуміе — врагъ бѣднаго Гамлета. Передъ этими свидѣтелями, милостивый государь, простите великодушно и считайте меня не повиннымъ въ какомъ-бы то ни было дурномъ намѣреніи, все равно, какъ если-бы я, пуская стрѣлу черезъ кровлю дома, попалъ-бы въ брата моего.

Лаэртъ. За оскорбленіе чувствъ природныхъ, которыя взывали больше всего о мести, съ меня довольно. Но, по законамъ чести, я не могу и знать не хочу о примиреніи, пока старѣйшіе знатоки и испытанной чести люди, для спасенія моего имени, не посовѣтуютъ и не скажутъ слова въ пользу мира: до тѣхъ поръ, я принимаю любовь, вами предложенную, какъ любовь и оскорбитъ ее не намѣренъ.

Гамлетъ. Охотно согласенъ я на это, и съ душевнымъ спокойствіемъ стану драться на этомъ братскомъ поединкѣ. Подайте намъ рапиры, пойдемъ!

Лаэртъ. Пойдемъ; дайте и мнѣ одну!

Гамлетъ. Я рѣшаюсь быть вашей фольгой, Лаэртъ; сквозь мою неумѣлость, ваше искусство будетъ блеснуть такъ ярко, какъ въ темную ночь, звѣзда.

Лаэртъ. Вы подшучиваете надо мною, принцъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, вотъ вамъ рука моя!

Король. Дайте имъ рапиры, молодой Осрикъ! Вы вѣрно знаете, мой сынъ Гамлетъ, о нашемъ пари?

Гамлетъ. Отлично; только ваше Величество держите пари за слабѣйшую сторону.

Король. Этого я не боюсь; я васъ обоихъ когда-то видѣлъ: за то, что онъ учился больше, намъ даютъ форъ.

Лаэртъ. (*Взвѣсивая въ руку одну рапиру*) Эта слишкомъ тяжела, дайте посмотрѣть другую.

Гамлетъ. Для меня она будетъ хороша: одной-ли всѣ длины?

(*они готовятъ фехтовать*).

Осрикъ. Да, любезный принцъ.

Король. Поставьте бокалы съ виномъ на этотъ столъ! Если Гамлетъ попадетъ первый и второй разъ, или въ третій разъ онъ нанесетъ ударъ обратно, пусть пушки гремятъ со всѣхъ бойницъ, король пьетъ тогда за здоровье Гамлета и бросаетъ въ бокалъ жемчугъ цѣннѣе того, который сіялъ у четырехъ королей подъ рядъ въ коронѣ Даніи. Подайте бокалы, пусть трубы даютъ знакъ литаврамъ, а литавры пушкамъ, пушки небесамъ, а небеса пусть грянутъ надъ землей: въ эту минуту пьетъ король за здоровье Гамлета! — Начинайте, а вы судьи, смотрите зорко!

Гамлетъ. (*къ Лаэрту*) Начнемъ, милостивый государь!

Лаэртъ. Начнемъ-те, принцъ!

(*фехтуютъ*).

Гамлетъ. Попалъ.

Лаэртъ. Нѣтъ.

Гамлетъ. Судьи рѣшите.

Осрикъ. Попалъ, очевидно попалъ!

Лаэртъ. Хорошо; еще разъ.

Король. Стойте! вина сюда! — Гамлетъ, эта жемчужина твоя, пью за твое здоровье! Подайте ему бокаль!

(звуки трубы и пушечная пальба за сценой).

Гамлетъ. Прежде кончу партію, поставьте гдѣ нибудъ бокаль! *(къ Лаэрту)*
Начнемъ!

(фехтуютъ).

Опять попалъ; что скажете?

Лаэртъ. Тронуть, тронуть! не спорю.

Король. Нашъ сынъ побѣждаетъ.

Королева. Ему сдѣлалось жарко, еле дышетъ. Вотъ, Гамлетъ, возьми платокъ, оботри лобъ себѣ! Королева пьетъ за твое счастье, мой Гамлетъ.

Гамлетъ. Добрая матушка —

Король. Гертруда, не пей!

Королева. Я хочу супругъ мой; я прошу, позвольте мнѣ.

Король. *(въ сторону)* Это бокаль съ отравой; нѣтъ спасенія.

Гамлетъ. Теперь я еще не могу пить, королева; сію минуту,

Королева. Подойди ко мнѣ, позволь, я оботру тебѣ лице.

Лаэртъ. Государь, теперь я попаду.

Король. Не думаю.

Лаэртъ. *(въ сторону)* Хотя это будетъ почти противъ совѣсти.

Гамлетъ. Лаэртъ, начнемъ въ третій разъ: вы какъ будто шутите. Пожалуста, наносите удары со всей силы; я готовъ еще подумать, что вы издѣваетесь надо мной.

Лаэртъ. Вы такъ думаете? такъ и быть!

(фехтуютъ).

Осрикъ. Ни та, ни другая сторона.

Лаэртъ. Теперь берегитесь!

(Лаэртъ ранитъ Гамлета; послѣ того въ пылу битвы перемѣняютъ рапиры и Гамлетъ ранитъ Лаэрта).

Король. Разведите ихъ, они разгорячились.

Гамлетъ. Нѣтъ, еще разъ!

(Королева падаетъ).

Осрикъ. Посмотрите, что съ королевой?

Гораціо. Они оба въ крови. Вы какъ себя чувствуете, принцъ?

Осрикъ. Какъ вы себя чувствуете, Лаэртъ?

Лаэртъ. Осрикъ, я запутался въ собственныхъ сѣтяхъ! По справедливости погибаю за измѣну.

Гамлетъ. Что такое съ королевой?

Король. Она увидала кровь и лишилась чувствъ.

Королева. Нѣтъ, нѣтъ! Вино, вино! — О, милый Гамлетъ! Вино, вино! — Я отравлена. *(умираетъ).*

Гамлетъ. О злодѣйство! — Гей! Затворите двери! Измѣна! Ищите, гдѣ она засѣла!

(Лаэртъ падаетъ).

Лаэртъ. Здѣсь, Гамлетъ: Гамлетъ, ты убить. Никакія силы въ свѣтѣ не спасутъ тебя, тебѣ не жить и полчаса. Орудіе злодѣйства въ твоихъ рукахъ, отточенное, напитанное ядомъ; коварство мое меня-же убило: смотри, я здѣсь лежу, чтобы никогда уже не встать — мать твоя отравлена — нѣтъ силъ — король виной всему, король!

Гамлетъ. Остріе тоже отравлено? Ступай-же на работу, ядь! (*Онъ прокалываетъ короля*).

Осрикъ и прочіе придворные. Измѣна! Измѣна!

Король. Помогите, друзья! Я только раненъ.

Гамлетъ. (*Заставляя короля выпить*). Вотъ тебѣ, злодѣй кровосмѣситель, проклятый Датчанинъ! Пей это вино! — Здѣсь жемчужия? Ступай за матерью моею! (*Король умираетъ*).

Лаэртъ. Заслуженная кара надъ нимъ свершилась; это ядь, подсыпанный собственной его рукой. Простимъ другъ другу, благородный Гамлетъ! Смерть отца и моя, пусть не лежитъ на душѣ твоей, а твоя на моей. (*умираетъ*).

Гамлетъ. Да простятъ тебѣ небеса! Я иду за тобой. — Гораціо, я умираю. — Несчастливая королева, счастливый путь тебѣ! — Вы, побѣднѣвшіе и трепещущіе при этой катастрофѣ, нѣмые свидѣтели этой драмы если-бы было еще время — смерть, палачъ жестокой, уже хватаетъ — о, я могъ-бы рассказать вамъ! Но пусть будетъ такъ. — Гораціо, я умираю; ты живъ: объясни взволнованнымъ умамъ жизнь мою и дѣло.

Гораціо. Нѣтъ, не думай такъ, я старый Римлянинъ, а не Датчанинъ: здѣсь еще есть вино.

Гамлетъ. Если ты мужъ, дай мнѣ чашу! Заклинаю тебя небомъ, отдай! я требую того! О Боже! — Какое позорное имя, другъ, оставлю я послѣ смерти, если все останется прикрытымъ тайной! Если ты когда нибудь любилъ меня, откажись отъ неба, дыши еще въ этомъ жестокомъ мірѣ и передай повѣсть моей судьбы. —

(вдали слышенъ маршъ, пальба за сценой).

Что за военная тревога?

Осрикъ. Молодой Фортинбрасъ только-что возвращается побѣдоносный изъ Польши и встрѣчаетъ съ военными почестями пословъ изъ Англіи.

Гамлетъ. О, я умираю, Гораціо! Ужасный ядь захватываетъ духъ; я не услышу уже вѣстей изъ Англіи, но предсказываю, что выборъ упадетъ на Фортинбраса; ему посылаю мое предсмертное да; передай ему это и расскажи какъ все случилось — все остальное — молчаніе. (*умираетъ*).

Гораціо. Угасла благородная душа. — Спи съ миромъ, Государь! пусть сонмы ангеловъ небесныхъ поютъ за упокой души твоей! Что за барабанный бой, все ближе и ближе?

(маршъ за сценой).

Фортинбрасъ, англійскіе послы и другіе входятъ.

Фортинбрасъ. Гдѣ это зрѣлище?

Гораціо. Что-бы вы желали видѣть? Хотите видѣть горе, или чудо — не ищите ихъ, вотъ они!

Фортинбрасъ. Здѣсь, на этомъ побоищѣ, торжествуетъ убійство. — О, смерть надменная, какой-же пиръ готовишь ты въ твоихъ чертогахъ вѣчныхъ, когда кладешь однимъ ударомъ столько жертвъ кровавыхъ владѣтельнаго сана?

1-й посоль. Видъ ужасный и дѣло изъ Англїи опоздало. Глухъ тотъ, который долженъ былъ услышать объ исполненїи его повелѣнїя — что Розенкранцъ и Гильденштернъ убиты. Кто скажетъ намъ теперь спасибо?

Гораціо. Не уста его, если-бы даже онъ и ожилъ; онъ никогда не давалъ повелѣнїя лишить ихъ жизни. Такъ какъ столь быстро за этимъ кровавымъ дѣломъ (*къ Фортинбрасу*) вы изъ похода въ Польшу, (*къ посламъ*) вы изъ Англїи прибыли сюда, то распорядитесь, чтобы тѣла эти были поставлены на высокую эстраду передъ лицомъ всего народа, и позвольте мнѣ повѣдать міру, который ничего не знаетъ, о томъ, какъ все случилось; вы услышите о звѣрскихъ, кровавыхъ, возмущающихъ природу дѣлахъ; о казняхъ, о которыхъ никто и не думалъ, о случаяхъ роковыхъ смертей; объ убійствахъ, совершенныхъ съ насиліемъ и коварствомъ, о злодѣйскихъ замыслахъ, павшихъ на голову ихъ изобрѣтателей: все это я могу передать въ настоящемъ видѣ.

Фортинбрасъ. Поспѣшимъ услышать твой рассказъ, пусть соберутъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ! Что касается меня, то это счастье я съ горечью встрѣчаю; но, имѣя старинныя права на это царство, я предъявляю ихъ теперь.

Гораціо. У меня есть основаніе и объ этомъ рассказать, устами даже того, за котораго голосомъ все пойдетъ; но прежде всего приведемъ въ порядокъ этотъ ужасъ, потому что умы людей разъярены и что-бы коварство и смятеніе не вызывали-бы на сцену еще большаго несчастья.

Фортинбрасъ. Пусть четыре значительнаго чина воины, какъ-бы на тронъ, взнесутъ Гамлета-рыцаря: достигни онъ престола, это былъ-бы настоящій царь; и пусть на погребальномъ шествїи военная музыка и всѣ почести воинскїя всенародно гремятъ о немъ! Уберите тѣла! — Чудовищная картина, какъ будто-бы на полѣ битвы! Ступайте, прикажите войскамъ открыть пальбу изъ пушекъ!

(Похоронный маршъ. Уходятъ и уносятъ тѣла; затѣмъ слышенъ залпъ изъ орудій).

КОНЕЦЪ.